

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

На правах рукописи

Тоноян Мария Нельсоновна

**КАЛЕНДАРНО-ВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКА ВОСТОЧНЫХ
ДИАЛЕКТОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ
СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, PhD Linguistics
Фильченко А.Ю.

Томск – 2015

Оглавление

Введение.....	6
Глава I ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КАЛЕНДАРНО-ВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКИ	25
§ 1.1 К вопросу о степени изученности лексического состава хантыйского и селькупского языков.....	25
§ 1.2 Морфологическая структура существительных в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка	29
1.2.1 Характеристика хантыйского и селькупского языков в свете общей морфологической типологии	29
1.2.2 Непроизводные существительные в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка	30
1.2.3 Производные существительные в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка	31
1.2.3.1 Суффиксальный способ образования существительных	32
1.2.3.2 Образование существительных с помощью словосложения	35
1.2.3.3 Производные конструкции с номинализатором	42
§ 1.3 Календарно-временная лексика как фреймовая система в свете современной лингвистической семантики.....	48
1.3.1 Направления развития лингвистической семантики.....	48
1.3.2 Становление современной лингвистической семантики и основные подходы к изучению значения	50
1.3.3 Календарно-временная лексика как фреймовая система: теоретические и методологические основы	56
1.3.4 Типы мотивированности значения. Принципы выделения тематических групп календарно-временной лексики	61
Выводы по главе I.....	65

Глава II СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЛЕНДАРНО-ВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКИ ВОСТОЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ

СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА	68
§ 2.1 Непроизводная календарно-временная лексика восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка.....	70
2.1.1 Хант. <i>al</i> ‘год’	70
2.1.2 Хант. <i>iki</i> ‘месяц, луна’	72
2.1.3 Хант. <i>qotl</i> ‘день’	74
2.1.4 Хант. <i>əj, joʊən</i> ‘ночь’	75
2.1.5 Хант. <i>äləŋ</i> ‘утро’	75
2.1.6 Хант. <i>ät, itən</i> ‘вечер’	76
§ 2.2 Суффиксальный способ образования календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка.....	77
2.2.1 Сельк. <i>pod, pot</i> ‘год’	78
2.2.2 Сельк. <i>iret, irret, aret</i> ‘месяц’	79
2.2.3 Сельк. <i>tfelt, tel</i> ‘день’	80
2.2.4 Сельк. <i>pet, pit</i> ‘ночь’	81
2.2.5 Сельк. <i>kart</i> ‘утро’	81
2.2.6 Сельк. <i>üdyt, ütet, üdət</i> ‘вечер’	82
§ 2.3 Словосложение в календарно-временной лексике восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка.....	83
2.3.1 Хант. <i>al-peləq</i> , сельк. <i>pot-pile, pot-peleka</i> ‘полгода’	84
2.3.2 Хант. <i>iki-jäwə</i> , сельк. <i>nadel</i> ‘неделя’	86
2.3.3 Хант. <i>wan-qotl</i> ‘суббота’, <i>torəm-qotl</i> ‘воскресенье’. Сельк. <i>nu-tfelt</i> ‘воскресенье’, <i>üdzə-dəl</i> ‘рабочий день’	87
2.3.4 Хант. <i>əj-jor, əj-peləq, joʊən-jor, joʊən-peləq</i> ‘полночь’. Сельк. <i>pin-djnözhe, pin-dzamb</i> ‘полночь’. Хант. <i>qotl-jor / qotl-peləq</i> , сельк. <i>tsel-dzamb</i> ‘полдень’	90

2.3.5 Хант. <i>əjʏən-qotʏən</i> , сельк. <i>tʃelt aj pin</i> ‘сутки’	91
§ 2.4 Номинализованные конструкции в календарно-временной лексике восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка	93
2.4.1 Морфосинтаксические особенности образования номинализованных конструкций	94
2.4.2 Номинализованные конструкции с именными основами	103
2.4.3 Номинализованные конструкции с глагольными основами	109
Выводы по главе II	114
Глава III СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАИМЕНОВАНИЙ КАЛЕНДАРНЫХ «МЕСЯЦЕВ» ВОСТОЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА	116
§ 3.1 Ключевые особенности традиционной культуры хантов и селькупов	116
§ 3.2 Календарь в традиционной культуре хантов и селькупов	124
3.2.1 Сопоставительный семантический анализ наименований календарных «месяцев», входящих в год-лето хантов и селькупов	127
3.2.1.1 Год-лето восточных хантов	127
3.2.1.2 Год-лето южных селькупов	131
3.2.2 Сопоставительный семантический анализ наименований календарных «месяцев», входящих в год-зиму хантов и селькупов	135
3.2.2.1 Год-зима восточных хантов	135
3.2.2.2 Год-зима южных селькупов	138
Выводы по главе III	145
Заключение	147
Литература	150
Приложение 1. Список сокращений	173
Приложение 2. Сводная таблица наименований календарных «месяцев» восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка	176

Приложение 3. Сводная таблица морфологических типов образования календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка	186
---	-----

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено описанию и сопоставительному анализу календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка, в частности морфологическому и семантическому анализу календарно-временной лексики в указанных диалектах.

Хантыйский язык относится к угорской группе финно-угорских языков уральской языковой семьи. Кроме хантыйского, в угорскую группу входят еще два языка – мансийский и венгерский. В непосредственном родстве хантыйский состоит с мансийским языком, вместе с которым образует обско-угорскую ветвь, пребывающую в более отдаленном родстве с венгерским языком. По данным переписи 2010 г., на хантыйском языке говорят 9584 человек (из общего числа хантыйского населения 30943 человека) [Перепись населения РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf].

Хантыйский язык подвергается сильному ассимилятивному влиянию со стороны русского языка. В настоящее время на русском языке свободно говорят не менее 90 % хантов [Перепись населения РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf].

Ханты расселены по бассейнам притоков Оби и Иртыша, а также по самой Оби в ее нижнем и среднем течениях. В административном отношении территория расселения хантов входит в пределы Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области, а также Александровского и Каргасокского районов Томской области [Терешкин, 1981: 3].

Хантыйское население всегда было неоднородным как по культуре, так и по языку [Молодин, 1995: 26]. Большая этническая территория, при небольшой численности населения, предопределяет сложность диалектной структуры хантыйского языка. Территориальная раздробленность хантов послужила основной причиной формирования значительного количества диалектов и говоров хантыйского языка, многие из которых различаются настолько, что понимание

между носителями зачастую затруднено. В современном финно-угроведении существует несколько классификаций хантыйских диалектов, в которых количество выделяемых диалектов варьируется.

До 60-х гг. XX в. в лингвистической литературе господствовало подразделение хантыйского языка на северные, восточные и южные диалектные группы, в каждой из которых отмечались переходные диалекты и говоры. Так, согласно классификации В. Штейница, хантыйский язык делится на три крупные диалектные группы – **северную, южную и восточную**. Северная группа включает в себя диалекты и говоры, распространенные между устьем Оби и поселком Шеркалы; это такие диалекты, как *обдорский, шурьшкарский, казымский, шеркальский, сыгвинский*, и говоры: *Мужжи, Сыня*. В южную группу входят *иртышский, кондинский, демьянский, низямский, кеушкинский* диалекты. Восточная группа объединяет диалекты, распространенные по притокам среднего течения Оби: *салымский, сургутский, ваховский, васюганский, вартовский* [Хайду, 1985: 45]. Деления хантыйского языка на три диалектные группы также придерживались такие исследователи, как Я. Гуйа [Gulya, 1966: 5], П.К. Животиков [Животиков, 1942: 7–18] и др.

Во второй половине XX в. Н.И. Терешкиным была предложена классификация, в которой хантыйские диалекты подразделены на две самостоятельные группы: **западные и восточные диалекты**. Западные диалекты можно назвать собственно хантыйскими, а восточные – кантыкскими, так как носители первых именуют себя *ɣantəʊ jaʊ*, а восточные – *qantəʊ jaʊ*. В западную группу входят северные (диалекты обдорской группы (*обдорский*) и диалекты приобской группы: *шурьшкарский, березовский, казымский, среднеобский*) и южные диалекты (*иртышский, кондинский, демьянский*). В восточную группу входят диалекты сургутской группы (*тром-юганский, аганский, юганский, пимский говоры*), особо выделяется *салымский* диалект, и диалекты вах-васюганской группы (*ваховский, васюганский* диалекты). Такое членение, по мнению Н.И. Терешкина, отражает не только территориальное распределение

самых диалектов, но также указывает на этническую принадлежность их носителей [Терешкин Н.И., 1966: 320].

В данной работе используется классификация Н.И. Терешкина, в которой хантыйский язык подразделяется на восточный и западный диалектные массивы. Данной классификации сегодня придерживается большинство исследователей. Языковые различия между западными и восточными диалектами хантыйского языка настолько существенны на всех уровнях языка, что препятствуют успешной коммуникации, а наши информанты – носители васюганского диалекта – считают западные диалекты «другими» языками, поскольку имели возможность послушать речь носителей западных диалектов.

В область наших интересов входят диалекты вах-васюганской группы восточных диалектов хантыйского языка, а именно ваховский и васюганский. Различия между этими восточно-хантыйскими диалектами не настолько существенны, чтобы носители этих двух диалектов не понимали друг друга. Имеющиеся различия охватывают в основном фонетический уровень, и в меньшей мере – грамматический и лексический.

Наиболее значимым различием является подразделение васюганского и ваховского диалектов на *j*-овые и *l*-овые соответственно. Первые относятся к васюганскому диалекту, а вторые – к ваховскому. Например *jäwət* (вас.), *läwət* (вах.), ‘время’; *jäjət* (вас.), *läjət* (вах.) ‘топор’; *jerəŋ* (вас.), *lerəŋ* (вах.) ‘полосатый’. Далее в работе, упоминая восточную группу диалектов хантыйского языка, мы будем иметь в виду именно ваховский и васюганский диалекты.

Вторым языком, на материале которого выполнено данное диссертационное исследование, является селькупский язык, входящий в самодийскую группу уральской языковой семьи. К живым самодийским языкам относятся селькупский (остяко-самоедский), ненецкий (юрако-самоедский), энецкий (енисейско-самоедский) и нганасанский (тавгийский). Самодийские языки подразделяются на две ветви. Селькупский язык генетически относится к южной ветви самодийских языков, три других живых языка – к северной.

Численность селькупов согласно переписи населения 2010 года составляла 3649 человек, из которых 1023 человека говорят на родном языке [Перепись населения РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf]. Селькупский язык распространен на территории Западной Сибири, в основном, в междуречье Оби и Енисея. Селькупский этнос состоит из двух основных групп – южной, обской (живут по Оби и ее притокам Тыму, Васюгану, Кети, Парабели, Чае, Чулыму в Томской области) и северной, тазовско-туруханской (живут по реке Таз в Тюменской области и по притокам Енисея – главным образом по Турухану с Верхней и Нижней Баихой и Елогуем – в Красноярском крае) [Хелимский, 2000: 35].

В настоящее время язык селькупов представляет собой конгломерат диалектов и говоров, каждый из которых сохраняет своеобразие и имеет отличительные особенности. Вопросу диалектного членения селькупского языка уделялось достаточное внимание со стороны исследователей самодийских языков, но в настоящее время относительно данного вопроса не существует единого мнения. Классификацией селькупских диалектов в разное время занимались М.А. Кастрен [Castren, 1855: 127, 167–168], К. Доннер [Donner, 1920: 12–14], Г.И. Пелих [Пелих, 1962: 179–180], Е.Д. Прокофьева [Прокофьева, 1966: 397], А.П. Дульзон [Dulson, 1971: 35].

Хелимский Е.А. выделяет три диалектные группы в селькупском языке: **северную, центральную и южную**. При этом к северному ареалу относятся *тазовско-туруханско-елогуйские* диалекты; *тымский* и *нарымский* (Обь в районе Нарыма, Васюган, Парабель) входят в центральную группу, а южный ареал включает в себя *кетский* и *обский* диалекты [Хелимский, 1993: 361-362].

Тернарной классификации диалектов селькупского языка придерживаются также и современные исследователи С.В. Глушков, А.В. Байдак и Н.П. Максимова. Они подразделяют селькупский язык на северную, центральную и южную диалектные группы. В северную группу входят шесть диалектов: *тазовский, ларьякский, карасинский, туруханский, баихинский (баишенский), елогуйский*. Центральную группу составляют четыре диалекта: *ваховский,*

тымский, васюганский, нарымский. В пределах южной группы дифференцируются пять диалектов: *среднеобской, чаинский, кетский, верхнеобской (ныне исчезнувший), чулымский* [Байдак, Глушков, Максимова, 2011: 50].

Важно отметить тот факт, что кроме географического принципа классификации диалектов селькупского языка, широко применяется также этнонимический принцип, который учитывает собственное название определенной части селькупского этноса. Так, например, термин *собственно селькупы* можно отнести к представителям северных диалектов; центральная диалектная группа называется диалекты *чумылькупов*, а южную группу диалектов образуют диалекты *шёшкупов или шёшкумов* – среднеобской диалект *тюйкумов* (Чулым); диалект *сюссыкумов* использовался на Кети и на Оби в районе Сондорово, на Чае он существовал в виде *сюссойкум* [Байдак, Глушков, Максимова, 2011: 50–54].

В коллективной монографии «Морфология селькупского языка» авторы, анализируя диалектное членение селькупского языка, утверждают, что материалы по словоизменительной системе имени существительного в рамках южноселькупского лингвистического ареала (Томская область) позволяют выявить следующие диалекты: 1) тымский (язык томских, васюганских и чижапских чумылькупов); 2) обский диалект (от Нарыма на севере до Колпашева на юге); 3) кетский диалект (по реке Кеть) [Беккер, 1995б: 23]. Данной схемы диалектного членения селькупского языка, основанной на морфологии имен, мы придерживаемся в нашем диссертационном исследовании.

В силу особенностей консонантизма кетского диалекта, Ш.Ц. Купер выделял в нем три говора: нижнекетский, среднекетский и верхнекетский, которые мы также будем учитывать при анализе данных селькупского языка [Купер, 1983: 90]. В область наших интересов входят диалекты южноселькупского ареала: обский, кетский (нижнекетский, среднекетский и верхнекетский) тымский и нарымский диалекты.

Необходимость учета диалектного членения в селькупском языке, так же, как и в хантыйском языке, вызвана существенными различиями между диалектными группами в области фонетики, грамматики и лексики. Языковые отличия между диалектными группами селькупского языка настолько существенны, что иногда препятствуют свободному языковому общению [Селькупы-Россия. Режим доступа: <http://russia.rin.ru/guides/4718.html>]. Сохранность данных диалектов также неравномерна. Если в северных диалектах язык еще передается естественным путем внутри семьи от родителей к детям, то южные диалекты практически утратили свое существование.

Согласно исследованиям Г.И. Пелих, на протяжении первой половины II тыс. н.э., когда под воздействием тюрков южные самодийцы переселяются на север в приполярные районы Западной Сибири и горно-таежные районы Южной Сибири, селькупская территория практически избегала иноэтнического влияния. Поэтому селькупы в большей мере, чем какой либо другой самодоязычный народ, сохранили древнюю самодийскую основу. В то же время широкая территория расселения и последующее переселение части селькупов на север, в бассейн рек Таз и Турухан, вело к достаточно интенсивным контактам с соседями и к включению в их состав тюркских, кетских, хантыйских, эвенкийских и северосамодийских культурных компонентов, что нашло отражение в современной культуре этого народа [Пелих, 1972: 227].

Контактное взаимодействие хантов и селькупов можно проследить, обратив внимание на названия данных народов, принятые в научной литературе. До 30-х годов XX века в русскоязычной литературе и в западноевропейских странах было известно другое название селькупов – *остяко-самоеды*, введённое в сер. XIX века финским путешественником и учёным Маттиасом Кастреном, который доказал, что селькупы в этническом и языковом отношении хоть и представляют собой отдельную общность, но по образу жизни и территориально близки остякам (хантам), а их язык родственен самоедскому (ненецкому) языку. Близость к хантам (остякам) стала причиной появления старого названия селькупов – остяки

(с различными определениями, например нарымские остяки, томские остяки, тазовские остяки и др.) [Кастрен 1999: 52].

Хантыйский и селькупский языки относятся к разным языковым группам и находятся в отдаленном генетическом родстве, однако именно восточные диалекты хантыйского языка и южные диалекты селькупского языка были выбраны нами для сопоставительного исследования на основании того, что восточные ханты и южные селькупы – это две соседствующие этнические группы, развитие которых проходило на сопредельных территориях и в одинаковых экологических условиях. Более того, на севере современной Томской области на этническую историю восточных хантов и южных селькупов могли влиять одни и те же процессы древних миграций; данные народы развивались в непосредственном контактном взаимодействии, их носители проживают в одном географическом ареале, в одинаковых климатических и экономических условиях на севере Томской области (рисунок 1).

Рисунок 1 – Ареалы распространения и взаимодействия хантыйского и селькупского языков

Кроме того, опыт ареально-типологических исследований свидетельствует о том, что языки, неродственные генетически, но находящиеся в длительном

территориальном контакте, склонны со временем влиять друг на друга, демонстрируя многочисленные заимствования и общие характерные черты [Comrie 1989: 12].

Общий экологический и культурный контекст с большей долей вероятности отразится в сходствах языковых систем, в частности в лексической системе. Именно лексический состав восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка является объектом нашего исследования, поскольку лексический состав данных диалектов изучен недостаточно, в то время как существует большое количество работ, посвященных изучению морфологии хантыйского и селькупского языков.

История изучения языков и культур хантов и селькупов. История изучения языка и культуры хантов насчитывает более двух столетий. Интерес к изучению хантов и хантыйского языка проявляли не только российские, но и зарубежные этнографы и лингвисты. При этом большинство работ посвящено изучению западных хантов, восточные же ханты, к которым относится исследуемая нами группа, являются менее изученными.

Имеется целый ряд работ, специально посвященных историографии хантов, начиная с работ К.Ф. Карьялайнена (1906), А.А. Дунина – Горкавича (1924), и Н.П. Никольского (1939) и заканчивая библиографическими указателями 1999–2000 гг. [Волдина, 2000]. Во многих работах описания хантов сочетаются с описанием других, близкородственных этнических групп, таких как манси.

Планомерное и систематическое изучение хантыйского языка как российскими, так и европейскими (особенно венгерскими и финскими) учеными началось в XIX в. Здесь стоит отметить работы Ф.О. Белявского (1833), Э.К. Гофмана (1856), А.М. Кастрена (1838–1844, 1845–1848), А. Алквиста (1854–1858, 1877, 1880), Д. Турского (1898). В этот же период был опубликован ряд работ по этнографии и лингвистике хантов, а также манси за авторством финских и венгерских ученых А. Алквиста (1859), Й. Буденц (1873–1881).

К началу XX в. вышел целый ряд публикаций общего монографического и научно-популярного характера, включая такие исследования и публикации, как

работы И.Н. Смирного (1904). В 1900–1901 гг. был издан словарь Х. Паасонена «Ostjakisches Wörterbuch» и другие его материалы [Paasonen, 1926]. Вышли работы И. Папай [Papay, 1910], У.Т. Сирелиуса [1904, 1906].

Во второй половине XX в. данное исследовательское направление продолжалось работами Е.Д. Прокофьевой и Н.Ф. Прытковой. Под их редакцией в 1956 г. вышел том «Народы Сибири» из серии «Народы мира». В это время вышли работы таких зарубежных авторов, как В. Штейниц [Schteinitz, 1980], Я. Гуйа [Gulya, 1966], Л. Хонти [Хонти, 1995].

В конце 1980-х годов этнографии обских угров были посвящены работы И.Н. Гемуева, О.М. Рындиной. В 1990-х годах к нескольким ученым-хантам, работавшим с 1970-х годов (Г.И. Бардин, Л.Е. Киселев, Е.А. Немысова), прибавилось несколько десятков исследователей по обско-угорским языкам и этнографии из среды молодых ученых хантов и манси. Они, а также другие исследователи-лингвисты опубликовали ряд статей, диссертаций, монографий по лингвистическим и этнографическим темам, были изданы сборники фольклора. Среди монографий и сборников можно отметить книги М.А. Лапиной (1998), В.М. Курикова (1996, 1998, 1999), Т.А. Молданова и Т.А. Молдановой (2000), Е.А. Немысовой (1996), А.М. Сязи (1995, 2000).

Одним из наиболее выдающихся специалистов по хантыйскому языку является Н.И. Терешкин. Им выполнено первое подробное описание языка ваховских хантов и составлен большой хантыйско-русский словарь, опирающийся на восточные диалекты, носителем одного из которых был сам автор [Терешкин, 1981].

Также необходимо отметить работы представителей новосибирской лингвистической школы, изучающей западные диалекты хантыйского языка: М.И. Черемисиной (1992), Н.Б. Кошкаревой (1990), Е.К. Скрибник (1991), В.Н. Соловар (1990), Е.В. Ковган (1991), А.Д. Каксина (2001). Значимыми также являются работы других ученых: А.П. Володина (1967), Н.А. Лысковой (1997), М. Чепреги (1995).

Восточные диалекты хантыйского языка активно изучаются томскими исследователями. Здесь стоит отметить работы таких ученых, как Л.И. Калинина [Калинина, 1961], А.Ю. Фильченко (2007), О.С. Потанина (2008), П.М. Кузнецов (2006), В.В. Воробьева (2002), А.В. Диденко (2006), Д.Ф. Мырина (2006). Все последние исследования по хантыйскому языку проводились под руководством выдающегося ученого О.А. Осиповой.

Отдельно стоит отметить исследования по этнографии томских ученых В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной [1992], которые посвятили свою работу исследованиям васюганских хантов. К более современным исследованиям этнографии восточных хантов относятся работы венгерского ученого Золтана Надь [2011].

Изучение селькупов также имеет длительную историю. Исследования особенно активизировались после экспедиции М.А. Кастрена в Сибирь. Основываясь на лингвистических данных, он предложил описание границ проживания томских самоедов – так он сначала в своих дневниках называл селькупов [Селькупы, 2011: 8]. Он одним из первых достаточно подробно описал специфику охотничье-рыболовческой направленности хозяйства томских самоедов, охарактеризовал их годичный производственный цикл, привел перечень охотничьих снарядов, применяемых ими во время охоты. В материалах Кастрена есть значительный объем данных, характеризующих не только южных, но и северных селькупов, которые до исследований Кастрена довольно редко попадали в поле зрения ученых. В конце 1850-х гг. исследование населения Туруханского края проводил Александр Мордвинов. По результатам поездки была сделана публикация «Инородцы, обитающие в Туруханском крае» [Мордвинов, 1860].

Важный вклад в изучение культуры селькупов внес известный финский исследователь Кай Доннер. Его первое путешествие в Сибирь началось в августе 1911 г. и длилось до конца июня 1913 г. Именно во время этой поездки ему удалось обследовать практически все основные группы остяков-самоедов, проживающих как в Нарымском крае, так и в Тазовско-Туруханском регионе.

В конце XIX – начале XX вв. о селькупках писали Н.П. Григоровский (1882, 1884), А.Ф. Плотников (1901), Г.Н. Прокофьев (1928, 1930), Е.Д. Прокофьева (1966), П.Е. Островских (1931).

Большую роль для реконструкции этнической истории селькупов в свете этногенетических процессов, протекавших в обширном Западно-Сибирском регионе, сыграли работы А.П. Дульзона «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики» (1950) и «Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики» (1960).

Большая заслуга в изучении селькупского языка и культуры принадлежит Г.И. Пелих (1963, 1972, 1981 и др.). Она была первым исследователем, кто целенаправленно в течение 30 лет собирал материал, характеризующий селькупов. В период с 1951 по 1980 гг. она регулярно проводила собственные полевые исследования, в результате чего был изучен практически весь селькупский ареал.

Во второй половине XX века было заметно больше исследователей, интересовавшихся селькупской культурой. Заложенные Г.И. Пелих основы социально-экономического направления продолжили работы И.Н. Гемуева (1983, 1998). Исследованиями различных аспектов материальной культуры селькупов занимались Н.Ф. Прыткова (1961, 1970), О.М. Рындина (1988, 1993, 1995), Н.А. Тучкова (1996, 1997, 1998, 2000, 2011), О.А. Казакевич (2001), Е.А. Хелимский (1993), Н.В. Лукина (1966).

Начало научного описания селькупского языка было положено в середине XIX в. М.А. Кастреном. Конец XIX – начало XX вв. характеризуется появлением записей по селькупскому языку Н.П. Григоровского и К. Доннера. Григоровский Н.П. собирал словарные материалы, тексты, сказки, молитвы и религиозные тексты на селькупском и русском языках [Григоровский, 1879]. Доннеру К. также принадлежат многочисленные словарные, грамматические и текстовые материалы, выполненные в тщательной фонетической транскрипции [Donner, 1913].

Первая грамматика селькупского языка была опубликована в 1935 г. Г.Н. Прокофьевым. Этот исследователь также собрал большое количество текстов на селькупском языке, материалы, содержащие религиозную и культурную информацию.

Огромный вклад в развитие самодологии внес известный финский исследователь Юха Янхунен: он составил словарь прасомадийских реконструкций, в который также входили селькупские данные [Janhunen, 1977].

Особо стоит отметить работы московской школы изучения селькупского языка. В 1980 г. вышло развернутое описание грамматики северного (тазовского) диалекта «Очерки по селькупскому языку» (А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина), выполненное на основе собранных авторами полевых материалов. В 1993 г. вышел второй том, авторами которого явились О.А. Казакевич, А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский. Большой вклад в изучение селькупского языка также внесла А.И. Кузнецова, опубликовавшая более 140 работ и организовавшая более 20 лингвистических экспедиций в места проживания самодийских и финно-угорских народов.

Выдающийся ученый Е.А. Хелимский внес огромный вклад в изучение не только селькупского языка, но и других самодийских и уральских языков. Хелимскому Е.А. принадлежит заслуга создания сравнительно-исторического и сопоставительного подхода к изучению самодийских языков [Хелимский, 2000].

Особо стоит отметить работы ученых томской школы, которые появились благодаря исследованиям А.П. Дульзона. Он также явился организатором множества лингвистических экспедиций в места проживания коренного сибирского населения, в том числе селькупов. Результатом данных полевых экспедиций явились сбор материала по языку и культуре, сбор фольклорных текстов, научные публикации. Ученики А.П. Дульзона, в частности Э.Г. Беккер и О.А. Осипова, активно продолжали научные исследования по селькупскому языку, что привело к защите более 20 диссертаций [Морев Ю.А., 1973; Воеводина Н.М., 1974; Алиткина Л.А., 1979; Быконя В.В., 1996; Болсуновская Л.М., 1998;

Ким А.А., 1999; Байдак А.В., 2001; Глушков С.В., 2002; Полякова Н.В., 2004 и др.].

Среди томских ученых также необходимо особо отметить имена и работы следующих исследователей: Ш.Ц. Купера, который совместно с Я. Пустаи опубликовал словарь нарымского диалекта селькупского языка в русской графике [Купер, Пустаи, 1993]; Н.П. Максимовой, опубликовавшей множество работ на основе собственных полевых материалов (1985); Н.Г. Кузнецовой, занимавшейся изучением селькупского глагола и его грамматических категорий (1995); А.А. Ким (Малони), занимающейся религиозным мировоззрением селькупов (1997).

Из зарубежных исследований второй половины XX века выделяются работы таких ученых, как Х. Катц (1966), Т. Янурик [Janurik, 1978], П. Хайду [Hajdú, 1973], И. Эрдейи [Erdélyi, 1969], а также Т. Микола [Mikola, 2004]. Особо следует отметить работы Я.К. Алатало. В 2004 г. вышел селькупский словарь, в котором он переработал материалы К. Доннера, У. Сирелиуса и собственные языковые материалы [Alatalo, 2004]. На сегодняшний день данный словарь является лучшим словарем по селькупскому языку, так как он использует подробную фонетическую запись слов и включает в себя общеселькупские реконструкции.

Из лексикографических изданий последних лет по селькупскому языку стоит отметить словарь под редакцией В.В. Быконя, вышедший в 2005 году и собравший лексический материал южно-диалектного ареала и двух говоров северного наречия – туруханского и елогуйского. Обобщением результатов исследований по южным диалектам селькупского языка является монография «Морфология селькупского языка. Южные диалекты», вышедшая в двух частях [Алиткина, Беккер, Быконя, Ильяшенко, 1995а,б].

Наиболее крупными архивами, содержащими селькупские языковые материалы, являются следующие: Архив Г.Н. Прокофьева и Е.Д. Прокофьевой в МАЭ РАН; Архив Лаборатории (ныне кафедры) языков народов Сибири ТГПУ; Архив Л.А. Варковицкой в МГУ им. М.В. Ломоносова; Архив А.И. Кузьминой в Институте филологии СО РАН в Новосибирске.

К настоящему времени опубликовано большое количество работ, посвященных описанию различных диалектов хантыйского и селькупского языков. Однако наименее изученными на всех языковых уровнях остаются восточные диалекты хантыйского языка и южные диалекты селькупского языка: в частности, данные диалекты до сих пор не имеют системного и полного описания их календарно-временной лексики. Более того, восточные диалекты хантыйского языка и южные диалекты селькупского языка, в отличие от других диалектов данных языков, находятся на грани исчезновения: число полноценных носителей васюганского диалекта хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка не превышает 10 человек для каждого диалекта. Все носители указанных диалектов являются людьми в возрасте старше 60 лет. Именно эти факторы обусловили выбор изучаемого материала в данной диссертации.

Актуальность темы исследования объясняется необходимостью подробного описания малоизученного лексического состава хантыйского и селькупского языков. Во-первых, описание и сопоставительный анализ календарных наименований существенно дополнит описание хантыйского и селькупского языков в целом и внесет значительный вклад в восстановление языковой картины мира данных народов и сохранение их культурной самобытности и языка. Во-вторых, восточные диалекты хантыйского языка и южные диалекты селькупского языка находятся под угрозой исчезновения, и с каждым годом уменьшается количество людей, полноценно владеющих данными диалектами, следовательно, документация, сохранение и научный анализ любого языкового материала данных исчезающих языков является актуальным и срочным делом. В-третьих, данное исследование носит междисциплинарный характер и выполняется в рамках относительно нового, актуального, междисциплинарного подхода, направленного на объяснение языковых явлений контактным влиянием соседних языков и культур. Сопоставительный аспект данного исследования и привлечение этнографических данных к анализу языкового материала позволяют выявить особенности контактного взаимодействия генетически отдаленных и неродственных языков. Более того, актуальность исследования определяется

когнитивным подходом, используемым для анализа данного языкового материала, что позволяет эффективно описать знания и представления носителей культуры о внеязыковой действительности, отраженные в единицах языка, а именно в календарно-временной лексике.

Целью работы является выявление морфологических и семантических особенностей календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка на основе сопоставительного анализа и с учетом контекста их ареального взаимодействия.

В соответствии с поставленной целью определены следующие **задачи**:

1) провести сопоставительный анализ культурных особенностей и аспектов хозяйственной деятельности носителей восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка и определить роль традиционного календаря среди других важных составляющих их жизнедеятельности;

2) осуществить выборку календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка из словарей, томов полевых записей кафедры языков народов Сибири ТГПУ, опубликованных фольклорных текстов и собственных полевых записей автора;

3) на синхронном уровне описать морфологические особенности образования календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка;

4) провести сопоставительный анализ морфологических особенностей календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка;

5) провести сопоставительный семантический анализ наименований календарных «месяцев» в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка с выявлением тематических групп.

Объектом исследования являются календарные системы восточных хантов и южных селькупов как воплощение традиционной культуры и мировоззрения данных народов в рамках их языковых систем.

Предметом исследования являются морфологические и семантические особенности календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка.

Научная новизна представленной исследовательской работы заключается в том, что впервые проводится системное описание календарно-временной лексики на материале восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка – исчезающих языков Сибири. В работе проводится сопоставительный анализ морфологических особенностей образования календарно-временной лексики и ее семантики на материале отдаленно родственных языков в контексте их ареального взаимодействия и контактного влияния русского языка. Впервые подобное сопоставительное и типологическое исследование осуществляется с использованием методов когнитивной семантики, в частности теории фреймов.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что впервые определяются параметры для сопоставительного морфологического и семантического анализа календарно-временной лексики. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях морфологии, лексической семантики хантыйского и селькупского языков, а также в изучении календарно-временной лексики в других самодийских и финно-угорских языках. Результаты исследования найдут применение при разработке типологии лексического значения в целом.

Практическая ценность диссертационного исследования определяется возможностью применения результатов исследования в научно-исследовательской деятельности студентов и аспирантов, при подготовке лекционных и семинарских занятий по морфологии, лексикологии и лексической семантике, когнитивной семантике. Полученные результаты могут иметь прикладное значение в преподавании хантыйского и селькупского языков, а также при создании словарей, пособий и справочников.

Теоретической и методологической базой данного диссертационного исследования служат труды отечественных и зарубежных ученых по

хантыйскому и селькупскому языку М.А. Кастрена, Н.И. Терешкина, Я. Гуйи, Е.А. Хелимского, А.П. Дульзона, В. Штейница, Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих, В.В. Быкони, Э.Г. Беккер и др. Также были использованы труды авторов по лингвистической типологии и морфологии В.А. Плуногяна, М. Хаспельмата, Б. Комри, Т. Шопена, М. Копчевской-Тамм. В работе использованы основные принципы и подходы когнитивной лингвистики, отраженные в исследованиях по когнитивной семантике Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, А. Вежбицкой, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Падучевой, В. Крофта, Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора и др.

Основными **методами** исследования являются описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, служащий выявлению особенностей в способах образования календарно-временной лексики в языках отдаленно родственных семей, и типологический.

Материалом для исследования послужила картотека календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка объемом 110 непримодных и примодных единиц, составленная на основе словарей по восточным диалектам хантыйского языка [Терешкин Н.И., 1981; Могутаев М.К., 1996], диалектных словарей селькупского языка [Alatalo J., 2004; Быконя В.В., 2005], а также на основе грамматических пособий и хрестоматий по хантыйскому и селькупскому языкам, фольклорным текстам, полевым записям и опубликованным текстам Л.И. Калининой, хранящимся в архивах кафедры языков народов Сибири им. А.П. Дульзона ТГПУ. Также были использованы полевые записи других сотрудников кафедры языков народов Сибири и собственные записи автора диссертации, сделанные в местах проживания коренного хантыйского и селькупского населения Томской области.

Примеры календарных наименований хантыйского и селькупского языков в работе переведены в международную фонетическую транскрипцию. Оригинальная транскрипция источников сохранена в примерах наименований, представленных в приложениях.

Апробация работы: основные положения работы были представлены в докладах на следующих конференциях: научная конференция в рамках

международной летней школы по документации исчезающих языков университета г. Лейден, Голландия (июль, 2010 г.); XIV, XVI, XVII Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (г. Томск, апрель, 2010, 2012, 2013 гг.); летняя школа по когнитивной семантике, университет г. Бангор, Великобритания (июль, 2013 г.); международная научная конференция «Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд (к 200-летию со дня рождения М.А. Кастрена)» (сентябрь, 2013 г., г. Абакан, республика Хакасия); международная научная конференция 27-е Дульзоновские чтения (28–29 июня 2014 г., г. Томск).

На защиту выносятся следующие положения:

1) календарно-временная лексика в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка представляет собой фреймовую систему, компоненты которой взаимосвязаны общим контекстом употребления и в сознании носителей хранятся и воспроизводятся только совместно с другими компонентами, составляющими данную систему;

2) идентичный экологический и культурный контекст существования отдаленно родственных языков находит отражение в сходствах языковых систем, в частности на лексическом уровне, к которому мы относим календарно-временную лексику;

3) календарно-временная лексика сибирских коренных народов представляет собой как непр производные, так и производные единицы;

4) наиболее продуктивным способом образования производных наименований календарно-временной лексики в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка является словосложение;

5) всем представителям семантического поля календарных наименований в обоих языках свойственна определенная мотивированность, связанная в наибольшем количестве наименований с природными условиями или хозяйственной деятельностью. Внутренняя мотивировка календарных

наименований сохранилась и является сравнимой для рассматриваемых отдаленно родственных языков.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, а также приложений, включающих сводную таблицу наименований календарных «месяцев» восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка, а также сводную таблицу морфологических типов образования календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка.

Глава I ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КАЛЕНДАРНО-ВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКИ

§ 1.1 К вопросу о степени изученности лексического состава хантыйского и селькупского языков

Данное исследование календарно-временной лексики двух бесписьменных аборигенных языков Сибири, носители которых во многом продолжают вести традиционный образ жизни, не является исключительно лингвистическим, а носит междисциплинарный характер: особое внимание уделяется культуре народов, говорящих на указанных языках. Невозможно отрицать самую тесную связь между жизнью общества и лексикой языка. Хотя культурная отнесенность семантики не ограничивается одной лишь областью лексической семантики, вероятно, ни в какой другой области эта отнесенность не является столь ясной и очевидной.

Лексика языков коренных народов, проживающих на территории Западной Сибири, в частности восточных хантов и южных селькупов, представляет огромный интерес для изучения. Данные народы являются представителями древних культур и, подобно другим культурам, чтущим традиции своих предков, ведущим традиционное хозяйство, занимаются охотой и рыболовством, в некоторых случаях сохраняют характерный тип жилищ, одежды, характерные религиозные практики. Все эти аспекты традиционной культуры, безусловно, находят свое отражение в лексическом составе данных языков.

Кроме отдаленного генетического родства, хантыйский и селькупский языки длительное время находятся в непосредственной географической близости (в частности на территории севера Томской области) и контакте друг с другом, а также с другими этническими группами (например ненцами, эвенками, сибирскими тюрками, русскими), как состоящими, так и не состоящими с ними в генетическом родстве. Следует предполагать, что эти два фактора (генетический и контактный) в значительной мере повлияли на формирование хантыйской и селькупской культур и языков и способны объяснить природу многочисленных

сходств, в частности в области лексики. Кроме того, следует ожидать, что относительно параллельная хронология и интенсивность контактов с другими культурами (прежде всего русской) будут отражаться в обеих языковых системах в виде сравнимой степени наличия более поздних заимствований из русского языка.

Лексический состав любого языка, включая рассматриваемые, очень богат и интересен для изучения, поскольку именно он отражает особенности культуры и быта народа и является богатым источником информации об их жизнедеятельности. Лексический состав языка включает в себя многочисленные семантические группы (например термины родства, цветовые обозначения, календарную лексику, группы наименований частей тела, животных, растений и т.д.), отражающие традиционные и культурные особенности, а также содержащие заимствования из других языков.

Разработка лексикологических и семантических аспектов исследования слова в хантыйском и селькупском языках имеет определенную хронологию. Вплоть до середины прошлого века не было системных работ по данным аспектам, хотя культура и языки указанных народов имеют относительно давнюю историю изучения. В 50-х годах XX века в ходе научных экспедиций под руководством основателя Томской лингвистической школы профессора А.П. Дульзона было собрано большое количество материала по лексике хантыйского и селькупского языков. В архив вошли такие семантические группы лексем, как наименования терминов родства, календарная, пространственная и бытовая лексика, наименования частей тела, наименования охотничьих и рыболовных снастей, наименования рыб, птиц, животных и ягод. Данный архив послужил основой для диссертационных исследований в области лексической семантики на материале хантыйского и селькупского языков.

В середине 1960-х годов появляются первые диссертационные исследования, посвященные изучению лексического состава селькупского языка, в частности исследование Э.Г. Беккер «Селькупские топонимы Западной Сибири» [Беккер, 1965]. В «Очерках по селькупскому языку» А.И. Кузнецова посвящает довольно

большой раздел анализу лексики тазовского диалекта селькупского языка [ОчСЯ, 1993]. Исследования лексики тазовского диалекта селькупского языка были представлены также О.А. Казакевич в 1990 году в монографии «Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков» [Казакевич, 1990].

В 1999 году было опубликовано диссертационное исследование А.А. Ким «Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник (к проблеме реконструкции картины мира)» [Ким, 1999]. Н.В. Дубровская исследовала особенности семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка [Дубровская, 2011].

За последнее время на базе ТГПУ в рамках комплексной программы исследования языков коренных народов Сибири выполнен ряд работ, описывающих различные группы лексики. Булгакова И.В. (2003) описывала материальную лексику селькупов; в диссертационном исследовании Ю.А. Зеремской (2008) обсуждались термины родства и свойства селькупского языка; флористическая лексика селькупского языка описана в работе О.В. Сахаровой (2010); Н.В. Полякова (2004) исследовала концепт «пространство» в селькупском языке в сопоставлении с русским языком.

К вопросам хантыйской лексикологии, как уже было сказано выше, обращался, прежде всего, профессор А.П. Дульзон и его коллеги. В 1961 году появилось диссертационное исследование Л.И. Калининой «Хантыйские топонимы Западной Сибири» [Калинина, 1961]. Материальную и духовную культуру и соответствующую лексику описывали этнографы В.М. Кулемзин (1984), Н.В. Лукина (1985), В.И. Молодин (1995) и другие.

В 2001 г. появилась работа С.В. Ониной, исследующая оленеводческую лексику хантыйского языка [110]; соматическая лексика хантыйского языка исследована в работе З.С. Рябчиковой [141]; диссертационное исследование А.А. Шияновой 2013 года посвящено парным словам хантыйского языка [180].

Лексика является наиболее подвижным и подверженным разнообразным изменениям уровнем языка, поэтому исследования в области лексики и

лексической семантики всегда будут актуальными, тем более если речь идет об исчезающих языках Сибири. История исследований в данной области насчитывает уже более полувека, отдельные группы лексики уже были рассмотрены в работах, указанных выше.

Исследования календарной лексики селькупского языка скудны и ограничиваются лишь этнографическими исследованиями. Лингвистических исследований календарной лексики селькупского языка до сих пор выполнено не было. Календарная лексика селькупского языка являлась объектом научного исследования этнографа С.Ю. Колесниковой [Колесникова, 1995, 1996, 2000]. В работах С.Ю. Колесниковой представлено этнографическое описание календарной лексики селькупского языка, которое заключается в классификации ранее зафиксированных единиц календарной системы селькупов, определении причин их возникновения, а также особенностей функционирования данных единиц.

Календарная лексика хантыйского языка также не являлась объектом системного лингвистического исследования: из опубликованных работ имеется статья Л.В. Парнюк [Парнюк, 2005], посвященная циклическому восприятию времени у хантов, в частности отраженным в хантыйском языке представлениям о суточном и годовом циклах. Однако в данной работе не рассматривались наименования календарных месяцев.

Таким образом, настоящее диссертационное исследование восполняет пробелы в описании такого пласта лексики, как календарно-временная лексика в селькупском и хантыйском языках: до настоящего момента не проводилось ни системных лингвистических исследований календарно-временной лексики селькупского и хантыйского языков, ни сопоставительных лингвистических исследований календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского и южных диалектов селькупского языков. Более того, в нашей работе сопоставительное исследование календарно-временной лексики указанных языков впервые проводится с учетом географической близости ареалов их распространения.

§ 1.2 Морфологическая структура существительных в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка

1.2.1 Характеристика хантыйского и селькупского языков в свете общей морфологической типологии

Согласно морфологической классификации языков, предложенной немецкими лингвистами А. Шлегелем, Х. Штейнталем, В. Гумбольдтом, А. Шлейхером и др. в XIX веке, оба рассматриваемых нами языка – хантыйский и селькупский – являются агглютинирующими, с порядком слов в предложении SOV. Для них характерны развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации, грамматическая однозначность суффиксов, отсутствие префиксации, отсутствие значимых чередований. Главной чертой агглютинативного типа в целом и исследуемых нами языков в частности является то, что формы самостоятельных слов образуются с помощью свободно присоединяемых к исходной форме однозначных аффиксов. Приведем примеры из хантыйского и селькупского языков для иллюстрации агглютинативного способа присоединения словоизменительных аффиксов.

Хант. (вас.)

(1) *Məŋ mətʃtʃəliw:*

məŋ	mətʃ -tʃə -l -iw
1PL	давать –TR –PRS -1PL

‘Мы отомстим’ [Аннот. сборник 2012: 66].

Сельк. (вас.)

(2) *Tü tʃabyumba:*

Tü	tʃaby -mb -a
огонь	разгореться –PSTN –3SG

‘Огонь разгорелся’ [Аннот. сборник 2012: 96].

Данные примеры показывают последовательное присоединение служебных морфем к самостоятельной основе, при котором сохраняются четкие границы между морфемами и однозначность аффиксов.

По структурно-морфологическим словообразовательным признакам существительные в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка делятся на непроизводные и производные. Рассмотрим данные типы существительных в обоих языках более подробно.

1.2.2 Непроизводные существительные в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка

Непроизводные существительные являются одноосновными и не имеют в своем составе никаких аффиксов, характеризуются морфологической неделимостью. Такие существительные с точки зрения семантико-словообразовательных связей обозначают предметы и явления окружающей нас действительности [Розенталь. Словарь-справочник лингвистических терминов. Режим доступа: <http://www.intruderalarms.sebastopol.ua/interpretators/slovar-spravochnik-lingvisticheskikh-terminov-d.e.-rozentel-m.a.-telenkova-m.-1976>].

Около половины существительных в хантыйском языке являются непроизводными [Gulya, 1966: 51]: например: *länt* (вах.) ‘крупa’, *lät* (вас., вах.) ‘время’, *müü* (вас.) ‘кочка’, *nor* (вас., вах.) ‘ручка’, *wer* (вас., вах.) ‘работа, дело’ и др.

Непроизводные имена существительные в южных диалектах селькупского языка также характеризуются морфологической неделимостью. Они являются центрами словообразовательных гнезд [Кузьмина, 1973: 139–140]. Примерами непроизводных существительных в селькупском языке могут служить следующие слова: *карба* (кет.) ‘рыболовный запор’, *кандак* (кет.) ‘мороз’, *aba* (об.) ‘сестра’, *kar* (кет.) ‘крик’, *kü* (кет.) ‘пояс’, *tü* (кет., об.) ‘огонь, костер’ и др. Рассматривая календарно-временную лексику, мы ожидаем, что некоторые лексемы также окажутся непроизводными и, возможно, данные основы будут служить для образования других наименований, входящих в календарно-временную лексику.

1.2.3 Производные существительные в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка

Словообразование, наряду с полисемией, является одним из основных способов обогащения словарного состава языка за счет внутренних ресурсов самого языка. Заполнение языковой лакуны в большинстве случаев происходит за счет словообразования. Словообразование – это образование слов, называемых производными или сложными, обычно на базе однокорневых слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения и других формальных средств [Кубрякова, 1990: 467].

Итак, производное слово – это слово, образованное от другого слова или путем словосложения. Самой характерной особенностью производных слов является их семантическая мотивированность: значение производных слов обусловлено значением основ, от которых они были образованы и, как правило, отражено в их структуре. Производные слова характеризуются усложненной морфологической структурой [Розенталь. Словарь-справочник лингвистических терминов. Режим доступа: <http://www.intruderalarms.sebastopol.ua/interpretators/slovar-spravochnik-lingvisticheskikh-terminov-d.e.-rozentel-m.a.-telenkova-m.-1976>].

В зависимости от использованных в акте словообразования формальных средств словообразование делится иногда на словопроизводство (при использовании средств аффиксации – суффиксации и префиксации), словосложение (при участии в акте словообразования по крайней мере двух полнозначных единиц), конверсию (при переходе слов из одной части речи в другую), аббревиацию (при наличии сокращения исходных слов) и т. п. Образование новых слов (с помощью формальных средств) нередко именуется также деривацией, производные же и сложные слова, как результаты процесса деривации, обозначаются тогда общим термином «дериваты». В зарубежной лингвистике существует тенденция приравнивать словообразование к деривационной морфологии как учению о формальных свойствах дериватов и реализующих их морфологических структурах [Кубрякова, 1990: 468]. Итак, рассмотрим

различные способы именного словообразования, релевантные для данного исследования.

Для образования новых имен существительных восточные диалекты хантыйского языка и южные диалекты селькупского языка используют способ суффиксации, а также сложения основ. Данные способы именного словообразования в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков представлены ниже.

1.2.3.1 Суффиксальный способ образования существительных

Одним из наиболее распространенных способов словообразования в языках мира является аффиксация. Аффиксация – способ словообразования путем присоединения к основе слова словообразовательных аффиксов. Основа слова, к которой присоединяется словообразовательный аффикс, обозначается как «производящая основа» [Моисеев, 1965: 84]. В русском языке выделяют несколько способов аффиксации: суффиксальный, приставочный, приставочно-суффиксальный и бессуффиксальный.

В большинстве языков мира преобладает суффиксальный способ и не существует таких языков, которые использовали бы префиксацию без использования суффиксального способа словообразования [Shopen, 2007: 45]. В сфере наших научных интересов находится только суффиксальный способ словообразования, поскольку остальные способы аффиксации отсутствуют в рассматриваемых языках [Кузьмина, 1973: 139].

Способы морфологического словообразования существительных в хантыйском языке развиты слабо. В восточных диалектах удалось зарегистрировать лишь небольшое число малопродуктивных суффиксов, выступающих в роли словообразовательных формантов у существительных [Терешкин, 1961: 29]. Рассмотрим данные суффиксы более подробно.

1. Суффикс *-w* (*-əw*, *-ə̃w*), с помощью которого некоторые глагольные и реже именные основы преобразуются в именные: *wəltəw* ‘рубанок’ (от глагола *wəltə*

‘стругать’), *jälwä* ‘заплата’ (от глагола *jälta* ‘латать’), *kötwä* ‘середина, половина’ (от существительного *köt* ‘промежуток между двумя предметами’) [Терешкин 1981: 122].

2. Суффикс *-wä* (*-wä*), с помощью которого образованы, например, такие существительные, как *lühwä* ‘одеяло’ (от глагола *löntä* ‘закрывать, накрывать’), *köswä* ‘черемуховые прутья, обструганные, в согнутом виде сплетенные в круг (от существительного *kösä* ‘обод, обруч’), *jälwä* ‘заплата’ (от глагола *jältä* ‘латать’), *qälwä* ‘перхоть’ (от существительного *qäli* ‘парша’) [Терешкин, 1961: 29].

3. Суффикс *-wäs* (*-wäs*) выделяется в отглагольных существительных: *majälwäs* ‘подарок’ (от глагола *majälta* ‘дарить’), *lalwäs* ‘дыхание’ (от глагола *lältä* ‘дышать’) [Терешкин, 1961: 29].

4. Суффикс *-älñäñ* прослеживается в отыменных существительных: *öyälñäñ* ‘падчерица’ (от существительного *öyi* ‘дочь’), *päyälñäñ* ‘пасынок’ (от существительного *päy* ‘сын’) [Терешкин, 1981: 331].

5. К словообразовательным формантам примыкает суффикс *-äli* (*-äli*), образующий уменьшительно-ласкательные формы: *watali* ‘ветерок’ (от *wat* ‘ветер’), *öyäli* ‘доченька’ (от *öyi* ‘дочь’) [Терешкин, 1961: 30].

Как можно видеть, в восточных диалектах хантыйского языка выделяется 5 основных словообразовательных суффиксов. Считается, что в селькупском языке суффиксация в процессе словопроизводства также никогда не играла ведущей роли [Кузьмина, 1973: 139]. Тем не менее, в селькупском языке обнаружены достаточно продуктивные словообразовательные суффиксы. Приведем примеры основных суффиксов, используемых в селькупском языке для образования новых существительных.

1. Суффикс *-lika* образует уменьшительно-ласкательные формы: *qana-lika* (вас.) ‘собачка’ (от *qanak* ‘собака’ + *-lika* ‘DIM’), *ütfed'e-l'ika* (об.) ‘мальчикDIM’ (от *ütfed'e* ‘ребенок, дитя’) [Быконя, 2005: 267].

2. Суффикс *-k* в селькупском языке используется для образования собирательных существительных, например, *qäk* (таз.) ‘бор’ (от существительного *qä* ‘береза’ + *-k* ‘COLL’) [Быконя, 2005: 32].

3. Южноселькупским диалектам также известен словообразовательный суффикс *-sak* (*-žak*, *-šak*). Его часто рассматривают в качестве словоизменительного – показателя числа со значением собирательной множественности. Однако данный суффикс стоит ближе к словообразовательным элементам, поскольку участвует в образовании качественно новых слов, слов собирательной семантики. Например, *tidišak* ‘кедровник’ (от существительного *titik* ‘кедр’) [Беккер, 1995: 35].

4. Суффикс *-ni* также является продуктивным в селькупском языке. Например, существительное *kweni* (кет.) ‘березняк’ образовано от *kwe* ‘береза’ + *-ni* ‘DER’, *essē'gu* (кет.) *asy* ‘отец’ + *gu* ‘DER’ [ОчСЯ, 1980: 339].

5. Распространенным суффиксом, с помощью которого образуются имена существительные от глагольных и именных основ, является суффикс *-to*. Например, *karamo* (кет.) ‘землянка’ (от существительного *karrä*, *karr* ‘под гору, под откос, на очаг’) [Беккер, 1995: 35].

6. Словообразовательный суффикс *-q* (*-qu*) выступает со значением «относящийся к какому-либо месту», как, например, в существительном *aŋqi* ‘узда’ (можно сравнить с прасамодийским *aŋ* ‘рот’) [Беккер, 1995а: 34].

7. Для формирования слов со значением кровного родства в селькупских диалектах используется суффикс *-na* (*-nä*). Например, *tibinna* (кет.) ‘брат’ (от существительного *tibi* ‘мужчина’), *nena* (нарым.) ‘сестра’ (от существительного *ne* ‘женщина, дочь’) [Беккер, 1995а: 34].

Мы привели примеры основных словообразовательных суффиксов, использующихся для образования новых существительных в селькупском языке. Кроме данных словообразовательных суффиксов в селькупском языке существуют так называемые «полусуффиксы» [Беккер, 1995а: 30], морфологический статус и продуктивность которых до сих пор не определены. На наш взгляд, данные «полусуффиксы», в связи с разной степенью их грамматикализованности, занимают промежуточное положение между собственно суффиксами – связными морфемами, и существительными, и обладают высокой степенью грамматикализованности, частотности и

определенной функциональной значимостью. Данные «полусуффиксы» в дальнейшем мы будем называть номинализаторами. Есть основания полагать, что частотность номинализаторов связана со слабо развитой системой суффиксального образования имен существительных, в которой, например, отсутствует суффикс со значением деятеля (в хантыйском языке). Более подробно вопрос о номинализаторах будет рассмотрен в дальнейших разделах.

1.2.3.2 Образование существительных с помощью словосложения

Анализ имеющихся грамматик и исследований по словообразованию в хантыйском и селькупском языках [Терешкин, 1961; Gulya, 1966; Беккер, 1995], позволяет сделать вывод о том, что словосложение является продуктивным способом словообразования в обоих рассматриваемых нами языках. В данном разделе диссертации мы опишем имеющиеся структурные модели словосложения, их морфологическую оформленность и семантику сложносоставных лексем в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

Традиционно под словосложением понимается способ словообразования на основе сложения минимум двух основ, как правило, именных или глагольных. Именное словосложение является результатом образования новых сложных существительных, глагольное словосложение образует новые глагольные формы [Aikhenwald, 2007: 24]. Более того, сложные слова могут также быть образованы из глагольного корня и его аргумента, прямого дополнения, непереходного субъекта, а также наречия [Aikhenwald, 2007: 31]. В данном исследовании мы рассматриваем только именное словообразование, поскольку календарно-временная лексика представлена существительными, а также номинализованными именными конструкциями.

Одним из распространенных структурных типов сложных слов в языках мира являются слова, состоящие из двух или трех основ, связанных простым соположением, где существительные стоят в начальной форме [Haspelmath, 2002:

137]. Данный вид словосложения N+N является самым продуктивным и распространен как в восточных диалектах хантыйского языка, так и в южных диалектах селькупского языка. Например, в хантыйском языке существительное *wan-qi* (вас.) ‘друг, товарищ’ образовано путем сочетания двух именных основ *wan* ‘плечо’ и *qi* ‘человек’ [Могутаев, 1996: 44]. Другими примерами словосложения в хантыйском языке могут быть существительное *mäy-woj* (вас.) ‘мед’, образованное из основ *mäy* ‘земля’ и *woj* ‘жир’ [Могутаев, 1996: 157]; *njaj-öyi* (вас.) ‘княжна’, где *njaj* ‘князь’, а *öyi* ‘дочь’ [Могутаев, 1996: 160]; *pat-qat* (вас.) ‘шалаш’, где *pat* ‘трава’, а *qat* ‘дом’ [Могутаев, 1996: 193]. Данные сложносоставные лексемы образованы путем соположения основ двух существительных в основном падеже и морфологически никак не оформляются.

Данная модель именного образования в восточных диалектах хантыйского языка является системной, а семантическим центром (вершиной) составных лексем является крайний правый компонент. Например, существительное *wäy-joü* (вас.) ‘кольцо’ образовано с помощью существительного *wäy* ‘железо, железный’ и существительного *joü* ‘кольцо, круглая форма’ [Фильченко, 2007: 87]. Первый компонент составной лексемы – зависимое – может быть выражен различными частями речи. Наиболее часто зависимое выражено именем и реже глаголом, в то время как вершина всегда выражена существительным, как, например, в существительном *mustäm-ni* ‘красавица’ [Могутаев, 1996: 153], где *mustäm* – причастие ‘нравящийся’, а *ni* – существительное ‘женщина’. В синтаксическом отношении именно семантическая вершина (правый компонент) является носителем фразового словоизменения, однако между компонентами сложносоставной лексемы не наблюдается ни подчинительной связи, ни согласования [Фильченко, 2007: 88].

В рамках данного структурного типа N+N в южных диалектах селькупского языка также выделяют двусложные, реже трехсложные типы сложения. Примерами двусложных производных существительных могут быть: *kor-kanak* (тым.) ‘кобель’, которое состоит из основ *kor* ‘самец’, *kanak* ‘собака’ [Быконя, 2005: 92]; *mat-pari* (кет.) ‘крыша’, состоящее из основ *mat* ‘дом’ и *pari* ‘верх’

[Беккер, 1995а: 29]; *öt-top* (тым.) ‘берег’, где *öt* ‘вода’, а *top* ‘край’ [Быконя, 2005: 174]. Примером трехсложного производного существительного может быть *nei-qu-ütfeka* (кет.) ‘девочка’, где *nei* ‘девичья’, *qu* ‘человек’, *ütfeka* ‘ребенок’ [Беккер, 1995а: 29].

В сложных существительных, созданных по данному типу в южных диалектах селькупского языка, в качестве первого компонента могут выступать прилагательные (*tul'-disse* (кет.) ‘ружье’: *tüj* ‘огненный’ + *tisse* ‘стрела’; *tosi-gat* (кет.) ‘соболь’: *tosij* ‘узкий’ + *kat* ‘лоб, морда’); существительные в родительном падеже безличного или лично-притяжательного склонения (*ind-əma* (кет.) ‘сноха’: *ind* ‘сына-ее’ + *əma* ‘женщина’); глагольные основы (*amdə-ɣo* ‘царь’: *omti* ‘посадить’ + *ɣo* ‘человек’) [Беккер, 1995а: 29]. Семантической и морфологической вершиной всегда является крайний правый компонент – существительное, а первый компонент, который может быть выражен различными частями речи, является его определением.

Семантические отношения между компонентами сложных слов могут быть различными: описание внешнего вида, предназначение, характеристика какого-либо класса. Семантические отношения внутри такого сложного слова могут быть представлены как притяжательные, или отношение часть-целое [Haspelmath, 2002: 87]. Рассмотрим пример из хантыйского языка: в сложных словах *ɣam-ɣat* (вас.) ‘шалаш’ (*ɣam* ‘трава’ + *ɣat* ‘дом’), *mək-ɣat* ‘землянка’ (*mək* ‘земля’ + *ɣat* ‘дом’) [Терешкин, 1981: 146] первая основа является характеристикой правого компонента – дома и указывает на его внешний вид.

Классификация видов семантических отношений между компонентами сложных слов в хантыйском и селькупском языках в данной работе выполняться не будет, поскольку типологи отмечают, что в подобных классификациях нет необходимости вследствие того, что языки практически не накладывают ограничений на виды семантических отношений, которые возможны между компонентами в сложном слове [Haspelmath, 2002: 87]. Принимая во внимание семантику сложных слов и виды семантических отношений между компонентами

сложных слов, в данном разделе мы рассмотрим основные морфологические особенности сложных слов.

С точки зрения семантики сложных слов, рассмотренных выше, первый компонент в большинстве случаев модифицирует или сужает значение правого компонента, в результате чего сложное слово является гипонимом по отношению к правому компоненту [Haspelmath, 2002: 87]. Правый компонент мы будем называть семантической вершиной сложного слова, а модифицирующий его компонент – зависимым. Вершина в сложном слове выделяется на семантическом основании, поскольку в качестве самостоятельной единицы она обычно является гиперонимом по отношению к производному от нее сложному слову, которое, как уже было сказано выше, является по отношению к нему гипонимом. Например, сложное существительное *qul-woj* (вас.) ‘рыбий жир’: досл. ‘рыба-жир’ является разновидностью жира, т.е. гипонимом по отношению к слову ‘жир’. В отличие от словосочетания, зависимое в сложном слове всегда имеет общую, нереферентную семантику, т.е. означает не конкретный референт, а целый класс [Haspelmath, 2002: 156].

С точки зрения общей типологии порядок компонентов в сложном слове, т.е. зависимое – вершина, в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка коррелирует с общим порядком слов OV в указанных языках и с тенденцией располагать определение перед определяемым (например, RelN) или посессора перед обладаемым в именной притяжательной фразе. Отношения между зависимым и вершиной морфологически никак не оформляются, и подчинительная связь внутри сложного слова эксплицитно не выражена, следовательно, в случае образования сложных слов в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка мы говорим о семантической вершине.

В рассмотренных выше примерах сложных слов обращает на себя внимание тот факт, что семантика вершины во всех указанных случаях словосложения имеет свои особенности. В частности, в качестве семантической вершины могут выступать как слова с очень конкретной и специфичной семантикой, например

woj ‘жир’, которые встречаются в единичных примерах словообразовательной модели, так и существительные с более абстрактным, генерализованным значением, например хант. *qat* ‘дом’ или *qu* ‘человек’. Последние примеры в хантыйском языке довольно частотны и обладают широкой дистрибуцией, подобные абстрактные семантические вершины преобретают определенные функциональные возможности (см. пп. 1.2.3.3 о номинализованных конструкциях).

Известно, что в языках, имеющих письменность, существуют устоявшиеся орфографические нормы, закрепленные в грамматиках и словарях и определяющие границы слов и правила их написания. Однако для бесписьменных восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка вопрос о границах слов и выделении критериев для разграничения сложносоставных лексем и словосочетаний до сих пор остается открытым. Трудность такого разграничения заключается в том, что сложносоставные лексемы (по данным имеющихся словарей) образуются простым соположением основ, так же, как и слова в именной фразе, без каких-либо соединительных структурных единиц. Словосочетания образуются также соположением, и отношения вершины и зависимого имени в них никак эксплицитно не кодируются.

В нашей работе при выделении сложосоставных лексем мы руководствовались определенными критериями, которые возможно применить к анализу имеющегося материала. Данными критериями для разграничения сложных слов и словосочетаний в рассматриваемых бесписьменных диалектах является, во-первых, их закрепленность в определенной форме (свободное словосочетание или сложносоставная лексема) в авторитетных словарях; во-вторых, идиоматичность значения сложного слова; и, в-третьих, частая совместная встречаемость, которую для рассматриваемых нами языков можно проследить, проанализировав имеющиеся словари, материалы полевых записей, а также фольклорные тексты.

Полагаясь на выделенные критерии, вслед за М. Хаспельматом [Haspelmath, 2002: 149], мы полагаем, что на нашем материале разделение на сложносоставные лексемы и словосочетания носит не дискретный характер, а градуальный и может быть представлено в виде континуума.

Рассмотрим элементы континуума делексикализации семантической вершины на примере хантыйской лексики *qat* ‘дом’. На одном конце континуума представлены свободные словосочетания. В свободном словосочетании сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов; синтаксическая связь его элементов является живой и продуктивной [Ярцева, 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://www.tapemark.narod.ru/les/469b.html>]. В хантыйском языке таким свободным словосочетанием может быть *ai qat* (вас.) ‘маленький дом’, где *ai* ‘маленький’, а *qat* ‘дом’. Оба слова в данном словосочетании сохраняют свое лексическое значение, а значение всего словосочетания складывается из лексических значений обоих компонентов.

Далее в континууме делексикализации семантической вершины представлены сложносоставные лексемы (также сочетания с номинализаторами), где первый компонент модифицирует или сужает значение правого компонента. Правый компонент может выступать как в качестве номинализатора, так и в качестве самостоятельного слова. Примерами таких сложносоставных лексем в хантыйском языке являются *ram-qat* (вас.) ‘шалаш’ (*ram* ‘трава’ + *qat* ‘дом’), *mək-qat* ‘землянка’ (*mək* ‘земля’ + *qat* ‘дом’). Данные примеры обладают более высокой степенью идиоматичности, правый компонент *qat* делексикализуется, и данные сложносоставные лексемы переводятся носителями языка на русский язык одним понятием ‘шалаш’ и ‘землянка’. Тем не менее, в данных сложносоставных лексемах правый компонент *qat* сохраняет свое буквальное лексическое значение, поскольку *ram-qat* ‘шалаш’, например, все еще означает постройку для жилья, ‘дом, сделанный из травы’.

Следующая ступень континуума представлена сложносоставной лексемой *kan-qat* ‘царство’, где лексическое значение еще более идиоматично, а правый

компонент *qat* обозначает не просто ‘дом, жилище’, а приобретает более генерализованное значение ‘место, пространство’.

В рамках теории грамматикализации можно предположить, что следующей ступенью данного континуума гипотетически будет являться дальнейшая делексистикализация компонента *qat* и превращение его в деривационный аффикс, как, например, в хантыйской сложносоставной лексеме *lit-ot* ‘еда’, где правый компонент *ot* ‘вещь’ делексистикализовался и его значение не является необходимым для перевода данной лексемы.

Таким образом, рассмотренная семантическая вершина *qat* может находиться на разных ступенях континуума на пути к деривационному аффиксу, так же, как и остальные примеры календарно-временной лексики, использованные в данном исследовании, которые располагаются на той или иной стадии континуума. Некоторые из них занимают промежуточное положение, и нельзя с точностью отнести их к той или иной ступени.

Итак, в данном разделе исследования был рассмотрен вопрос словосложения в восточных диалектах хантыйского языка и в южных диалектах селькупского языка. Данный способ образования существительных в указанных диалектах является продуктивным способом словообразования. В диалектах обоих языков обнаруживаются сходные структурные модели словосложения: образование имен существительных по принципу сочетания основ, выраженных существительными в основном падеже N+N по принципу соположения зависимого компонента и семантической вершины всей сложносоставной лексемы. При анализе календарно-временной лексики в дальнейших разделах нашего исследования мы полагаем, что данный способ словообразования также будет являться продуктивным и обнаружит многочисленные примеры.

1.2.3.3 Производные конструкции с номинализатором

Описание и анализ словообразовательных моделей в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка, представленный в пп. 1.2.3.1 и 1.2.3.2, позволяет выдвинуть предположение о том, что в рассматриваемых языках разграничение словосочетаний и сложных лексем носит недискретный характер. На основе выделенных критериев мы выдвинули предположение о том, что словосочетания и морфологически сложные лексемы, а также сложносоставные лексемы с номинализатором являются разными степенями континуума.

В результате проведенного анализа деривационных моделей, выделенных нами для восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка, мы выяснили, что в обоих языках выделяется определенный класс слов, не позволяющих однозначно интерпретировать их статус. К данным словам мы относим лексемы хант. *qu* ‘человек, мужчина’, *ni* ‘женщина’, *qat* ‘дом’, *ot* ‘вещь’, сельк. *qum* ‘человек’, *po* ‘дерево’, *mat* ‘дом’, *ol* ‘голова’. Данные лексемы выделены нами в отдельную группу на основании того, что их семантика и морфосинтаксический статус варьируются в зависимости от их функции в высказывании. Данные лексемы можно расположить на континууме по степени их делексикализации / грамматикализации: полнозначные лексемы, способные быть вершиной в свободном синтаксическом словосочетании – семантические вершины сложносоставных лексем, образованных путем словосложения, – номинализаторы, занимающие фиксированную синтаксическую позицию в устойчивых словосочетаниях, – деривационные аффиксы.

Сопоставительный анализ свободных синтаксических словосочетаний и сложносоставных лексем был представлен в пп. 1.2.3.2 о словосложении, на примере хантыйского существительного *qat* ‘дом’. В данном подразделе мы рассмотрим случаи, в которых лексемы хант. *qu*, *ni*, *qat*, *ot*, сельк. *qum*, *po*, *mat*, *ol* выступают в качестве номинализаторов (или «полусуффиксов» в терминологии Э. Беккер).

Термин «полусуффикс» прочно вошел в лингвистическую терминологию с появлением работ М.Д. Степановой по словообразованию в немецком языке. Полусуффиксами М.Д. Степанова называет словообразовательный элемент, который по форме совпадает с простым корневым словом, обладает функционально-семантическими характеристиками словообразовательного суффикса и формируется на основе второго компонента сложного слова, приобретая более общее, абстрактное значение и образуя в сочетании с основами различной семантики представительные словообразовательные ряды [Степанова, 1979: 144–145].

Степанова М.Д. также считает, что появление именных полусуффиксов обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что в языке слабо развита суффиксальная система, а, во-вторых, тем, что широко развито словосложение [Степанова, 1979: 183]. И те и другие признаки в той или иной степени характеризуют селькупский и хантыйский языки. Для рассмотрения правого компонента существительного, образованного с помощью словосложения, в качестве полусуффикса он должен «употребляться с достаточной долей частотности в одной и той же семантической функции ряда слов с подведением их под одну общую семантическую категорию» [Беккер, 1995: 30].

Беккер Э.Г. выделяет следующие полусуффиксы для южных диалектов селькупского языка: *-po*, *-ära*, *-qip/qum*, *-laka*, *-saj*, *-qu* и др. Все они функционируют как самостоятельные полнозначные лексические единицы со следующими значениями: (*po* ‘дерево’, *ära* ‘старик’, *qip/qum* ‘человек’, *laka* ‘кусок’, *saj* ‘глаз’, *qu* ‘стебель’). Примерами сложносоставных лексем с полусуффиксами могут быть: *nän-laka* ‘буханка (хлеба)’ (*näj* ‘хлеб’ + *laka* ‘кусок’), *üty-laka* ‘капля’ (*üty* ‘вода’ + *laka* ‘кусок’), *ütyt-qu* ‘струя’ (*üty* ‘вода’ + *qu* ‘стебель’), *pol'-qu* ‘бревно’ (*po* ‘дерево’ + *qu* ‘стебель’). Данные единицы входят в состав сложных образований в качестве правого компонента, утрачивая при этом свое лексическое значение, преобретая между тем статус суффиксальных элементов с новым категориальным значением [Беккер, 1995: 31].

Одним из самых распространенных полусуффиксов в селькупском языке является *-qum* ‘человек’. Приведем примеры некоторых производных слов, правым компонентом которых является *-qum/qip*:

təm-qum (тым.) ‘купец’ = *təmy-gu* ‘купить’ + *qum* ‘человек’
ne-qum (кет.) ‘женщина’ = *ne* ‘девочка’ + *qum* ‘человек’
qwelel-qum (тым.) ‘рыбак’ = *qwelel* ‘рыбачий’ + *qum* ‘человек’
amdəl-qip (нарым.) ‘царь’ = *amdəl* ‘сидячий’ + *qip* ‘человек’
surul'd'i-qum (кет.) ‘охотник’ = *suru-l'd'i* ‘охотиться-ІМРР’ + *qum* ‘человек’
til-qip (нарым.) ‘татарин’ = *til* ‘татарский’ + *qip* ‘человек’.

Представленные примеры показывают, что существительное *qum / qip* в данных случаях, теряя свое конкретное значение, превращается в рамках словосложения в словообразовательное средство с широким генерализованным значением: значением действующего лица по роду деятельности, занятия, национальной принадлежности и т.д.

Поскольку с помощью данного полусуффикса *-qum/qip* образуются производные имена существительные не только от именных основ, но также и от глагольных, для последующего обозначения полусуффиксов – термина, предложенного М.Д. Степановой, – мы предлагаем воспользоваться термином «номинализатор» для дальнейшего анализа хантыйского и селькупского материала.

Термин «номинализация» означает, по сути, превращение в существительное [Comrie, Thompson, 2007: 334]. Так, например, номинализациями в русском языке являются отглагольные существительные (*возвращение, убийство* и др.) Нередко в работах, посвященных данной теме, используются другие термины, такие как: предикатное имя, которое образуется от предикатов и обозначает ситуацию или свойство, например *пение* в русском языке; имена действия (*nomina actionis, action nominals*): отглагольные имена со значением действия в широком смысле слова (событие, состояние, процесс); отглагольные имена / существительные: в принципе могут обозначать не только ситуацию, но и ее партиципентов (например, *охотник* – ‘тот, кто охотится’ и т. п.).

В монографии, посвященной номинализациям в языках мира, М. Копчевская-Тамм выделяет следующие признаки, по которым те или иные структуры можно

отнести к номинализациям: «имена действия – образованные от глаголов существительные (отглагольные существительные) со значением действия / процесса, способные склоняться и употребляться с предлогами / послелогами так же, как обычные существительные; кроме того, они должны образовываться по достаточно регулярной модели» [Kortjevskaja-Tamm, 1993: 5].

Итак, под термином «номинализация» традиционно понимается трансформация глагольной основы в именную, однако в нашем последующем обсуждении мы будем применять термин «номинализатор» в более широком понимании, для описания показателей, образующих именные основы от глагольных и любых других основ, поскольку номинализаторы всегда являются именем и вся производная конструкция, состоящая из именных или глагольных основ, становится по сути (функционально) именем и получает способность присоединять показатели именных грамматических категорий, например падежных окончаний.

Для иллюстрации образования сложносоставных лексем с помощью номинализаторов приведем еще несколько примеров из селькупского языка:

po (кет.) ‘дерево’:

sirsa-po ‘лестница’ = *siyilgu* ‘влезть’ (-*r* – суффикс переходности, -*sa* – деривационный аффикс) + *po* ‘дерево’ (букв. для вхождения дерево),

omdirsa-po ‘скамейка’ = *omdugu* ‘сесть’ (-*r* – суффикс переходности, -*sa* – деривационный аффикс) + *po* ‘дерево’ (букв. для сидения дерево);

mat, mad (кет., вас.) ‘дом’:

niwan-mat ‘церковь’ = ‘Божий’ + ‘дом’,

uchitel-mat ‘школа’ = ‘учитель’ + ‘дом’;

ol (кет., вас.) ‘голова’:

lappin-ol ‘лопасть’ = ‘весло-GEN’ + ‘голова’,

utin-ol ‘кисть руки’ = ‘рука-GEN’ + ‘голова’,

warg-ol ‘царь’ = *warg* ‘большой’ + *ol* ‘голова’ [Быконя, 2005].

Итак, к наиболее частым южно-селькупским номинализаторам относятся: *нефинитная глагольная основа + имя (номинализатор)*, *соположение именная основа + имя (номинализатор)*.

В хантыйском языке также представлены все основные номинализаторы, которые встречаются во многих языках Сибири, в том числе и в селькупском. Наиболее распространенными номинализаторами в хантыйском языке являются:

qu ‘мужчина’:

joltə-qu ‘шаман’ = *joltə* ‘шаманить-IMPP’ + *qu* ‘мужчина’,

qulweltə-qu ‘рыбак’ = *qul* ‘рыба’ + *weltə* ‘убивать-IMPP’ + *qu* ‘мужчина’,

äj-qu ‘мальчик’ = *äj* ‘маленький’ + *qu* ‘мужчина’;

ni ‘женщина’:

äj-ni ‘девочка’ = *äj* ‘маленький’ + *ni* ‘женщина’,

jəŋkjɯŋk-ni ‘русалка’ = *jəŋk* ‘вода’ + *juŋk* ‘дух’ + *ni* ‘женщина’;

qat ‘дом’:

Torəm-qat ‘церковь’ = *Torəm* ‘Торум’ + *qat* ‘дом’,

kan-qat ‘царство’ = *kan* ‘царь’ + *qat* ‘дом’;

ot ‘вещь’:

lit-ot ‘еда’ = *li-tə* ‘есть-IMPP’ + *ot* ‘вещь’,

wereŋ-ot ‘ребенок’ = *wereŋ* ‘маленький’ + *ot* ‘вещь’ [Терешкин 1981].

Можно заметить, что к наиболее частым типам восточно-хантыйских номинализованных конструкций относятся: *глагольная основа (причастие (-IMPP) + имя (номинализатор)*, *соположение именная основа / прилагательное + имя (номинализатор)*.

Следующие примеры хантыйских предложений показывают, что производные конструкции, образованные с помощью номинализаторов, выступают в предложениях в качестве имен и оформлены лично-числовыми и падежными маркерами.

Хант. (вах., вас.)

(3) *Jəŋkjöŋ-ninə tʃu ni lopiʃäj əntə*

<i>jəŋk</i>	<i>-juŋk</i>	<i>-ni</i>	<i>-nə</i>	<i>tʃu</i>	<i>ni</i>	<i>lopiʃäj</i>	<i>ən -tə</i>
вода-дух-женщина-LOC		ДЕТ	женщина	одежда	надеть-PST0.3SG/SG		

‘Русалка надела одежду той женщины’ [Аннот. сборник, 2012: 39].

(4) *Töyi kutʃʷəyənə joltəqu aməswəl*

<i>töyi</i>	<i>quʃəy</i>	<i>-nə</i>	<i>joltə-qu</i>	<i>aməs -wəl</i>
огонь	около -LOC		шаманить-человек	сидеть -PRS.3SG

‘Около огня шаман сидит’ [Аннот. сборник, 2012: 33].

(5) *Äjqujali apəla tölöywəl*

äj -qu -j -ali

маленький-человек-EP-DIM

apa -əl -a

отец-3SG-ILL

tology -wəl

сказать-PRS.3SG

‘Мальчик отцу говорит’ [Аннот. сборник, 2012: 45]

(6) *Mä niḡəm mä wereḡotlamna män lök quḡḡynə läyəlwəlt*

mä niḡ -əm

1SG женщина -1SG

mä

1SG

wereḡ -ot -l -am -na

маленький-вещь-PL-1SG-COM

mä -n

1SG-ACC

Lök

Дорога

quḡḡy -nə

рядом-LOC

läyəl -wəl -t

ждать-PRS-3PL

‘Моя жена с детьми меня возле деревни ждут’ [Аннот. сборник, 2010: 65].

Итак, в данных примерах были использованы следующие производные конструкции, образованные с помощью номинализаторов: *jəḡk-juḡk-ni-nə* ‘русалка’, *joltə-qu* ‘шаман’, *äj-qu* ‘мальчик’, *wereḡ-ot* ‘ребенок’. В предложениях некоторые из них оформлены лично-числовыми маркерами, именно поэтому есть основания считать их именными производными конструкциями, несмотря на то, что в их составе также встречаются глагольные основы.

Подводя итог обсуждению вопроса о словообразовательных моделях, распространенных в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка, можно сказать, что данные модели очень схожи. Продуктивным способом именного словообразования в обоих языках является словосложение. Элементы в таких существительных чаще всего связаны простым соположением, где зависимое может быть выражено разными частями речи, а вершина всегда выражена именем существительным.

Более того, в обоих языках были выделены наиболее часто употребляемые номинализаторы, которые делексиализуются и грамматикализуются в словообразовательное средство с генерализованным значением. При дальнейшем анализе календарно-временной лексики будут также выявлены наиболее продуктивные морфологические модели образования календарно-временной лексики. Мы предполагаем, что они будут следовать основным моделям именного словообразования в хантыйском и селькупском языках, которые были рассмотрены в данном разделе.

§ 1.3 Календарно-временная лексика как фреймовая система в свете современной лингвистической семантики

1.3.1 Направления развития лингвистической семантики

В современной лингвистической науке все большее внимание привлекают проблемы, связанные с исследованием комплексности и относительности значения. Вслед за В.М. Ярцевой мы считаем, что все содержание, информация, передаваемая языком или его единицей (словом, грамматической формой слова, словосочетанием, предложением), относится к плану семантики. Семантика как раздел лингвистики отвечает на вопрос, каким образом человек, зная слова и грамматические правила какого-либо естественного языка, оказывается способным передать с их помощью самую разнообразную информацию о мире [Ярцева, 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://www.tapemark.narod.ru/les/>].

Кобозева И.М. отмечает, что проблемы семантики до обособления этой дисциплины в научном языковедении XIX в. решались уже в древнейших лингвистических традициях: в Китае еще в древности создавались словари с толкованиями иероглифов, вопросы значения обсуждались античными философами, схоластики средневековья составляли глоссы с толкованиями слов в памятниках письменности, мыслители просвещения и романтики стремились построить философию языка [Кобозева, 2000: 20].

На возникновение семантики как науки огромное влияние оказал Вильгельм фон Гумбольдт, один из крупнейших лингвистов-теоретиков. Он рассматривал в своих работах темы, касающиеся вопросов формы и содержания слов. В связи с внутренней формой языка В. фон Гумбольдт затрагивает проблему, которая позже стала трактоваться как различие значения и смысла слова; с точки зрения образования понятия «слово – не эквивалент чувственно воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь – главный источник

многообразия выражений для одного и того же предмета. Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них» [Звегинцев, 1984: 358]. Вильгельм фон Гумбольдт также отмечал глубокие семантические различия между языками и считал, что разные языки являются носителями разных познавательных перспектив, разных взглядов на мир [Гумбольдт, 1984: 310].

К последователям идей Гумбольдта относились и такие выдающиеся лингвисты XX века, как Э. Сепир и Б. Уорф [Sapir, 1944; Whorf, 1956]. Именно этим ученым принадлежит тезис, согласно которому существующие в сознании человека системы понятий, а следовательно, и существенные особенности его мышления определяются тем конкретным языком, носителем которого этот человек является [Whorf, 1956: 212]. Чувственное восприятие действительности определяется ментальными представлениями человека. Ментальные представления, в свою очередь, могут изменяться под воздействием языковых и культурных систем. Поскольку в конкретном языке и, шире, в конкретной культуре концентрируется исторический опыт их носителей, ментальные представления носителей различных языков могут не совпадать.

В качестве самостоятельной лингвистической дисциплины семантика выделилась в конце XIX в.; сам термин «семантика» для обозначения раздела науки был впервые введен в 1883 г. французским лингвистом М. Бреалем, интересовавшимся историческим развитием языковых значений. В 1897 г. он издал книгу под названием «Очерки семантики» (Michel Breal. Essai de semantique, science de signification). С появлением трудов Бреалю термин «семантика» стал широко применяться в работах лингвистов [Васильев, 1990: 4].

Среди отечественных ученых XIX в., занимавшихся семантикой, следует упомянуть М.М. Покровского, которому принадлежит работа «Семасиологические исследования в области древних языков» [Покровский, 1985]. Этот ученый, наряду с М. Бреалем, имел непосредственное отношение к оформлению семантики в отдельную отрасль языкознания. В трудах М.М. Покровского, некоторых других российских, а также немецких ученых

возник термин семасиология, использовавшийся наряду с семантикой. В широком смысле он стал применяться для обозначения нового раздела языкознания – науки о значениях языковых единиц.

Ко второй половине XIX в. относится и появление семантического труда известнейшего российского ученого А.А. Потебни «Мысль и язык», написанного под влиянием идей В. фон Гумбольдта и пропагандировавшего эти идеи в отечественном языкознании [Потебня, 1999]. Этот период характеризуется внедрением в семантику общих принципов конкретно-исторического сравнительного исследования и попыткой формулирования законов семантики [Ярцева, 1990: Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://www.tapemark.narod.ru/les/>].

Таким образом, проблема значения слов интересовала ученых с давних времен. До конца XIX века вопросы семантики были объектом изучения философии, логики, лексикографии, грамматики. По-настоящему бурное развитие лингвистической семантики началось с 1960-х годов; в настоящее время она является одним из центральных по своему значению разделов науки о языке.

1.3.2 Становление современной лингвистической семантики и основные подходы к изучению значения

Современная лексическая семантика обязана своим появлением нескольким смежным дисциплинам. Большую роль в ее становлении и развитии сыграла философская и логическая традиция толкования значений слов, восходящая к временам античных мыслителей, таких как, например, Аристотель. Данный подход также широко представлен в работах Локка, Лейбница, Спинозы (XVII–XVIII вв.). В типичных для этого направления работах, например, в работе Лейбница «Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии» выражаемое словом понятие анализируется в составе целого высказывания и в связи с той ситуацией, которая им описывается, причем делается попытка свести большое число сложных понятий к небольшому числу простых и эффективно различать любые два понятия [Лейбниц, 1983: 390].

Кроме того, важнейшую роль занимали исследования значений в лексикографии, чьи практические потребности постоянно ставили теоретическую семантику перед необходимостью создать аппарат для исчерпывающего и неизбыточного толкования лексических значений, характеристики лексической и синтаксической сочетаемости слов, описания их семантических связей с другими словами и т.п. [Апресян, 1995: 6].

Для лингвистики XX века характерно встречное развитие семантики и лексикографии, отразившееся в работах таких замечательных лингвистов, как Л.В. Щерба [Щерба, 1958], Ш. Балли [Балли, 1955], Э. Сэпир [Sapir, 1944], К. Эрдман [Erdmann, 1925], Дж. Фирт [Firth, 1935], В.В. Виноградов [Виноградов, 1953].

Апресян Ю.Д., в своей работе «Лексическая семантика. Синонимические средства языка» так характеризует семантическую теорию упомянутых авторов: «Значение слова – это не научное, а «наивное» (по Л.В. Щербе) понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями; слова в языке соединяются друг с другом не вполне свободно, т.е. не только на основе информации об их значениях» [Апресян, 1995: 7]. «Процессы построения словосочетаний и предложений подчиняются особым сочетаемостным ограничениям – лексическим и конструктивным, даже в относительно свободных словосочетаниях значение целого словосочетания далеко не всегда складывается из значений образующих его слов по простому закону суммирования» [Апресян, 1995: 7]. Идеи этих лингвистов часто оказывались результатами размышлений о значении через призму лексикографии, намечая интересные пути соприкосновения лексикографии и семантики.

Кроме того, на развитие современной семантики как науки естественно повлияли лингвистические изыскания 1940–50-х годов, представленные в работах Л. Ельмслева [Ельмслев, 1960], А. Кребера [Kroeber, 1952], У. Гудинафа [Goodenough, 1956], Ф. Лаунсбери [Lounsbury, 1956], в которых развивались представления о компонентной структуре лексических значений, в свою очередь перенесенные в лингвистическую семантику из фонологии и грамматики, где

анализ по дифференциальным признакам (фонологическим и грамматико-семантическим) практиковался в течение десятилетий.

К началу 70-х гг. прошлого столетия в отечественном языкознании устанавливается комплексный подход к семантическим явлениям. Исследуются объективные, внеязыковые, денотатные связи слов и других знаков и высказываний, отражение действительности в их семантике, для чего применяются особые методы, такие как метод компонентного анализа, метод оппозиции, применяемый, в частности, в работах Ю.Н. Караулова [Караулов, 1976], А.А. Уфимцевой [Уфимцева, 1968] и др.

Получивший широкое распространение **метод компонентного анализа** был впервые предложен в работах американских ученых Дж.Дж. Катца и Дж.А. Фодора. Он основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов – сем, и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков [Katz, 1966]. Преимущества описания значений с помощью компонентного анализа усматриваются в его системности, а также он оказывается чрезвычайно полезным при описании различий между языками в способах организации семантической информации. Претензии, предъявляемые к методу компонентного анализа, традиционно сводятся к следующим моментам: во-первых, не все слова допускают безостаточное разложение на семы; и во-вторых, представление значения слова в виде набора сем часто не позволяет объяснить его реальное употребление [Сема. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SEMA.html?page=0,1]. И действительно, слова отличаются друг от друга не только набором семантических компонентов, но и степенью их выделенности, способностью уходить на задний план в определенных контекстах и т.д. [Вежбицкая, 1996: 204].

Методом, часто упоминаемым в литературе и признанным достаточно удобным для исследования лексической семантики, является **метод выявления семантических полей**. Данная теория предполагает, что лексика представляет собой совокупность частных систем, или подсистем, внутри которых слова

связаны отношениями взаимного противопоставления. Основателем теории семантического поля считается немецкий ученый Иост Трир [Trier, 1973].

Согласно этой теории, на каждое «понятийное поле», соответствующее определенной сфере понятий, как бы накладываются слова, членящие его без остатка и образующие «словесное» поле. При этом каждое слово получает смысл только как часть соответствующего поля. Носитель языка в полной мере знает значение слова лишь в том случае, если ему известны значения других слов из того же поля. Семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений, и характеризуется такими основными свойствами, как наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами; системным характером этих отношений; взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц; относительной автономностью поля; непрерывностью обозначения его смыслового пространства; взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы [Щур, 1974: 37]. Примерами семантических полей могут быть поле времени, поле животноводства, поле имен родства, поле цветообозначений, поле глаголов побуждения, поле личных имен и т.д.

Данный подход применяется в нашем исследовании для описания и анализа календарно-временной лексики, поскольку семантическое поле, как и рассматриваемая календарно-временная лексика, характеризуется наличием общего семантического признака.

Во второй половине XX века также активно исследуются внутриязыковые связи, для чего применяются иные методы (дистрибутивный анализ, трансформационный анализ) в работах московской исследовательской группы «Логический Анализ Языка» Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1967], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1976], Е.В. Падучевой [Падучева, 1974] и др.

Дистрибутивный метод исследования языка основан на изучении окружения отдельных единиц в тексте и не использует сведений о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц [Апресян, 1966: 58].

Поскольку данный метод обработки языковых данных оказался противоречивым и не решал задач, для которых он был предназначен, он был дополнен другими экспериментальными приемами.

Таким приемом, в частности, явился **трансформационный метод**. Принцип данного подхода основан на следующих утверждениях: 1) синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной, или исходной, а все остальные – ее производными. Ядерная подсистема – это набор типов элементарных предложений, т.е. простых утвердительных предложений с глаголом в изъявительном наклонении активного залога настоящего времени, не содержащих модальных слов, однородных членов, определений, обстоятельств и т.п.; 2) каждое ядерное предложение описывает элементарную ситуацию, а тип ядерных предложений – класс элементарных ситуаций; 3) любой сложный синтаксический тип получается из одного или нескольких ядерных предложений применением к ним упорядоченного набора обязательных и факультативных трансформаций [Апресян, 1967: 115]. Впоследствии все теоретические посылки трансформационного метода были подвергнуты критическому пересмотру, и он перестал использоваться как способ представления синтаксической, а тем более семантической структуры предложения.

Во второй половине XX века также актуальны поиски **«семантических примитивов»**, которые остаются самостоятельной задачей семантики, например в работах А. Вежбицкой [Wierzbicka, 1972]. Семантические примитивы – базовые составляющие языковых высказываний, выражающие элементарные смыслы. Данная концепция была разработана с целью построения общей семантической теории естественного языка. Задача семантики, согласно замыслу Вежбицкой, «состоит в том, чтобы выявить структуру мысли, скрытую за внешней формой языка» [Вежбицкая, 1983: 225]. В основе теории семантических примитивов лежит представление о наличии в сознании каждого человека «семантической системы», включающей совокупность элементарных понятий, а также правил, по которым из этих понятий конструируются сложные комплексы, которые

Вежбицкая характеризует как «ментальные предложения или мысли» [Вежбицкая, 1983: 246].

Кратко рассмотрев историю появления семантики как науки, а также основные работы и персоналии, повлиявшие на формирование данной дисциплины, мы можем отметить, что, появившись относительно недавно, около века тому назад, семантика в лингвистике вызывает растущий интерес, что ведет к увеличению числа новых исследований. Объектом семантики признается содержательная сторона значимых единиц языка, т.е. их значение. Поскольку мельчайшей значимой единицей языка признается морфема, то в сферу интересов семантики попадают единицы всех уровней от морфемы и выше, и тем самым семантика оказывается тесно связанной с традиционно выделяемыми дисциплинами лингвистического цикла: морфологией, лексикологией и синтаксисом. Единицы разных уровней языка обладают разными типами содержания, и соответственно внутри единой дисциплины семантики могут быть выделены такие разделы, как морфемная семантика, лексическая семантика, синтаксическая семантика (семантика предложения) [Кобозева, 2000: 17].

Ведущее место в нашей работе будут занимать проблемы современной лексической семантики, так как речь будет идти о лексическом составе хантыйского и селькупского языков, а именно о календарно-временной лексике. В настоящее время в лингвистической семантике существует целый ряд школ, которые могут быть сведены к двум основным направлениям, которые называют сильной (внешней) и слабой (внутренней) семантикой. Для этих направлений характерно различное понимание значения единиц языка и языковых выражений [Жеребило, 2006: 17]. Представители сильного направления считают, что описать значение языкового выражения – значит сформулировать правило, по которому можно установить, что соответствует этому выражению в действительном мире или в некоторой модели мира. Сильная семантика представлена такими школами, как формальная семантика Р. Монтегю, Э. Кинена и теория референции Е.В. Падучевой [Жеребило, 2006: 19].

Слабая семантика считает значения языковых выражений ментальными сущностями, принадлежащими не описываемому миру, а сознанию человека. Языковые значения – это не фрагменты мира, а способ их представления, отражения в сознании. Слабая семантика представлена целым рядом школ, среди которых наиболее известны и популярны семантическая теория Дж. Катца и Дж. Фодора, исследования по компонентному анализу лексического значения Ю. Найда, концепция «языка мысли» А. Вежбицкой, московская семантическая школа Ю.Д. Апресяна, И.А. Мельчука и др., а также когнитивная семантика, трактующая значение как ментальный феномен (более подробно будут рассматриваться в следующем разделе исследования).

1.3.3 Календарно-временная лексика как фреймовая система: теоретические и методологические основы

Днем рождения когнитивной семантики считают симпозиум в Дуйсбурге, организованный Рене Дирвеном (Дуйсбургский университет, Германия) весной 1989 года. Именно на этой конференции был основан журнал «Когнитивная лингвистика», ставший одним из лучших современных лингвистических журналов, редактором которого до последнего времени был Дирк Герартс, а с недавних пор – Ева Дабровска.

Возникнув в США, когнитивная семантика приобрела сторонников во многих странах. Наиболее известными представителями этого течения являются Дж. Лакофф [Lakoff, 1993], Ч. Филлмор [Филлмор, 1983], Р. Лангакер [Langacker, 1987], Р. Джэкендофф [Jackendoff, 1983], Д. Герартс [Geeraerts, 1988, 2010]. В России идеи когнитивной семантики в последнее время развивают Р.М. Фрумкина [Фрумкина, 1979], Е.В. Рахилина [Рахилина, 2008] и ряд других исследователей.

Центральной идеей всей когнитивной лингвистики является положение о том, что при восприятии речи человек использует те же механизмы, что и при восприятии вообще – зрительном восприятии или восприятии, например, музыки.

Преимуществами данного подхода является то, что он открывает широкие перспективы видения языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми, и с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе [Рахилина, 1998: 285].

Данный подход также предполагает слияние лингвистики со смежными дисциплинами, в первую очередь с психологией, а также исключает автономность лингвистики как науки, и, конечно, тем более исключает автономность ее отдельных областей [Рахилина, 2008: 25].

Объектом исследования когнитивной семантики являются отраженные в единицах языка знания и представления носителей культуры о внеязыковой действительности. Для когнитивной семантики одинаково важно выявить типологию знаний, различия в способах их хранения в сознании и в формах выражения в речи. Именно поэтому данное направление в лингвистике чрезвычайно близко исследованию, представленному в нашей работе, так как именно с его помощью, на наш взгляд, можно адекватно и эффективно описать те культурные особенности, которые выражены в выбранном нами языковом материале.

Вероятно, правомерным было бы утверждать, что для любого говорящего существует интуитивная связь между некоторыми лексемами в составе языка (например такими, как *утро*, *день*, *вечер* и *ночь*), объединяющая эти лексемы в группу, к которой, вероятнее всего, будут также относиться и такие лексемы, как *полдень* и *полночь*. Тем самым допустимо, что говорящие, «зная» значение того или иного слова, могут иметь интуитивное представление о том, что это слово входит в ту или иную лексико-семантическую группу, даже если они не знают всех представителей этой группы, а лишь некоторых из них.

Есть основания полагать, что такие лексемы (относящиеся к некой семантической группе) также осваиваются человеком при овладении языком относительно одновременно и во взаимосвязи друг с другом. Эти лексемы образуют некие естественные группы, каждая из которых в виде единого целого

является лексическим представлением некоторой единой схематизации опыта и знания. Любая лексема представляет собой некоторую категоризацию опыта, и в основе каждой категории, выраженной лексемой, лежит контекст, который возникает на фоне знаний и опыта. Для определения подобных взаимосвязанных систем понятий был предложен термин «фрейм», впервые использованный Чарльзом Филлмором и в дальнейшем приравнивавшийся к таким понятиям, как «схема», «сценарий», «скрипт» [Чейф, 1983: 45]. Исследования в области фреймовой семантики могут быть представлены как попытка выяснить, учитывая значение лексем, по каким причинам то или иное языковое сообщество создает категорию, представленную данной лексемой, и объяснить значение этой лексемой путем выявления и анализа этих причин [Колесник, 2002: 58].

Впервые данным вопросом всерьез заинтересовался американский лингвист Чарльз Филлмор. Работы Филлмора имеют большое значение в области синтаксиса и семантики. Этот исследователь стал одним из основателей когнитивной лингвистики, активно разрабатывая теорию падежной грамматики и семантики фреймов. В статьях Ч. Филлмора была предложена концепция фреймовой семантики, представлявшая собой адаптацию для нужд лексической семантики понятия фрейма – структуры представления знаний [Филлмор, 1988: 63].

Итак, фреймом мы называем ключевую единицу семантики понимания, представляющую собой систему понятий, элементы которой соотносятся таким образом, что для понимания одного из них необходимо осознать всю структуру, компонентом которой он является. Когда один из элементов данной структуры вводится в текст или разговор, все остальные составляющие автоматически активируются [Колесник, 2002: 58].

По мнению Ч. Филлмора, появление слов всегда обусловлено рядом экстралингвистических причин, которые уходят корнями в историю народа, в его обычаи, в географические и экологические условия проживания. Полностью понять данные слова возможно, изучив и поняв накопленный человеческий опыт и уникальную картину мира народа. По той или иной интерпретации

определенного лексического поля представителей какого-либо языкового сообщества, в свою очередь, можно сделать выводы об их социокультурной принадлежности, о культурном опыте, накопленном за долгое время [Fillmore, 1981: 115].

Исследование календарно-временной лексики (на материале дней недели в английском, немецком языках и иврите) в свете фреймовой системы было представлено в совместной публикации Мириам Петрюк и Ханса Боаса, где также описывается сложная, но неразрывная взаимосвязь морфологии и семантики [Petruck, Boas, 2003]. Ссылаясь на исследования Ч. Филлмора (1982, 1985), они утверждают, что фрейм – это любая система понятий, в которой для понимания одного концепта необходимо понимание всей системы в целом, а при введении одного компонента системы остальные автоматически становятся доступными и понятными.

Вслед за вышеупомянутыми исследователями мы рассматриваем календарные системы хантов и селькупов в качестве фреймовой системы. Рисунки 1 и 2, представленные ниже, иллюстрируют циклический фрейм «Календарь» в хантыйской и селькупской культурах, включают в себя основные наименования периодов, входящих в годовой цикл. Границы между элементами фрейма (волнистые линии на рисунках) – не дискретны и не фиксированы, потому что они могут варьироваться от «года» к «году» и от местности к местности в зависимости от действительных погодных условий и изменений природы в конкретный год.

Являясь отражением традиционного опыта данных народов и накопленного ими культурного и языкового опыта, календарь воспринимается как единая система. Такие компоненты системы, как, например, период, соответствующий названию месяца март григорианского календаря, моментально активирует в сознании говорящих ассоциации с другими месяцами, составляющими упорядоченную систему, и всей системой в целом. Поэтому календарь является фреймовой системой, отражающей отдельные аспекты традиционного знания и опыта в сознании говорящих в качестве единой системы – фрейма, с восприятием,

хранением и ментальной активацией в сознании ассоциаций с другими элементами упорядоченной системы и всей системой в целом, а также иллюстрирует восприятие и воспроизводство носителями соответствующей лексики, анализ которой будет представлен в дальнейших разделах данной работы.

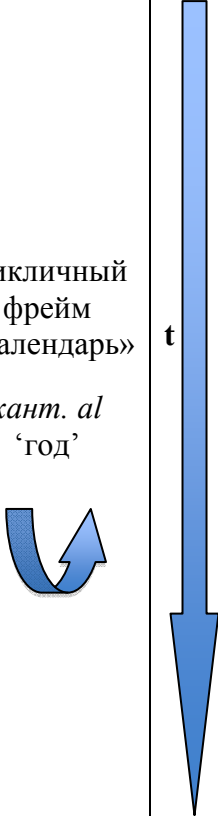
<p>Циклический фрейм «Календарь»</p> <p>хант. <i>al</i> ‘год’</p> 			<i>вас. хант. jöŋ</i> ‘лето’	<i>loŋwesiki</i> ‘месяц гуся-утки’ (май)	
					<i>jinti:iki</i> ‘большая вода’ (июнь)
		<i>alpeləq</i> ‘полгода’			<i>oll'o vä:riki</i> ‘месяц большого запора’ (июль)
		(год-лето)			<i>n'ariŋjuyluwitiki</i> ‘месяц сырого листа’ (август)
			<i>вас. хант. süyəs</i> ‘осень’		<i>väl'ijuyiki</i> ‘месяц оголившихся деревьев’ (сентябрь)
					<i>väligjugəiki</i> ‘лист кончился’ (октябрь)
					<i>pajaltiw iki</i> ‘река застывает’ (октябрь- ноябрь)
		<i>alpeləq</i> ‘полгода’		<i>вас. хант. tələy</i> ‘зима’	<i>Mikol'iki</i> ‘Микола-месяц’ (декабрь)
		(год-зима)			<i>jarminki iki</i> ‘месяц ярмарки’ (декабрь- январь)
					<i>wänkotlowiki</i> ‘месяц короткого дня’ (январь)
					<i>kurki:ki</i> ‘месяц орла’ (февраль)
				<i>вас. хант. toyi</i> ‘весна’	<i>urniki</i> ‘месяц ворон’ (март)
				<i>loŋwesiki</i> ‘месяц гуся-утки’ (апрель)	

Рисунок 1 – Схема циклического фрейма «Календарь» восточных хантов

Циклический фрейм «Календарь» сельк. <i>rot</i> 'год' 			об. сельк. <i>öt</i> 'весна'	<i>kuolaj-pü-irret</i> 'рыба икру пускает' (май)
		<i>potpile</i> 'полгода'	об. сельк. <i>tayit</i> 'лето'	<i>kuelajn'u irret</i> 'рыба идет' (июнь)
		(год-лето)		<i>nuran tu irret</i> 'мальков месяц' (июль)
				<i>t'opanmizakunta iret</i> 'месяц сбора ягод' (август)
			об. сельк. <i>arat</i> 'осень'	<i>nufam ifab' täkuñ irret</i> 'трава шелестит и листья желтеют' (сентябрь)
				<i>tabätpiñgäl irret</i> 'лист падает' (октябрь)
				<i>kiba kandak irret</i> 'месяц маленького мороза' (ноябрь)
			об. сельк. <i>kat</i> 'зима'	<i>wärg kandak irret</i> 'месяц большого мороза' (декабрь)
		<i>potpile</i> 'полгода'		<i>nuwan-mukkol-irret</i> 'божья спина' (январь)
		(год-зима)		<i>limpike irret</i> 'месяц орла' (февраль)
			об. сельк. <i>öt</i> 'весна'	<i>sebbika irret</i> 'бурундук выходит' (март-апрель)
				<i>karban kualı irret</i> 'когда весной рыбу добывают в запорах' (апрель)

Рисунок 2 – Схема циклического фрейма «Календарь» южных селькупов

1.3.4 Типы мотивированности значения. Принципы выделения тематических групп календарно-временной лексики

Особенности семантики лексических единиц часто могут быть обусловлены особенностями их словообразовательной структуры. Иными словами, значение слов может быть мотивировано морфемными составляющими этих слов, а также их способом образования. Для того чтобы провести семантический анализ календарно-временной лексики рассматриваемых языков, необходимо более подробно рассмотреть понятие мотивированности.

Как правило, под мотивированностью слова понимается признак, лежащий в основе его наименования [Кубрякова, 1990: 467]. Выделяют три типа мотивированности: фонетическую, морфологическую и семантическую.

Под фонетической мотивированностью слова понимают прямую связь между фонетической оформленностью слова и его значением [Ульман, 1969: 12]. Как правило, фонетически мотивированными являются, так называемые звукоподражательные слова, т.е. при фонетической мотивации существует прямая связь между фонетической структурой слова и его значением. Например, слово *coo-coo* ‘сумасшедший’ в английском языке является звукоподражательным (соотносится с криком кукушки) и, следовательно, фонетически мотивированным [Cambridge Online Dictionary. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british>]. К другим примерам фонетически мотивированных слов относятся такие, как, например английские слова *buzz* ‘жужжать’, *splash* ‘брызгать’, *purr* ‘мурлыкать’ и др.

Под морфологической мотивацией принято понимать зависимость между морфологической структурой слова, значением его компонентов и значением самого слова [Ульман, 1969: 12]. Иными словами, главным критерием в морфологической мотивации является отношение между морфемами. К примеру, английское сложное слово *madman* ‘сумасшедший’ мотивировано входящими в него морфемами (*mad* + *man*: сумасшедший + человек). Следовательно, все слова с одной морфемой являются немотивированными. В словах, состоящих из более чем одной морфемы, элемент, несущий значение слова, представляет собой комбинированное значение компонентных морфем и значение структурной модели слова. Это может быть отражено посредством семантического анализа основ, входящих в состав данного слова.

При семантической мотивированности слова значение объясняется через старое значение той же формы, часто происходит метафорический или метонимический перенос значения [Ульман, 1969: 12]. Например, английское слово *barking* ‘кашель’ мотивируется звуковым сходством с собачьим лаем – *barking*. Таким образом, семантически мотивированное слово часто имеет образный характер. Морфологически мотивированы здесь старые значения,

послужившие основой для вторичной номинации, поэтому нередко в одном слове переплетаются разные виды мотивировки.

Мотивированность слова может отражать национальное своеобразие языка; может также утрачиваться вследствие того, что один из элементов некогда сложного слова выходит из употребления, становится устаревшим или малоизвестным; мотивированность слова в современном языке может также утрачиваться в результате потери словом его первоначального значения; мотивированность слова также быстро забывается в словах, образованных от имен собственных.

Таким образом, мы видим, что мотивированность слов в языках не всегда сохраняется и бывает понятной. Тем не менее, в рассматриваемых диалектах хантыйского и селькупского языков мотивированность наименований календарно-временной лексики достаточно прозрачна. Так как большая часть данного слоя лексики, а именно наименования «месяцев», являются производными словами, образованными с помощью сложения основ, при семантическом анализе мы будем использовать принцип морфологической мотивированности слова. На основе полученных данных календарно-временная лексика будет отнесена к той или иной тематической группе. Принципы выделения данных тематических групп представлены ниже.

При описании и анализе календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка нам представляется целесообразным использование метода полевой структуризации лексического материала. Как известно, семантическое поле характеризуется наличием общего семантического признака.

Общепризнанным является тот факт, что семантическое поле – наиболее общее объединение слов в системе языка. Однако термин «поле» понимается по-разному. Семантическое поле иногда определяется как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых ими явлений)» [Кобозева, 2000: 124]. Как отмечается в «Лингвистическом энциклопедическом

словаре», термин «поле» часто употребляется недифференцированно, наряду с терминами «группа» (лексико-семантическая группа, тематическая группа) и «парадигма» (лексико-семантическая парадигма, синтаксическая парадигма и др.) [Ярцева, 1990: 381].

Лексико-семантическая группа и тематическая группа имеют различную интерпретацию. Под лексико-семантической группой обычно понимается объединение слов одной части речи на основе интегральной семы, единицы которой связаны сложными отношениями на основе дифференциальных сем. Под тематической группой понимается объединение слов на основе тематического сходства. М.Н. Фомина, например, отмечает, что слова могут объединяться в семантические классы на основании как лингвистических, так и нелингвистических характеристик. Так, слова, называющие предметы быта, объекты природы, связаны единой темой и сходством обозначаемых понятий. Такие группировки лексики автор и называет тематическими группами [Фомина, 2001: 12]. Более того, если в лексико-семантической группе лежат лексические элементы с однородными сопоставимыми значениями, к которым относятся синонимы, антонимы, омонимы и другие группы слов, связанные между собой общностью семантических отношений, то в основе тематических групп лежат объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений действительности [Филин, 1977: 526].

Вслед за М.Н. Фоминой мы будем использовать термин «тематическая группа» для описания и классификации семантики календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка, а именно наименований календарных «месяцев» и выделения данных тематических групп на основе сходств обозначаемых понятий. Более того, выделение тематических групп обуславливается существующей системностью в окружающей действительности. Особенностью лексического материала, представленного в нашем исследовании, является то, что он фиксирует всю совокупность культуры и духовного своеобразия народов, говорящих на данных языках. Подробный анализ лексического материала представлен в дальнейших разделах данного исследования.

Выводы по главе I

В первой главе данного исследования была представлена характеристика морфологического строя существительных в рассматриваемых диалектах хантыйского и селькупского языков. Словообразовательные модели в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка очень схожи. Наиболее продуктивным способом именного словообразования в обоих языках является словосложение, при котором существительные образованы с помощью сочетания основ, выраженных существительными в основном падеже N+N. Первый компонент (зависимое) может быть выражен и другими частями речи, в то время как крайний правый компонент (вершина) всегда выражен именем существительным.

Для анализа календарно-временной лексики вместо термина «полусуффикс», используемого Э.Г. Беккер в отношении таких селькупских полусуффиксов, как, например, *-po*, *-ära*, *-qip/qim*, *-laka*, *-saj*, *-qi* и др., нами был предложен термин «номинализатор». Более того, в обоих языках были выделены наиболее часто употребляемые номинализаторы, которые, утрачивая свое первоначальное лексическое значение, становятся словообразовательным средством с широким обобщающим значением. Функциональные особенности этих номинализаторов вполне укладываются в общие тенденции номинализации в соответствующих языковых системах, т.е. сопоставимы с такими известными номинализаторами в хантыйском языке, как *qi* ‘человек, мужчина’, *ni* ‘женщина’, *qat* ‘дом’, *ot* ‘вещь’. Выявляемыми номинализаторами в селькупском языке являются: *qim* ‘человек’, *po* ‘дерево’, *mat* ‘дом’, *ol* ‘голова’.

Под термином «номинализация» традиционно понимается трансформация глагольной основы в именную, однако в данном исследовании мы применяем термин «номинализатор» в более широком понимании, для описания показателей, образующих именные основы от глагольных и любых других основ, поскольку номинализаторы всегда выражены именем существительным, и вся производная конструкция, состоящая из глагольных основ и иногда именных, становится

функционально именем и получает способность присоединять показатели именных грамматических категорий, например падежных окончаний.

К наиболее частым типам восточно-хантыйских номинализованных конструкций относятся: *глагольная основа (причастие (IMPP) + имя (номинализатор)*, соположение *именная основа / прилагательное + имя (номинализатор)*. К наиболее частым южно-селькупским номинализованным конструкциям относятся: *нефинитная глагольная основа + имя (номинализатор)*, соположение *именная основа + имя (номинализатор)*.

Данное исследование проводится в рамках когнитивного подхода к языку в общем и к семантике в частности, объектом которой являются знания и представления носителей культуры о внеязыковой действительности, отраженные в единицах языка. Наиболее продуктивным и перспективным современным подходом к анализу календарно-временной лексики представляется исследование концептуальной структуры в рамках такого направления когнитивной семантики, как теория языковых фреймов Ч. Филлмора.

Под фреймом мы понимаем единую систему понятий, которая является отражением отдельных аспектов традиционного знания, опыта и культуры в сознании говорящих и включает в себя элементы, связанные таким образом, что для осознания одного элемента необходимо понимание всей структуры целиком.

В нашем случае подобной системой является культурный и языковой фрейм «календарный цикл» в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка, образованный и функционирующий во взаимосвязи традиционных представлений о цикличности времени, явлениях живой и неживой природы, сезонных видах хозяйственной деятельности и языковых средств для их обозначения и описания.

Преимуществом теории языковых фреймов является возможность наиболее полно рассмотреть и описать взаимосвязь языковых и культурных особенностей, так как по интерпретации определенного лексического поля представителями какого-либо языкового сообщества можно сделать выводы об их социокультурной принадлежности и о культурном опыте. Выбор данной теории

также обусловлен тем, что фрейм является максимально обобщенной и, соответственно, наиболее универсальной системой репрезентации информации.

При описании и анализе календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка нам представляется целесообразным использование метода полевой структуризации лексического материала. Как известно, семантическое поле характеризуется наличием общего семантического признака. Для описания и классификации семантики календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка, а именно наименований календарных «месяцев» нами будет использован метод выявления тематических групп. Под тематической группой понимается объединение слов на основе тематического сходства.

Глава II СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЛЕНДАРНО-ВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКИ ВОСТОЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

В данном разделе нашего исследования обсуждаются фреймы, связанные с восприятием и выражением времени в хантыйском и селькупском языках. Как говорилось ранее в нашей работе, языки народов Сибири представляют особый интерес при изучении понятия о времени, так как оно само воспринималось северными народами специфично, в значительной мере отражая условия бытования указанных культур. Отличаясь от современного строго структурированного восприятия временных промежутков, время в традиционных культурах воспринималось относительно и всегда определялось хозяйственными и социальными особенностями.

Как отмечалось выше, календарные системы в целом и календари хантыйского и селькупского языков в частности, являются фреймовыми системами. Наименования, входящие в календарные циклы, образуют естественные группы, которые носителями, как правило, усваиваются и используются как целостные упорядоченные системы. Большую роль в понимании эволюции и организации данных систем играет идея о постоянно повторяющейся последовательности, составляющие которой имеют полноценный смысл только в совокупности с другими участниками системы. Более того, календари, в частности календари коренных народов Сибири, отражают их хозяйственный, культурный и религиозный опыт, и поэтому могут рассматриваться как своеобразные и уникальные источники информации об их мировоззрении.

По материалам архивных полевых записей кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета, опубликованных хантыйских и селькупских фольклорных текстов, а также словарей хантыйского языка (под ред. Н.В. Терешкина и М.К. Могутаева), диалектного селькупско-русского словаря под редакцией В.В. Быконя нами была сделана выборка группы

лексических единиц (110), которую можно обобщить под названием «календарно-временная лексика» и которую, по нашему мнению, можно определить как фреймовую систему. Данная выборка сделана на основе наибольшей частотности употребления среди носителей соответствующих языков. Единичные примеры лексических единиц, также относящихся ко временной лексике, но характеризующихся крайне малой частотностью, в данном анализе не учитываются.

Примеры предложений в данном разделе, а также во всех разделах работы далее, где не указаны источники, были получены во время лингвистических экспедиций в 2013 г. Информантами являются Милимов Петр Михайлович – носитель васюганского диалекта хантыйского языка, проживающий в пос. Новый Васюган Томской области, а также Коробейникова Ирина Анатольевна – носительница нарымского диалекта селькупского языка, проживающая в с. Парабель Томской области.

Итак, в данную группу временной лексики вошли такие лексические единицы, как *год, полгода, месяц, неделя*, названия *дней недели, день, ночь, сутки, полночь, полдень, утро, вечер*, а также наименования календарных «месяцев». В данном разделе нашего исследования на основе имеющегося материала мы проследим состав соответствующих фреймовых систем, а также проведем морфологический анализ календарно-временной лексики, приведем некоторые факты и выводы, к которым мы пришли в результате анализа данного раздела лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка. Как отмечалось выше, мы ожидаем, что данные номенклатуры обнаружат большое количество сходств за счет упомянутых генетических, ареальных и контактных особенностей.

§ 2.1 Непроизводная календарно-временная лексика в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка

Противопоставление производных и непроизводных слов в языках имеет большое значение, но граница между этими двумя классами не всегда бывает строга. Наличие производных и непроизводных слов в языках обеспечивает ему сохранение необходимого баланса для полноценного функционирования: «Язык стремится соблюдать определенную пропорцию в количестве элементарных и неэлементарных знаков», то есть производных и непроизводных слов [Плунгян, 2003: 51].

Как было сказано в предыдущих разделах исследования, непроизводные существительные в хантыйском и селькупском языках занимают около 50 %. В результате проведенного анализа выбранной нами календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка были выделены следующие непроизводные существительные: хант. *al* (вах., вас.) ‘год’; хант. *iki* (вах., вас.) ‘месяц’; хант. *qotl* (вах., вас.) ‘день’; хант. *əj* (вах.), *joʊəp* (вас.) ‘ночь’; хант. *äləŋ* (вах., вас.) ‘утро’; хант. *ät* (вах.), *itəp* (вас.) ‘вечер’. Как можно видеть, непроизводная календарно-временная лексика была обнаружена только в восточных диалектах хантыйского языка. Рассмотрим данные непроизводные существительные более подробно.

2.1.1 Хант. *al* ‘год’

В ваховском и васюганском диалектах обнаруживается существительное, соответствующее понятию ‘год’ *al* [У-5: 11]. Данное существительное зафиксировано в словарях, приводится носителями данных диалектов и закреплено в фольклорных текстах. Примеры предложений, содержащих данное существительное, представлены ниже:

Хант. (вас.):

(7) *Mä kimtaksi al kəmsəmolisnə werləm.*

mä kimt -aki al kəmsəmolis -nə wer -l -əm

1SG дважды-ADV год Комсомолец -LOC работать -PRS-1SG

‘Я второй год в Комсомольце работаю’. [Аннот. тексты, 2012: 50].

(8) *Tapal männä uyaləm.*

tap -al män -nə u -yal -əm

DET -год 1SG -LOC видеть-PST1-1SG

‘В прошлом году я их видел’ [Аннот. тексты, 2010: 80].

Наличие лексемы *год* в календарно-временной лексике не говорит об исконности самого понятия *год* для хантыйской, а также для селькупской культур. Вслед за исследователем календарных систем традиционных бесписьменных обществ С.Ю. Колесниковой мы считаем, что существование понятия *год* у восточных хантов и южных селькупов довольно спорно [Колесникова, 2004: 67]. Вероятно, понятие *год* (в современном понимании цикла из 365 дней) не являлось необходимым, поэтому не было основ для того, чтобы оно было достаточно точно сформулировано в недрах данных культур. Для охотничьих и собирательских обществ лето и зима существенно различались прежде всего потому, что вся традиционная хозяйственная деятельность напрямую зависела от смены погодных условий. В современном понимании времена года (весна, осень, зима, лето) дифференцировались традиционными культурами Сибири нечетко, в то время как существенной необходимости в других циклах не было. В своих исследованиях хантов В.М. Кулемзин также упоминает, что ханты отмечали различные фенологические явления и периоды, составлявшие основу их календаря, но как такового летоисчисления они не имели [Кулемзин, Лукина, 1977: 119]. Кроме того, следует отметить, что отсутствовала и необходимость в точном определении возраста людей, он определялся очень обще, как, например, ребенок, молодой человек или старик.

Согласно классическим определениям, календарный год должен содержать только целое количество суток – для обеспечения хозяйственной деятельности [Год. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%B4>].

Год для традиционных культур хантов и селькупов – это цикл, не имеющий равного количества дней и даже месяцев. Более того, являясь очень длительным промежутком времени, год для человека традиционной культуры вряд ли осознавался как строгий последовательный цикл. Понятие *год*, вероятно, было адаптировано к русской культуре, когда появилась необходимость соотносить свою хозяйственную деятельность с русским хозяйственным и административным циклом [Колесникова, 2000: 25].

Что касается самой лексемы *год* в хантыйском языке, то она, вероятно, явилась результатом семантического развития другой хантыйской лексемы. В словаре васюганского диалекта хантыйского языка М.К. Могутаева корень *al* присутствует также в лексеме *äləŋ*, которая, имея два значения – ‘начало’ и ‘конец’, также ярко отображает значение цикличности, содержащееся в корне [Могутаев, 1996: 26]. Можно найти значение *al-elkiw*, что значит ‘годовой круг на дереве’. Вероятно, в данном примере также прослеживается семантическая связь лексем ‘дерево’ и ‘год’. Таким образом, можно предположить, что хантыйская лексема, соответствующая русскому понятию *год*, была образована в результате семантического развития другой лексемы со значением, связанным с понятием ‘начало’, ‘жизнь’.

2.1.2 Хант. *iki* ‘месяц, луна’

Существительное *iki* (вах., вас.) ‘месяц, луна’ в хантыйском языке также является непроизводным и характеризуется морфологической нечленимостью. Интересно отметить также, что в словарях хантыйского языка существительное *iki*, кроме значения ‘месяц’ и ‘луна’, имеет значение ‘старик, муж’. Данная основа восходит к общеуральской основе *ekä* ‘старик’, с чередованием гласного **a - *i* [Redei, 1988: 72–73]. Данная лексема не случайно имеет два значения, так как в мифологических представлениях хантов Луна представляла именно в образе мужчины, а Солнце – в образе женщины [Кулемзин, Лукина, 1992: 60].

Месяц, в отличие от дня и года, установление которых происходит на основе видимого движения Земли вокруг Солнца, – условная единица. Выделение ее

вызывало большие затруднения во многих культурах. Для измерения времени почти повсеместно использовались фазы луны. Не случайно во многих языках слово, означающее «календарный месяц», связано с названием Луны. Например, греческое слово *μήν* и английское *moon*, означающие ‘календарный месяц’, связаны с названием луны. Та же связь наблюдается в семитских языках. Например, древнееврейское слово *yerah* значит и ‘луна’, и ‘месяц’ [Бикерман, 1975: 11]. Не являются исключением также и рассматриваемые нами диалекты хантыйского и селькупского языков.

Ни длительность лунного месяца (она колеблется от 29,26 до 29,80 суток), ни продолжительность периода между наибольшим сближением Луны и Солнца и появлением новой Луны не являются постоянными величинами. Лунный месяц был практически неудобным средством измерения времени. Смену времен года и, следовательно, ритм жизни определяет не Луна, а Солнце. Лунный месяц не делит солнечный год на равные части. Земля совершает полный оборот вокруг Солнца за $365 \frac{1}{4}$ дня. Поэтому солнечный год длиннее 12 лунных месяцев примерно на 11 дней и почти на 18 дней короче 13 лунных месяцев. Таким образом, перед древними людьми вставала возможность считать месяцы по Луне, а годы – по Солнцу [Бикерман, 1975: 13].

Согласование лунных месяцев с солнечным годом – сложная проблема, которую, впрочем, многие культуры (особенно ранние), игнорировали: им было безразлично, какое количество лунных месяцев прошло между двумя регулярно повторяющимися событиями (листопадами, отелами, оленьими гонами, прилетами птиц, урожаями и др.), но важно было зафиксировать в каком-либо названии отрезок времени, охватывающий это событие. Поэтому естественно, что у многих народов, включая хантов и селькупов, названия месяцев носят следы связи с природными или хозяйственными явлениями.

Для представителей традиционных культур был важен сезон и то, какими конкретными хозяйственными особенностями он был наполнен, эффективность трудовой деятельности также зависела от природных и климатических условий. Смена природных явлений зависит от движения Земли вокруг Солнца и

формируемых этим движением климатических особенностей, которые не могут быть постоянными из года в год. Длина лунного месяца относительно одинакова (примерно 29,53 суток), поэтому длительность хозяйственного сезона хантов и селькупов и лунный месяц не всегда совпадали, и соответственно на практике метод исчисления времени у данных народов астрономической точностью пренебрегал.

2.1.3 Хант. *qotl* ‘день’

Существительное *qotl* ‘день’ в хантыйском языке также является непроизводным. Во многих диалектах хантыйского языка наименования *день* и *солнце* обозначены одной лексемой: хант. *qotl*: 1) ‘день’ (вас., вах.); 2) ‘солнце’ (сал., аг., юг.) [Терешкин, 1981: 175]. Следует отметить однако, что именно в восточных диалектах хантыйского языка имеется и отдельная, этимологически не связанная с ‘днем’, лексема ‘солнце’ – *sünk* (вах., вас.).

День и *ночь* являются очень важными элементами календарно-временного фрейма как хантов, так и селькупов, поскольку для всех жителей Земли постоянная смена дня и ночи — привычное и видимое явление. Вся жизнь на планете подчинена ритмичному чередованию тёмного и светлого времени суток. Чередование дня и ночи создаёт благоприятные условия для всего живого на Земле. С древности люди задавались вопросом, почему происходит смена дня и ночи. Возможно, ответы разнились и менялись, но сами явления наблюдались универсально.

Как и во многих других языках, *день* в хантыйском языке, кроме обозначения светлого времени суток, использовался еще и для счета времени, так же, как, например, в русском языке. Об этом свидетельствуют примеры из хантыйских текстов:

Хант. (вас.)

(9) *Tʃarəsna əj kəm kə qotəlqən mənkan.*

tʃarəs-nə əj kəm kə qotəl-qən mən-kən

море-LOC один или два день -DU идти -PST0.3SG

‘В море день ли, два ли дня проехали’ [Аннот. тексты 2010: 75].

(10) *Tʃu p̄ir qotl os qujəla toloywel.*

<i>tʃu</i>	<i>p̄ir</i>	<i>qotl</i>	<i>os</i>	<i>qu-j-əl-a</i>	<i>toloy-wel</i>
DET	после	день	снова	мужчина -EP-3SG-ILL	сказать-PRS.3SG

‘На другой день опять мужу говорит’ [Аннот. тексты 2010: 77].

Итак, данные примеры показывают, что существительное *qotl* ‘день’ может также использоваться для счета времени.

2.1.4 Хант. *əj, joʊən* ‘ночь’

Существительное *ночь* в диалектах хантыйского языка также является непроизводным. Ханты пользовались двумя лексемами для обозначения ‘ночи’ – *əj* (вах.) и *joʊən* (вас.). Существительное *əj* восходит к финно-угорской основе *eje* (*üje*) ‘ночь’. Образованные от данной основы существительные также обнаружены в других угорских языках: в мансийском языке *ji, jij* ‘ночь’; в венгерском языке *ej* ‘ночь’ [Redei, 1988: 72].

Второе существительное, используемое в васюганском диалекте, также закреплено в языке, о чем свидетельствуют следующие примеры:

(11) *Qujət tʃu puʊola jö-ʊət joʊən:*

<i>qu-j-ət</i>	<i>tʃu</i>	<i>puʊol-a</i>	<i>jö-ʊət</i>	<i>joʊən</i>
мужчина-EP-PL	DET	деревня-ILL	приходить-PST0.3PL	ночь

‘Парни в ту деревню пришли ночью’ [Аннот. тексты, 2012: 60].

(12) *Joʊnə pitəm jaʊ lökoʊ jəlilwəlt:*

<i>Joʊ-nə</i>	<i>pit-əm</i>	<i>jaʊ</i>	<i>lök-oʊ</i>	<i>jəl-il-wəl-t</i>
ночь -LOC	пить -PP	люди	деревня -PRL	ходить -MLTPL -PRS -PL

‘Ночью по деревне ходят пьяные люди’.

В данных примерах существительное из васюганского диалекта *joʊən* ‘ночь’ используется для обозначения темного времени суток.

2.1.5 Хант. *äləŋ* ‘утро’

Васюганский диалект хантыйского языка обнаруживает непроизводное существительное ‘утро’ *äləŋ*, которое является однокоренной формой

существительного ‘начало’ *äləŋ*. Поэтому можно предположить, что указанное понятие появилось в древности как способ фиксации начала светлого времени суток. Данное существительное восходит к финно-угорской основе *alka* ‘начало’, а замену финно-угорского внутрислогового согласного *k* на хантыйский *ŋ* можно объяснить частым чередованием *ŋ-γ/k* [Redei, 1988: 6].

Данное существительное также закреплено в фольклорных текстах для обозначения понятия *утро*:

Хант. (вас.)

(13) *Äləŋ əŋkəl mənäγəŋ jəŋkä.*

<i>äləŋ</i>	<i>əŋkä-əl</i>	<i>mənä-γəŋ</i>	<i>jəŋk-ä</i>
Утром	мать-3SG	идти-PST0.3SG	вода-ILL

‘Утром пошла мать за водой’ [Аннот. тексты, 2012: 36].

(14) *Äləŋ miŋ jəŋk ältä mənłəw.*

<i>äləŋ</i>	<i>miŋ</i>	<i>jəŋk</i>	<i>ältä</i>	<i>mən</i>	<i>-l</i>	<i>-əw</i>
Утром	1PL	вода	таскать	идти	PRS	1PL

‘Утром мы пойдем воду таскать’.

2.1.6 Хант. *ät, itən* ‘вечер’

Ваховский диалект хантыйского языка обнаруживает непроемное существительное *ät* (вах.) ‘вечер’, а в васюганском диалекте зафиксировано существительное *itən* (вас.) ‘вечер’ [У-6: 33], которое может быть наиболее вероятно проанализировано как локативная форма основы *it*. Данные существительные восходят к общеуральской основе *jitz* (*jütz*) ‘вечер, ночь’. Соответствия гласных в данных существительных могут быть объяснены чередованием гласных *ä-i*, характерным для угорских языков [Redei, 1988: 99].

По всей вероятности, данное понятие и наименования являются исконно хантыйскими, так как наступление темного времени суток, так же, как и светлого, было актуальным для традиционной культуры, возможно, означая окончание ежедневных видов хозяйственной деятельности и отдых.

(15) *Sari mä juḡä läyiləm araḡ ät.*

<i>sari</i>	<i>mä</i>	<i>juḡ -ə</i>	<i>läyi-l -əm</i>	<i>araḡ</i>	<i>ät</i>
ну-ка	1SG	3SG-ACC	ждать -PRS-1SG	другой	вечер

‘Вот я его подкараулю в следующий вечер’ [Аннот. тексты, 2010: 71].

(16) *Itən miḡ ärəḡ ärəḡləw.*

<i>It-ən</i>	<i>miḡ</i>	<i>ärəḡ</i>	<i>ärəḡ -l -əw</i>
Вечер-LOC	1PL	песня	петь -PRS-1PL

‘Вечером мы поем песни’.

Примеры предложений из фольклорных текстов показывают, что данные лексемы действительно закреплены в языке; более того, носители с легкостью вспоминают и переводят данные понятия, что указывает на необходимость и актуальность их употребления.

Итак, производные существительные были обнаружены только в восточных диалектах хантыйского языка. Они обозначают как исконно хантыйские понятия, так и понятия, вероятно, заимствованные при контакте с русским населением. Доля производных существительных от всех единиц календарно-временной лексики, выбранной для данного исследования, составляет 9 % (8 существительных из 110).

§ 2.2 Суффиксальный способ образования календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка

Несмотря на то что суффиксальный способ словообразования, как было сказано ранее в нашем исследовании, не является наиболее распространенным в селькупском языке, 6 календарно-временных наименований и их диалектные варианты (всего 12 существительных) были образованы с помощью суффиксального способа, а именно с помощью основообразующего суффикса *-t*.

Основообразующий суффикс *-t* выступает, как правило, с вокалическим оформлением ($V = a, e, i, j, ə$). Кроме того, данный элемент характеризуется

наличием большого количества фонетических вариантов ($t\sim d\sim č\sim ž\sim š\sim s$), создавая, таким образом, многочисленные варианты основ. Звонкий вариант $-d$ отмечается после согласных r, l, s и гласных a, e, i, u . Формант $-t$ встречается в любых типах основ (гласные, согласные), а также в основах разного уровня морфологической сложности (одно-/многосложные). На синхронном срезе суффикс $-t$ выступает в качестве основообразующего элемента, укрепляющего основу слова [Сатеева, 2006: 80]. Как было упомянуто ранее, данный суффикс особо интересен для нас в существительных, обозначающих временные отрезки. Рассмотрим данные существительные более подробно.

2.2.1 Сельк. *pod, pot* ‘год’

Селькупское существительное *pod* (об.), *pot* (кет.) ‘год’ [С-8: 219], образовано от самодийской основы $*po$ с помощью основообразующего суффикса $-t/d$ [Janhunen, 1977: 127].

Данные диалектные варианты существительного зафиксированы в словарях, приводятся носителями данных диалектов и закреплены в фольклорных текстах:

Сельк. (об.):

(17) *Mat nyd'ik kažna pot m'ēkkar.*

<i>Mat</i>	<i>nyd'i -k</i>	<i>kažna</i>	<i>pot</i>	<i>m'ē -kk -ar</i>
1SG	такой -ADV	каждый	год	сделать -НАВ -3SG.ob

‘Я так каждый год делала’ [Аннот. тексты, 2012: 76].

(18) *Tabu warzat kušaj pot¹.*

<i>Tabu</i>	<i>-p</i>	<i>war</i>	<i>-z</i>	<i>-at</i>	<i>kušaj</i>	<i>pot</i>
3SG	ACC	держат	-PST	3PL	несколько	год

‘Держали его несколько лет’ [Аннот. тексты 2010: 139].

Мы считаем, что для селькупской культуры, так же, как и для хантыйской, понятие *год* не является исконным, поскольку данный временной отрезок был

¹ Порядок слов у современных носителей южных и центральных диалектов селькупского языка, а также восточных диалектов хантыйского языка в значительной мере подвержен контактному влиянию со стороны русского языка, поэтому порядок слов в предложениях, особенно полученных путем перевода с русского на селькупский или хантыйский языки, часто имеет структуру SVO вместо канонической SOV.

слишком долгим, чтобы восприниматься традиционными охотниками и рыболовами как строгий цикл, всегда состоящий из равного количества дней; более того, он не был необходим им для хозяйственных занятий, как, например, лето или зима, которые определяли их род деятельности в зависимости от погодных условий. Поэтому, скорее всего, данное понятие было заимствовано при контакте с русской культурой.

Интересным является тот факт, что в селькупском языке лексема *po* имеет два значения: 1) год; 2) дерево, дрова [ОчСЯ, 1993, 151]. Возможно, что значение лексемы 'год' связано с семантическим развитием лексемы 'дерево' – нечто, что растет, развивается, движется. Символ дерева в селькупской культуре занимает важное место и связан с жизненным циклом человека, так как селькупы всю жизнь должны были ухаживать за деревом, под которым родились [Гемуев, Пелих, 1993: 296].

2.2.2 Сельк. *iret, irret, aret* 'месяц'

Существительное *iret* 'месяц', входящее в состав календарно-временной лексики селькупского языка, образовано от самодийской основы **irз* с помощью суффикса *-t* [Janhunen, 1977: 28]. Диалектными вариантами являются *iret, irret* (кет.), *aret* (об.) [С-8: 527].

Интересно отметить также, что самодийская основа **irз* зафиксирована в современных словарях селькупского языка в форме *ira* (кет.) и, кроме значения 'месяц' и 'луна', имеет значение 'старик, муж'. Мы считаем, что нельзя не отметить сходства данных значений с хантыйским языком, где *iki* 'месяц, луна', а также 'старик'. Данную связь мы можем проследить в мифологических мотивах этих народов. Так, в создании традиционного календаря хантов и селькупов важные роли, принадлежащие двум главным небесным светилам Солнцу и Луне, отражались в мифологических представлениях данных народов о связи Луны и Солнца теми или иными родственными отношениями. Например, в селькупском мифе месяц разрывается Солнцем, решившим взять его себе на небо в мужа,

и старухой нижнего мира. При этом солнцу досталась половина без души, и оно тщетно пыталось оживить месяц, вкладывая в него сердце светлых птиц. Месяц на время оживал, а потом снова умирал. Не желая больше с этим мириться, Солнце бросило его в небо [Сементинов. Лунарные мифы. Режим доступа: <http://calendarevents.ru/blog/Sementinov-Aleksandr/Page-219.html>].

2.2.3 Сельк. *tfelt, tel* ‘день’

Существительное *tfelt* (об.) ‘день’ также образовано с помощью суффикса *-t* от самодийской основы **čeli* [Janhunen, 1977: 40], которая, в свою очередь, восходит к общеуральской основе *jelä* ‘свет, солнце, день’. Кетский диалект селькупского языка имеет вариант *tel* (кет.) [С-8: 248]. Данные существительные многозначны и кроме значения ‘день’ имеют значение ‘солнце’ [Быконя, 2005: 235], поскольку для традиционной культуры селькупов, вероятно, важным обстоятельством являлось то, что время наступления светлого времени суток знаменуется восходом солнца.

Как и во многих других языках, данное существительное, кроме обозначения светлого времени суток, использовалось еще и для счета времени, так же, как, например, в хантыйском языке. Об этом свидетельствуют примеры, зафиксированные в селькупских фольклорных текстах:

Сельк. (об.)

(19) *Šidy-mžēl'i tfēlt tab aze-γynd ēžalgwa:*

Šidy- *mžēl'* *-i* *tfēlt* *tab* *aze-γynd* *ēžal-gw-a*
два-ORDIN-ADJz день 3SG.NOM отец-LAT.POSS.3SG сказать-НАВ-3SG

‘На второй день он говорит отцу’ [Аннот. тексты, 2010: 134].

(20) *Nagurumžēl'i tfelēlēγynd īd ēžalgwa:*

Naguru *-mžēl'* *-i* *tfēlē* *-γynd*
three -ORDIN -ADJz день -LOC1.POSS.3SG

ī *-d* *ēžal* *-gw* *-a*
сын -POSS.3SG сказать -НАВ.3SG -sub

‘На третий день сын сказал’ [Аннот. тексты, 2010: 134].

2.2.4 Сельк. *pet*, *pit* ‘ночь’

Следующее существительное, входящее в календарно-временную лексику селькупского языка, – *pet* (об.), *pit* (кет.) ‘ночь’, образовано от самодийской основы **pi* с помощью суффикса *-t* [Janhunen, 1997: 123].

В фольклорных селькупских текстах можно найти следующие примеры употребления данного существительного:

Сельк. (об.)

(21) *P'et lozla tömbat kozyrč'l'e kwattalžat:*

<i>P'et</i>	<i>loz-la</i>	<i>tö -mb -at</i>	<i>kozyrč -l'e</i>	<i>kwattalž -at</i>
ночью	черт-PL	приходить -PSTN-3PL	играть в карты-CVB1	начинать-3PL

‘Ночью черти пришли, в карты играть начали’ [Аннот. тексты, 2010: 171].

Сельк. (кет.)

(22) *Pet kanak ma:zam nü:t i kuranna:*

<i>pe-t</i>	<i>kanak</i>	<i>ma:za-m</i>	<i>nü: -t</i>	<i>i</i>
ночь -ADJz	собака	дверь -ACC	открыть-3SG.ob	и

kur -an -n -a

бежать -INGR -PRS -3SG.sub

‘Ночью собака дверь открыла и убежала’ [С-56: 191].

2.2.5 Сельк. *kart* ‘утро’

Еще одно существительное в селькупском языке, образованное с помощью суффикса *-t*, – *kart* (об.) ‘утро’. В своем диссертационном исследовании В.В. Быконя отмечает, что данный корень в селькупском языке мог появиться в результате семантической деривации самодийского слова ‘солнце’ **kaja*. Появление солнца связывали с зарождением дня, с утром [Быконя, 1996: 276–277]. Данное существительное зафиксировано в фольклорных текстах, и легко воспроизводится даже теми информантами, которые не в полной мере владеют родным языком. Примеры предложений, содержащих существительное *утро*, представлены ниже.

Сельк. (об.)

(23) *Kārt wad'lebe awyrbat:*

<i>kārt</i>	<i>wad'</i>	<i>-lebe</i>	<i>awyr</i>	<i>-b</i>	<i>-at</i>
утром	встать	CVB2	есть	PSTR	3PL

‘Утром встали, поели’ [Аннот. тексты, 2010: 150].

(24) *Pajat qart ettyrba, aramd šydyt:*

<i>paja-t</i>	<i>qart</i>	<i>ettyr -b -a</i>
жена -POSS.3SG	утром	сварить -PSTR -3SG.sub

<i>ara -m -d</i>	<i>šyd -yt</i>
муж -ACC -POSS.3SG	разбудить -3SG.ob

‘Жена утром сварила, мужа разбудила’ [Аннот. тексты, 2010: 152].

2.2.6 Сельк. *üdyt, ütet, üdät* ‘вечер’

Последнее существительное, образованное с помощью основообразующего суффикса *-t* в календарно-временной лексике селькупского языка, – *üdyt, ütet* (об.), *üdät* (кет) ‘вечер’ [Быконя, 2005: 262, 266]. Оно происходит от самодийской основы **ütä* [Alatalo, 2004: 21], которая, в свою очередь, восходит к общеуральской основе *jitz (jutz)* ‘вечер, ночь’. Стоит обратить внимание на то, что в диалектах хантыйского и селькупского языков существительное *ночь*, с его диалектными вариантами (хант.: *ät* (вах.) и *itän* (вас.), сельк.: *üdyt, ütet* (об.), *üdät* (кет.)) восходят к общеуральской основе *jitz (jutz)* ‘вечер, ночь’ [Redei, 1988: 99].

Необходимость дробления дня на более мелкие отрезки времени, такие как *утро* и *вечер*, часто связывается с усложнением и расширением видов хозяйственных работ. Вероятно, именно в утренние часы выполнение определенных видов работ (охота, рыбалка) оказывалось наиболее эффективным и продуктивным, что повлекло необходимость выделения и соответствующего обозначения данного времени суток отдельной лексемой, примеры употребления которой представлены в следующих предложениях:

(25) *Üdyt azybba (об.):*

<i>üdyt</i>	<i>azy -mb -a</i>
вечер	приходить -PSTN -3SG.sub

‘Вечер наступил’ [Аннот. тексты, 2010: 177].

(26) *Üdät tü:wa tibəlqur 'mužərnit wad'ip abidit 'nade* (кет.):

üdət *tü: -w-a* *tibə -l qur*
вечером прийти -PRS -3SG.sub мужчина -ADJz человек

mužə -r -n -it *wad'i -p* *abidi -t* *'nade -m*
сварить -PRC -PRS-3SG.ob мясо-ACC кормить-3SG.ob девушка -ACC

‘Вечером пришел мужчина, сварил мясо, накормил девушку’ [С-56: 5–7].

Итак, суффиксальный способ образования календарно-временной лексики не является продуктивным, обнаруживая только один основообразующий суффикс *-t*, характерный исключительно для селькупских существительных, обозначающих временные отрезки. Доля данных существительных (с учетом всех диалектных вариантов) составляет около 14 % (13 существительных из 110).

§ 2.3 Словосложение в календарно-временной лексике восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка

В данном разделе исследования будет рассмотрена календарно-временная лексика хантыйского и селькупского языков, образованная с помощью словосложения. С.Ж. Нухов отмечал, что «производная лексика в развитых языках мира всегда превалирует над непроизводной, причем особенно проявляется динамический, активный характер этого пласта лексики, поскольку именно с производными словами связаны новые тенденции в развитии словарного состава» [Нухов, 1997: 5]. Производная лексика превалирует над непроизводной также в хантыйском и селькупском языках.

Как было выявлено ранее в нашем исследовании, словосложение является наиболее распространенным способом словообразования в рассматриваемых диалектах. При анализе календарно-временной лексики были также обнаружены существительные, образованные с помощью словосложения. Рассмотрим данные существительные более подробно.

2.3.1 Хант. *al-peləq*, сельк. *pot-pile*, *pot-peleka* ‘полгода’

При анализе календарно-временной лексики были обнаружены лексемы, соответствующие русскому наименованию ‘полгода’: *al-peləq* (вах., вас.) в хантыйском языке, лексемы *pot-pile* (кет.) и *pot-peleka* (об.) в селькупском языке. Примеры данных существительных, входящих в календарно-временную лексику, также употребляются носителями указанных диалектов:

Хант. (вас.)

(27) *əj pä peləq al mä äraŋ puyla äniṃa jəlilləm²*:

<i>əj</i>	<i>pä</i>	<i>peləq</i>	<i>al</i>	<i>mä</i>	<i>arəŋ</i>	<i>puyl -a</i>	<i>än'i -m -a</i>
один	раз	половина	год	я	другой	деревня-ILL	сестра-1SG-ILL

jəlil-l-əm

ходить-PRS-1SG

‘Один раз в полгода я езжу к сестре в другой поселок’.

(28) *Peləq al məŋən töyət mənwəl*:

<i>Peləq</i>	<i>al</i>	<i>məŋ -ən</i>	<i>töyət</i>	<i>mən -wəl</i>
половина	год	мы- LOC	снег	идти PRS.3SG

‘Полгода у нас идет снег’.

Сельк. (нарым.)

(29) *Okkir bar pelekat potyət mi üpodzespeṃaut Topkand*:

<i>Okkir</i>	<i>bar</i>	<i>peleka -t</i>	<i>pot -yət</i>	<i>mi</i>
один	раз	половина -GEN	год -LOC	1PL

üpodzespeṃ -aut

отправляться -1PL

Topka -nd

Томск -LAT

‘Один раз в полгода мы ездим в Томск’.

(30) *Pelekat pot mi kwotfo oyot tföweṃpa*:

<i>Peleka -t pot</i>	<i>mi</i>	<i>kwotfo -yot</i>	<i>tföweṃp -a</i>
половина -GEN год	1SG	город -LOC	идет снег -PRS

‘Полгода в нашем городе идет снег’.

² Данный и последующие примеры, не имеющие ссылки на автора, являются материалом опросников по хантыйскому и селькупскому языкам, собранным автором диссертации в 2013 году.

Понятие *полгода* для хантов и селькупов, скорее всего, являлось более важным, чем *год*. Ханты выделяли два полугодия: год-лето и год-зиму. И так как их считали разными годами, то ритуально отмечалось два «новых года», а количество лет при подсчетах удваивалось. Начало года-лета связано с наступлением весеннего равноденствия и приходится приблизительно на апрель/май [У-3: 25]. Год-зима ассоциировался с наступлением первых холодов в октябре и началом охоты на пушного зверя [Народы западной Сибири, 2005: 90].

Так же, как у хантов, селькупский год состоял из двух – летнего и зимнего полугодий, традиционно считавшихся отдельными «годами». Наступление летнего года у селькупов определялось моментом прилета водоплавающей птицы, в частности уток, и знаменовалось празднеством Порый Аpscэ. В канун зимнего года проводилось торжество Шурпенда Сюркында, символизировавшее «похороны лета» или «проводы уток». В обоих случаях организовывались 3–7-дневные общинные сборы, сопровождавшиеся жертвоприношениями, ритуальными трапезами, шаманскими камланиями, плясками [Головнев, 1995: 379].

С точки зрения морфологического состава данных лексем, хантыйский и селькупский языки обнаруживают определенные сходства. Оба наименования образованы с помощью семантически идентичных основ: хантыйское существительное *al-peləq*, где *al* ‘год’, а *peləq* ‘половина’ [Могутаев, 1996: 202]. В селькупском языке *pot-pile* (кет.): *pot* ‘год’, *pile* ‘половина’, *pot-peleka* (об.) – *pot* ‘год’, *peleka* ‘половина’ [Быконя 2005: 190].

Самодийские существительные *pot-pile* и *pot-peleka* включают в себя основы *pile/peleka*, которые также используются в хантыйском наименовании *al-peləq*. Идентичность основ, использующихся в угорских и самодийских существительных, объясняется общим уральским происхождением от основы *pälä* ‘половина’ [Redei, 1988: 362].

2.3.2 Хант. *iki-jäwə*, сельк. *nadel* ‘неделя’

Слово *неделя* в переводе с греческого языка значит ‘не делающий’, ‘не дельный’ – семь дней (семиидица), единица времени, большая, чем день, и меньшая месяца [Ушаков. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>]. Хотя неделя не имеет прямой астрономической основы, она широко используется как единица времени.

У иудеев и христиан ответ на вопрос, откуда появился этот временной отрезок в календарях, дает Ветхий Завет, откуда становится ясно, что семидневная структура времени установлена Богом: в первый день творения был создан свет, во-второй – вода и твердь, в третий – суша, моря и растительность, в четвертый – светила и звезды, в пятый – животный мир, в шестой – создан человек, а седьмой день оставлен для отдыха.

В селькупском и хантыйском языках были обнаружены различные лексемы для обозначения *недели* григорианского календаря. В полевых записях по васюганскому диалекту хантыйского языка была обнаружена составная лексема *iki-jäwə*, состоящая из основ *iki* ‘месяц’, *jäwə* ‘семь’, что можно было бы интерпретировать как исконно хантыйское понятие, не имеющее в своем составе заимствованных компонентов. Например:

(31) *Morəy ikijäwə məŋ jomentʃiy tʃayiyaləw* (вас.):

<i>Morəy</i>	<i>ikijäwə</i>	<i>məŋ</i>	<i>jomentʃiy</i>	<i>tʃayiyaləw</i>
Целый	неделя	1PL	ягода	собирать -PST -1PL

‘Всю неделю мы собирали ягоды в лесу’.

(32) *Kimtəki ikijäwəmə mə weləyətaləm animnə* (вас.):

<i>Kimt -əki</i>	<i>ikijäwə -nə</i>	<i>mə</i>
второй -PRD	неделя -LOC	1SG

<i>wel -əyətə -l -əm</i>	<i>ani-m-nə</i>
жить -INCH -PRS -1SG	сестра -1SG -LOC

‘На следующей неделе я буду жить у сестры’.

В селькупском языке данное существительное не является составным, очевидно, оно было заимствовано из русского языка, так как имеет форму *nadel*,

которая представляет собой фонетический вариант русской формы *неделя*. Данный вариант заимствованной лексемы прочно закреплен в языке и встречается в фольклорных селькупских текстах.

Сельк. (нарым.)

(33) *To nadelyət edzʷət eʷa swat'ba:*

<i>To</i>	<i>nadel -yət</i>	<i>edz -yət</i>	<i>swat'ba</i>	<i>e -yʷa</i>
Тот	неделя –LOC	деревня -LOC	свадьба	Быть -PST.3SG

‘На прошлой неделе в деревне была свадьба’.

Более того, селькупы, как и ханты, до XVIII–XIX вв. христианами не являлись, следовательно, понятие *неделя* для них исконного культурного содержания не имело, было новым, связанным с русской колонизацией и влиянием русской культуры. Данное исчисление времени также не являлось актуальным для народов, чья хозяйственная деятельность зависела от смены погодных условий и природных особенностей. «Неделя» не могла обусловить смены работ и не предопределяла первоочередности того или иного вида деятельности – охоты, рыболовства, собирательства и т.д.

Таким образом, лексема *неделя* была образована под влиянием русской традиционной культуры, но в хантыйском языке образована с помощью исконных хантыйских основ, тогда как в селькупском языке заимствована из русского.

2.3.3 Хант. *wan-qotl* ‘суббота’, *torəm-qotl* ‘воскресенье’.

Сельк. *nu-tfelt* ‘воскресенье’, *üdzə-dəl* ‘рабочий день’

Как в восточных диалектах хантыйского языка, так и в южных диалектах селькупского языка нет исконных лексем, которые являлись бы обозначением дней недели. Они, как правило, являются заимствованиями из русского языка. Однако в исследуемых диалектах хантыйского и селькупского языков обнаруживаются лексемы с исконными основами, образованные с помощью словосложения: хант.: *wan-qotl* ‘суббота’, *torəm-qotl* ‘воскресенье / праздничный день’; сельк.: *nu-tfelt* (об.) ‘воскресенье / праздничный день’.

Очевидно, что для обоих случаев общими являются элементы *qotl* (хант.) и *tfelt* (сельк.) ‘день’. Первым элементом выступают лексические имена, являющиеся определениями в отношении этого общего элемента: например *torəm* ‘верховный бог’, *wan* ‘плечо’, *ni* ‘Бог’. Несмотря на использование исконных лексем для формирования этих сложносоставных лексем, по своей сути данные лексемы сложились под влиянием русской культуры (воскресенье – день бога). Например:

Хант. (вас.)

(34) *Wanqotlnə əllə torəm qotl wəlqal* (вас.):

<i>Wanqotl-nə</i>	<i>əllə</i>	<i>torəm qotl</i>	<i>wəl -qal</i>
суббота -LOC	большой	праздник	быть -PST.3SG

‘В субботу в деревне был большой праздник’.

(35) *Kazhna torəm qotlnə jay torəm kata jəlilwəl*:

<i>Kazhna</i>	<i>torəm qotl -nə</i>	<i>jay</i>	<i>torəm kat -a</i>	<i>jəl -il -wəl</i>
каждый	воскресенье -LOC	люди	Бог дом -ILL	ходить -MLTPL-PRS.3SG

‘Каждое воскресенье люди ходят в церковь’.

Нельзя не отметить факт сходства морфологического способа образования данных наименований временных отрезков с наименованиями «месяцев», подробный анализ которых представлен в следующем разделе. Данные сложносоставные наименования образованы с помощью соположения основ, сложная или составная основа предшествует общим элементам *qotl* / *iki*, *tfelt* / *irret*, и между собой элементы наименования связаны теми же семантическими отношениями, то есть первый элемент определяет последний, являющийся семантической вершиной. Например, (хант.) *torəm-qotl* ‘Бог день’ и *talk-iki* ‘зима месяц’; (сельк.) *ni-tfelt* ‘Бог день’ и *ljumbike-iret* ‘орел месяц’. Данный способ образования присущ как хантыйскому, так и селькупскому языкам, так как типологически оба языка относятся к типу SOV, который определяет порядок слов в предложении, а также тип взаимоотношений в именных группах.

Можно предположить, что данные календарные лексем, являясь составными, по своей природе устойчивыми словосочетаниями, приобретающими

характер сложившейся сложной лексемы, связаны с некой исконной традицией почитания хантыйских и селькупских богов, занимающих особое место в представлениях древних традиционных обществ о течении времени. В хантыйской культуре, например, от Торума – верховного божества – зависит смена времен года и времени суток. Ханты Пима комментировали это так: «Погоду делает верхний Торум. У него посох из семи колен. Один загнет ветер, второй – дождь, третий – снег. А четыре колена на лето, осень, зиму и весну». На Югане смену времени суток объясняли открытием и закрытием дверей в жилище Торума [Кулемзин, 1984: 167]. Однако никакой связи с почитанием Торума еженедельно, в день, соответствующий воскресенью, не обнаруживается, так же, как нет сведений о совершении селькупами религиозных обрядов еженедельно.

Вероятнее всего, эта лексема является новообразованием по аналогии с русским ‘воскресенье / праздничный, божий день’ и является результатом культурной ассимиляции к русской христианской религиозной традиции. В XVIII–XIX вв. происходила христианизация коренного населения с появлением церкви и внедрением православной культуры, важной частью которой являлись воскресные богослужения. Отсюда появились такие лексемы, как *torəm-qotl* ‘день Бога (воскресенье)’, а также этимологически родственные *torəm-qat* ‘церковь’, *torəm-qu* ‘священник’, *Mikol-torəm* ‘святой Николай-чудотворец’ в хантыйском языке. В селькупском языке – *nu-tfelt* ‘воскресенье’, *nuwan-mat* ‘церковь’.

Селькупский язык, не имея названий дней недели, обнаружил однако такое понятие, как ‘рабочий день’ *üdzə-dəl* (об.). Оно образовано путем слияния основ *üdzəgu* ‘работать’ и *dəl* ‘день’, что является интересным фактом. На основании этого можно было бы предположить, что в селькупской культуре различали рабочее время и дни отдыха, в которые не работали. Но так как работы в данной традиционной культуре были скорее сезонные, чем недельные, более вероятно, что данные понятия и соответствующие лексемы появились с приходом русского населения и внедрением европейской административной и экономической традиции.

**2.3.4 Хант. *aj-jor*, *aj-peləq*, *joʷən-jor*, *joʷən-peləq*,
сельк. *pin-djnözhe*, *pin-dzamb* ‘полночь’.**

Хант. *qotl-jor* / *qotl-peləq*, сельк. *tfel-dzamb* ‘полдень’

Еще два существительных, входящих в состав календарно-временного фрейма хантыйского и селькупского языков, образованы с помощью основ, имеющих значение ‘день’, ‘ночь’. Это существительные ‘полдень’ и ‘полночь’, которые так же, как и в русском языке, являются составными.

Васюганский диалект хантыйского языка обнаруживает четыре варианта существительного ‘полночь’: *aj-jor*, образованное от основ *aj* ‘ночь’ + *jor* ‘середина’; *aj-peləq*, включающий в себя основы *aj* ‘ночь’ + *peləq* ‘половина’; *joʷən-jor* – ‘ночь’ + ‘середина’; *joʷən-peləq* – ‘ночь’ + ‘половина’.

В селькупском языке существительное ‘полночь’ (*pin-djnözhe* (кет.) – *pin* ‘ночь’, *djönzhe* ‘середина’; *pin-dzamb* (об.) – *pin* ‘ночь’, *dzamb* ‘середина’) также является составным и образовано аналогичным с хантыйским языком образом – из основ *pin* ‘ночь’ и *djönzhe* / *dzamb* ‘середина’.

Существительное ‘полдень’ в васюганском диалекте хантыйского языка и в южных диалектах селькупского языка образовано идентичным способом – путем сложения основ ‘день’ и ‘середина’: хант. *qotl-jor* / *qotl-peləq* – *qotl* ‘день’ + *jor* ‘середина’ / *peləq* ‘половина’; сельк. *tfel-dzamb* (об.) – *tfel* ‘день’ + *dzamb* ‘середина’.

Как можно видеть, существительные ‘полдень’ и ‘полночь’ образованы довольно традиционным для подобных понятий образом. Это составные существительные, состоящие из основ ‘день’ или ‘ночь’, а также основ ‘середина’, ‘половина’. Подобное можно наблюдать также в русском: *пол-день*, *пол-ночь* и английском языках: *mid-day*, *mid-night*.

По всей видимости, данные понятия в хантыйском и селькупском языках не являются исконными, так как не обнаруживают соответствующих ролей в традиционной хозяйственной или религиозной деятельности. Вероятно, данные понятия появились в результате контакта с русской культурой. Отметим примеры

данных наименований, полученные в результате сбора материала по восточным диалектам хантыйского языка и южным диалектам селькупского языка:

Хант. (вас.)

(36) *Lawka kölakkə jəwəl qotlpeləyənə:*

<i>Lawka</i>	<i>kölakkə</i>	<i>jə</i>	<i>-wəl</i>	<i>qotlpeləy</i>	<i>-nə</i>
магазин	быть открытым	стать	PRS.3SG	полдень	LOC

‘Магазин открывается в полдень’.

(37) *Wännə əjjor-a jə-wəl mən nə joḡ-ra məntä:*

<i>Wännə</i>	<i>əjjor-a</i>	<i>jə-wəl</i>	<i>mən nə</i>	<i>joḡ-ra</i>	<i>məntä</i>
Скоро	полночь -ILL	стать -PRS.3SG	1SG-LOC	дом -ALL	идти

‘Скоро полночь, и мне пора домой’.

Сельк. (нарым.)

(38) *Tfeldzayət pötprī eḡa aj kodnaj kigeḡa üdzegu:*

<i>Tfeldza</i>	<i>-ḡət</i>	<i>pötprī</i>	<i>e-ḡa</i>	<i>aj</i>	<i>kodnaj</i>
полдень	-LOC	жаркий	быть -PST.3SG	и	никто

A	<i>kigeḡa</i>	<i>-a</i>	<i>üdzegu</i>
NEG	хотеть	-3SG.sub.	работать

‘Полдень был жаркий, и никто не хотел работать’.

(39) *Peldzayət ves lakula kettembadyt:*

<i>Peldza</i>	<i>-ḡət</i>	<i>ves</i>	<i>lakku</i>	<i>-la</i>	<i>kette</i>	<i>-mb</i>	<i>-adyt</i>
полночь	-LOC	все	магазин	-PL	закрыть	-PSTN	-3PL

‘В полночь все магазины закрыты’.

Данные примеры были получены во время работы с информантами с помощью перевода. Понятия *полдень* и *полночь* не вызывали никакого затруднения при переводе даже у тех информантов, которые не владеют языком свободно, что позволяет сделать вывод о том, что данные понятия, не являясь, по всей видимости, исконными, закреплены в языке и активно используются.

2.3.5 Хант. *əjḡən-qotḡən*, сельк. *tfelt aj pin* ‘сутки’

Типологически понятие *сутки* в разных языках может обозначаться и словом *ночь*, и словом *день*. Например, в русском языке *день* имеет два значения:

‘светлая часть суток’ и ‘сутки’, а в корякском языке *qäwini* ‘ночь’, *qäwgijjin* ‘сутки’, в монгольском *γono* ‘ночевать’, *γonog* ‘сутки’ [Руссо. День и ночь, зима и лето. Режим доступа: <http://ezhe.ru/ib/issue1186.html>].

Что касается хантыйского и селькупского языков, в обоих случаях сутки – это светлое и темное время суток, день и ночь. В хантыйском языке это сложное составное существительное *ajγan-qotlγan*, включающее в себя основы ‘ночь’ и ‘день’ в формах двойственного числа:

<i>aj-γан</i> -	<i>qotl-γан</i>
ночь -DU	день -DU

В селькупском языке это значение передается аналитически – с помощью словосочетания *tfelt aj pin* ‘день и ночь’. Возможно, это более позднее образование, появившееся под влиянием русского языка, и ранняя лексема имела другой вид. Аналогичным образом выражается данное понятие, например, в английском языке: *day and night* ‘день и ночь’.

Как было отмечено ранее, традиционная хозяйственная деятельность хантов и селькупов сильно зависела от природных явлений, включая смену темного и светлого времени суток, но сами сутки, скорее всего, не были необходимы ни как физическая константа, ни как единица счета времени. Время исчисляли ‘днями’ и ‘ночами’ отдельно. У хантов и селькупов понятие ‘сутки’ и существительное для обозначения данного понятия появились, вероятно, под влиянием контакта с русской культурой.

Итак, способ словосложения календарно-временной лексики в обоих рассматриваемых нами языках оказался более продуктивным, чем суффиксальный способ. Количество существительных, образованных с помощью словосложения, также значительно превышает количество производных существительных календарно-временной лексики. Доля существительных, образованных с помощью словосложения, составляет 22 % (20 наименований из 110).

§ 2.4 Номинализованные конструкции в календарно-временной лексике восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка

Все носители хантыйского и селькупского языков воспринимают календарь и наименования, которые его составляют, как фрейм – единую упорядоченную систему, цикличную и глубоко мотивированную традиционной культурой и хозяйственной деятельностью. Мы рассмотрели часть календарно-временной лексики хантов и селькупов. Особого внимания заслуживают наименования «месяцев», входящих в календарь хантов и селькупов. Именно о них пойдет речь в следующих разделах данного исследования.

Специфика наименований календарных «месяцев» связана прежде всего с тем, что сами календарные наименования устарели, хотя в них практически нет архаичных слов. В основном они известны представителям только старшего поколения и при этом лишь частично, на современном этапе эти лексемы потеряли свою функциональность и стерлись в памяти говорящих, будучи вытесненными на практике латинскими наименованиями месяцев современного григорианского календаря, пришедшими из русского языка. Иными словами, можно говорить о том, что сама система исчисления времени как у селькупов, так и у хантов претерпела изменения.

В Приложении 2 представлены данные, собранные разными учеными в 50–60-х годах XX века. Языковой материал представляет собой собрание календарных наименований «месяцев» ваховского и васюганского диалектов, относящихся к восточной группе хантыйского языка, а также диалектов южной группы селькупского языка. Общий состав группы – 140 случаев словоупотребления (с указанием диалектной принадлежности), из которых 74 хантыйских и 79 селькупских. Однако отметим, что в исследовании учитывается не количество словоупотреблений, а количество словоформ, которое составило 33 в хантыйском языке и 36 в селькупском (всего 69 словоформ).

Хантыйский материал был собран томскими исследователями на рр. Васюган и Вах в деревнях Озерное, Шкарино, Калганак, Новый Васюган. Селькупские наименования были получены в верховьях и низовьях реки Кети в поселках Максимкин Яр, Лукьяново, Усть-Озерное, Маковское, пос. Парабель.

Для проведения морфологического анализа наименований календарных «месяцев» необходимо сначала рассмотреть общие морфосинтаксические особенности всей группы календарных «месяцев» в диалектах хантыйского и селькупского языков. Данный анализ проведен в следующем разделе нашего исследования.

2.4.1 Морфосинтаксические особенности образования номинализованных конструкций

Наиболее примечательной особенностью календарных наименований «месяцев» как у хантов, так и у селькупов является наличие общего элемента. В хантыйском языке это *iki* (вах., вас.) – элемент, значение которого Н.И. Терешкин определяет как 1) старик, дед; 2) луна [Терешкин, 1981: 52]. В селькупском языке такой общий элемент имеет сходное значение ‘месяц’, ‘луна’ и ‘старик’ *irre, irret* (кет.) – ‘луна месяц’, *ara* – ‘старик’ [Быконя, 2005: 31].

Как уже отмечалось выше, хантыйский и селькупский традиционные календари построены на исчислении лунных циклов. Тем не менее, в полной мере применить понятие «лунный месяц» по отношению к этим календарным системам не представляется возможным, так как промежутки времени, условно называемые нами «месяц» были лишь условны, не строго фиксированы и не строго установлены. Соответственно, мы полагаем, что столь последовательное систематическое применение данных общих элементов ко всем представителям лексической группы «месяцев» может, вероятно, являться поздней адаптацией к григорианскому календарю в результате тесных контактов с русским населением и заимствования их календарной системы, которая на данный момент полностью заменила исконные традиционные календари.

В морфологическом и синтаксическом плане мы полагаем, что данный элемент может быть рассмотрен в качестве универсального для всей лексической группы элемента-номинализатора. Эта лексема-номинализатор, являясь вершиной, превращает фразу (одноосновную лексему, словосочетание или целую клаузу), используемую для обозначения календарного отрезка, в именную фразу, функционирующую как единая именная лексема – календарное наименование. Как было сказано ранее (см. пп. 1.2.3.3), в лингвистической литературе номинализацией называется процесс превращения отдельных частей речи (чаще всего глаголов) или целых предложений в существительное. Например, в хантыйском языке глагол *jän'-t'ä* ‘пить-IMPP’ в форме причастия в наименовании месяца, соответствующего июню *jän'-t'ä-iki*, с добавлением лексического элемента-номинализатора *iki* образует именную группу ‘месяц, когда много воды’. В селькупском языке в календарном наименовании, соответствующем григорианскому месяцу сентябрь *tfopir-itaktindî iret* ‘ягоды-сбора месяц’, где *tfopir* ‘ягода’, *itaktindî* ‘собирать-PP’, *iret* ‘месяц’, простая клауза *tfopir-itaktindî* ‘ягоду собирать’ преобразуется с добавлением лексемы-номинализатора *irret* в именную фразу ‘месяц, когда собирают ягоду’.

За некоторым исключением, в хантыйском языке существительное *iki* и в селькупском языке существительное *irret* участвуют в образовании всех календарных наименований «месяцев». В редких примерах календарных наименований эти показатели номинализации опущены вполне намеренно, ввиду избыточности (очевидности его присутствия в каждом наименовании как обязательного элемента, и как следствие – его отпадение при перечислении элементов в списке).

В хантыйских наименованиях лексема-номинализатор *iki* опущен в двух наименованиях из 33: *paŷältiw* (вас.) (октябрь) представляет собой именную основу со значением ‘верхняя плоскость лыж, полоза’, а также наименование *javat-putim-ketim* (вас.) (январь) – ‘семь котлов варим’ (*javat* ‘семь’, *putim* ‘котел’, *ketim* ‘промежуток времени между котлами’).

В селькупских наименованиях лексема-номинализатор *irret* опущен в большем количестве наименований (14 случаев из 36). Среди них такие наименования, как *karba* (кет.) ‘запорный месяц’ (*karba* ‘запор’), *sebaka* (кет.) ‘месяц бурундука’ (*sebaka* ‘бурундук’), *kiba-kandak* (кет.) ‘месяц маленького мороза’ (*kiba* ‘маленький’, *kandak* ‘мороз’), *n'un'u-kandak* (кет.) ‘маленький мороз’ (*n'un'u* ‘маленький’, *kandak* ‘мороз’), *warg-kandak* (кет.) ‘месяц большого мороза’ (*warg* ‘большой’, *kandak* ‘мороз’), *nuwan-mukkol* (кет.) ‘божья спина’ (*nuwan* ‘божий’, *mukkol* ‘спина’), *pil'ejudil-irret* (кет.) ‘на одной ноге лыжина с шерстью, на другой – голая лыжина (скользит)’ (*pil'ej* ‘односторонний’, *tudil* ‘голица’), *limbil'* (кет.) ‘орлиный месяц’ (*limbil'* ‘орлиный’), *üt kandak* (кет.) ‘вода застывает’ (*üt* ‘вода’, *kandak* ‘мороз’), *nolgut* (кет.) ‘дождь, слякоть месяц’ (*nolgut* ‘дождь’).

Однако стоит отметить, что все вышеперечисленные селькупские наименования в других случаях были отмечены лексемой-номинализатором *irret*, поэтому мы считаем, что иногда он опускается носителями ввиду очевидности его присутствия. Так, например, одно и то же календарное наименование зафиксировано в двух вариантах: например, декабрь в селькупском традиционном календаре – *wärg kandak irret* [С-1: 363] / *warg kandak* [С-3: 14] ‘месяц большого мороза’, где *wärg* – ‘большой’, *kandak* ‘мороз’ и *irret* ‘месяц’. Для анализа в дальнейших разделах нашей работы мы будем использовать полный вариант, отмеченный номинализатором *irret*.

Тем не менее, в селькупском традиционном календаре были отмечены 4 наименования, не оформленные номинализатором *irret* ни в одном случае: *n'udzipad'iti-ndi* (кет.) ‘месяц сенокоса’ (*n'udz* ‘сено’, *ipad'iti-ndi* ‘косить-ІМРР’), *amnaj* (кет.) ‘голодный месяц’ (*amnaj* ‘голодный’), *näjija-ldi* (кет.) ‘беличий месяц’ (*näjija* ‘белка’, *-ldi* -РР), *töpanmizakunta* (нижнекет.) ‘ягода поспела’ (*töpan* ‘ягода’, *mizaku-nta* ‘поспеть, стать готовым-ІМРР’), *tassundi* (кет.) ‘морозный месяц’ (*tassu-ndi* ‘морозить-ІМРР’). Возможно, данные наименования также должны быть отмечены номинализатором *irret*, однако во всех примерах, встретившихся в анализируемых материалах, они были опущены.

В пользу постоянства данного элемента также свидетельствуют данные, собранные в лингвистической экспедиции, где, описывая хозяйственные занятия каждого месяца, информанты уже не могут вспомнить хантыйское наименование самого месяца, но используют элемент *iki* с русскими наименованиями месяцев.

Хант. (вас.)

(40) *Juyoy luvət qorkokətəwəl Sentabr-ikinə:*

<i>Juy -oy</i>	<i>luv -ət</i>	<i>köry -əkətə -wəl</i>	<i>Sentabr</i>	<i>iki -nə</i>
дерево PRL	лист -PL	падать -INCH-PRS.3SG	сентябрь	месяц -LOC

‘В «сентябре» листья начнут падать с деревьев’.

(41) *Avgust-ikinə jom pont]awəl:*

<i>Avgust</i>	<i>iki -nə</i>	<i>jom</i>	<i>pont]a -wəl</i>
август	месяц -LOC	ягода	поспеть -PRS.3SG

‘В «августе» поспеет ягода’.

В смежных восточных диалектах хантыйского языка, согласно данным словаря Н.И. Терешкина, зафиксирована другая лексема – *tiləs* (сал.), *tutəs* (аг.), *tītəs* (тр.-юг.) ‘месяц’ [Терешкин, 1981: 468], которая сходна в значении с васюганской-ваховской лексемой *iki* со значением ‘месяц – мера времени, месяц – небесное светило’. Несмотря на то что трюганский, аганский и салымский варианты хантыйского языка также относятся к восточной группе диалектов, данный постоянный компонент календарных наименований месяцев (вас. *iki*, тр.-юг. *tītəs*) представлен этимологически не связанными лексемами, сравним:

тр.-юг. *toləy-jat]ə-tītəs* и вас. *tälek jor iki* ‘месяц середины зимы (январь)’,

сал. *war-tiləs* и вас. *wär-iki* ‘месяц запорного рыболовства (июнь)’,

сал. *wälək-juy-tiləs* и вас. *wäliy-juy-iki* ‘месяц оголившихся деревьев (сентябрь)’,

тр.-юг. *kojəm-tītəs* и вас. *koim-iki* ‘месяц нерестения (май)’.

Следует отметить, что во всех остальных диалектах хантыйского языка (как восточных, так и западных) когнаты лексемы *iki* сохраняются только в значении ‘мужчина, муж, старик’, в то время как когнаты лексемы *tītəs* со значением ‘месяц, луна, месяц – отрезок времени’ имеются тоже во всех диалектах, кроме ваховского-васюганского. Это свидетельствует о местной специфике самых юго-восточных диалектных вариантов (ваховского-васюганского), подверженных

местному контактному влиянию. Кроме того, использование ваховского-васюганского *iki* в обоих значениях может свидетельствовать об относительной (после прото-восточно-хантыйской) новизне данного показателя.

Примечательно, что в указанных смежных восточных диалектах хантыйского языка были обнаружены наименования, не свойственные календарям ваховских и васюганских хантов. В календарях ваховских и васюганских хантов летние месяцы отмечены разнообразием наименований, относящихся к рыболовству, однако нет наименований, отмечающих названия промысловых рыб, которые встречаются в календарях салымских и тромюганских хантов:

сал. *mõksəŋ-tiɫəs* ‘месяц муксуна’,

тр.-юг. *särək-tiɫəs* ‘месяц сырка’,

тр.-юг. *səy-tiɫəs* ‘месяц налима’.

Это обусловлено тем, что на Вахе и Васюгане данных видов рыб нет, поэтому местным жителям они неизвестны. Тем самым данный факт подтверждает положение о местной обусловленности традиционных календарей и то, что именно местная погодная и природная специфика влияла на выбор наименований.

Таким же образом, календарные наименования, соответствующие месяцам *октябрь* и *ноябрь* в календаре тромюганских хантов, имеют местную обусловленность, будучи отмеченными наименованиями *ənəl-jir-koɣ* ‘месяц больших жертвоприношений’, *aj-jir-koɣ* ‘месяц малых жертвоприношений’, что свидетельствует о местном приоритете в данный период культурно-религиозных практик, обращении к лесным и водным духам для обеспечения успеха охоты или рыбалки. То или иное количество дичи или рыбы «отпускалось» охотнику духами соразмерно принесенной жертве [Кулемзин, 1984: 97].

Итак, по причине постоянства данного элемента у всех представителей лексической группы, а также его функциональности как инвариантного именного элемента в вершинной позиции в словосочетании мы рассматриваем его в качестве элемента-номинализатора, а всю фразу – в качестве именной. В целом

данная модель полностью соответствует основным стратегиям именного словообразования – номинализации, свойственной рассматриваемым языкам.

Наименования календарных месяцев, образованные с помощью номинализаторов *iki/irret* и имеющие в своем составе не только существительные, но и другие части речи, в предложениях выступают в функциях подобно другим номинализированным именным конструкциям в хантыйском и селькупском языках. Они оформлены падежными показателями, чаще локативом, выступая чаще в роли обстоятельства времени (примеры 42–49), но могут выступать и в качестве субъекта (пример 50).

Хант. (вах., вас.)

(42) *əllə wärikinə lawatf əntim:*

<i>əllə-wär-iki-nə</i>	<i>lawatf</i>	<i>əntim</i>
маленький-запор-месяц-LOC	дождь	NEG

‘В «июле» дождя нет’.

(43) *Töyə jolayətəwəl urnə ikinə:*

<i>Töyə jola -yətə -wəl</i>	<i>urnə-iki-nə</i>
Снег таять-INCH-PRS.3SG	ворона-месяц-LOC

‘Снег начинает таять в «марте»’.

(44) *Il al jayküt'kältəikinə mä əntə küt'kəl käləm.*

<i>Il</i>	<i>al</i>	<i>jay-küt'kältə-iki -nə</i>	<i>mä</i>	<i>əntə</i>	<i>küt'kəl -käl -əm</i>
прошлый	го	люди-охотиться-IMPP-месяц-д LOC	1S	NEG	охота -PST1-1SG
			G		

‘В прошлом «ноябре» я не мог охотиться’.

(45) *Koimikinə mä mənäsīm tom juyiḡa:*

<i>Koim-iki-nə</i>	<i>mä</i>	<i>mən -käs -im</i>	<i>tom</i>	<i>juyij -a</i>
икромет-месяц-LOC	1SG	идти-PST3-1SG	тот	река-ILL

‘В «мае» я ушел на ту реку’.

(46) *Wär ikinə qul ärki juyi-nə:*

<i>Wär-iki -nə</i>	<i>qul</i>	<i>ärki</i>	<i>juyi-nə</i>
запор-месяц-LOC	рыба	много	река-LOC

‘В «июне» много рыбы в реке’.

(47) *Qotl njaɣl täləɣ jor ikinə. Sün nuɣ qəlwəl il jöŋawəl:*

Qotl n'ayəl täləɣ-jor-iki-nə
 День короткий зима-середина-месяц-LOC

Sün nuɣ qəl-wəl il jöŋa-wəl
 солнце вверх выходить -PRS.3SG вниз идти -PRS.3SG

‘В «январе» день короткий. Солнце быстро всходит и заходит’.

(48) *Täləɣ jor ikinə min mənłəw Tomskija:*

Täləɣ-jor-iki-nə min mənł -əw Tomskji -a
 зима-середина-месяц-LOC 1PL идти -1PL Томск -ILL

‘В «январе» мы поедем в Томск’.

(49) *Jayküt'kältäikinə jin qul-kən-tfə mən-kən:*

Jay-küt'käl-tə-iki -nə jin qul-kən-tfə mən-kən
 люди-охотиться-IMPP-месяц-LOC 3DU рыба-добыть-INF идти-PST0.3DU

‘В «ноябре» они рыбачить пошли’.

(50) *Mikolaiki tföqə atfiɣ iki:*

Mikola-iki tföqə atfiɣ iki
 Миколы-месяц очень холодный месяц

‘«Декабрь» – очень холодный месяц’.

В морфологическом плане все вышеперечисленные конструкции носят разный характер. В следующем разделе данной работы будет дана их подробная классификация.

Ниже представлены примеры из селькупского языка, образованные с помощью номинализатора *irret*. Так же, как в примерах из хантыйского языка, наименования «месяцев» в селькупском языке являются составными конструкциями, состоящими из основ существительных, прилагательных и глаголов, оформленных падежным окончанием локатива. Во всех нижеперечисленных примерах, кроме примера 61, наименования «месяцев» являются обстоятельствами времени. В примере 61 наименование «месяца» выступает в роли субъекта.

Сельк. (нарым.)

(51) *Warg kándel aréget öt kigéget kandé]p-a:*

<i>Warg-kándel-aré-get</i>	<i>öt</i>	<i>kigé-get</i>	<i>kandé]p-a</i>
большой-морозный-месяц-LOC	вода	река-LOC	замерзать-3SG

‘В «ноябре» вода в реке замерзает’.

(52) *Awna tfobor wadespedel aréget mat oráллеbe kotfe qwelp:*

<i>Awna</i>	<i>tfobor-wadespedel-aré-get</i>	<i>mat</i>	<i>orál-leb-e</i>	<i>kotfe</i>	<i>qwel-p</i>
будущий	ягода-собирать-месяц-LOC	1SG	ловить-FUT-1SG	много	рыба-ACC

‘В следующем «июне» я поймаю больше рыбы’.

(53) *Kazna qwélel aréget táben táмder taklé]p-a négend:*

<i>Kazna</i>	<i>qwélel aré-get</i>	<i>tábe-n</i>	<i>tamder</i>	<i>taklé]p-a</i>	<i>négend</i>
каждый	рыбий-месяц-LOC	3SG-GEN	семья	собираться-3SG	друг с другом

‘Каждый «май» его семья собирается вместе’.

(54) *Pondepot fépkal aréget ēдеget ēya warg nút]feld:*

<i>Ponde-pot</i>	<i>fépkal-aré-get</i>	<i>ēde-get</i>	<i>ēya</i>	<i>warg</i>	<i>nút]feld</i>
прошлый-год	бурундук-месяц-LOC	деревня-LOC	быть-PST	большой	праздник

‘В прошлом «апреле» в деревне был большой праздник’.

(55) *fépkal aréget wes yúrut]fat aj mi kalim]báut mátket:*

<i>fépkal-aré-get</i>	<i>wes</i>	<i>yúrut]fat</i>	<i>aj</i>	<i>mi</i>	<i>kali -mb-áut</i>	<i>mát-ket</i>
бурундук-месяц-LOC	все	охотиться-3PL	а	1PL	PSTN-1PL	дом-LOC

‘В «марте» все охотятся, а мы остались дома’.

(56) *Tfobor wadespedel aréget mí wadembaut kotfek tfobor]p:*

<i>Tfobor-wadespedel-aré-get</i>	<i>mí</i>	<i>wade -mb -aut</i>	<i>kotfek</i>	<i>tfobor]p.</i>
ягода-собирать-месяц-LOC	1PL	собрать-PSTN-1PL	много	ягода-ACC

‘В «августе» мы собрали много ягоды’.

(57) *Kazna tfobor wadespedel aréget migen tömbat ogoleldzedel qúla:*

<i>Kazna</i>	<i>tfobor-wadespedel-aré-get</i>	<i>mi-gen</i>	<i>tö-mb-at</i>	<i>ogoleldzedel</i>	<i>qúla</i>
каждый	ягода-собирать-месяц-LOC	1PL-LAT	ходить-PSTN-3PL	грамотный	люди

‘Каждый «август» к нам приезжали ученые’.

(58) *Tfábla ál'tfespedelaréget nop tfeld kándebeł aj kwétespa ál'tfespegu yer:*

Tfábla-ál'tfespedel-aré-get Nop tfeld kándebeł
 листьѧ-падают-месѧц-LOC погoдa дeнь хoлoднѧй

aj kwét-esp-a ál'tfespegu yer
 и нaчинaть-DUR-3SG падaть снeг

‘В «октябре» погoдa хoлoднaя и нaчинaет падaть снeг’.

(59) *Pondepot tfobor orwespedel aréget kigéget ēya kotfek kwel:*

Ponde-pot tfobor-orwespedel-aré-get kigé-get ēya kotfek kwel
 прошлѧй-гoд ягoдa-рaстет-месѧц-LOC рeкa-LOC бѧть-PST мнoгo рѧбa

‘В прошлoм «июлe» в рeкe бѧлo мнoгo рѧбѧ’.

(60) *Pondepot yer ál'tfemba tfábla ál'tfespedel aréget:*

Ponde-pot yer ál'tfe-mb-a tfábla-ál'tfespedel-aré-get
 прошлѧй-гoд снeг падaть-PSTN-3SG листьѧ-падают-месѧц-LOC

‘В прошлoм гoдy снeг выпaл ужe в «сeнтѧбрe»’.

(61) *Pondepot warg kandel aret ēya uruk kánnembel:*

Ponde-pot warg-kandel-aret ēya uruk kánnembel
 прошлѧй-гoд бoльшoй-мoрoзнѧй-месѧц бѧть-PST oчень хoлoднѧй

‘Прoшлѧй «январь» бѧл сaмѧм хoлoднѧм’.

Итaк, в бoльшинствe случaeв все рaссмoтрeннѧе нaимeнoвaния кaлeндaрнѧх мeсѧцeв хaнтѧйскoгo и сeлькyпскoгo языкoв являютcя нoминaлизoвaннѧми кoнстpукциѧми и в кaчeствe крaйнeгo пpaвoгo элeмeнтa имeют имя, выстyпaющeе в рoли нoминaлизaтoрa. Элeмeнты дaннѧх нoминaлизoвaннѧх кoнстpукциѧ или пpeдстaвляют сoбoй причaстнѧе кoнстpукциѧ, или свѧзaны прoстѧм сoпoлoжeниeм.

Чaщe всeгo пeрвѧм элeмeнтoм выстyпaeт сущeствитeльнoе в oснoвнoм пaдeжe в хaнтѧйскoм языкe (пpимeры 42, 43, 45, 46, 47 и 48) и в сeлькyпскoм языкe (пpимeры 54, 55). Нaимeнoвaния мeсѧцeв тaкжe мoгyт включaть в сeбѧ oснoвы дpyгих чaстeй рeчи: пpилaгaтeльнѧе (пpимeр 42 в хaнтѧйскoм языкe; пpимeры 51, 53 и 61 в сeлькyпскoм языкe), глaгoлы в рaзнѧх фoрмaх (пpимeры 44 и 49 в хaнтѧйскoм языкe; 52, 56, 57, 58, 59 и 60 в сeлькyпскoм языкe), a тaкжe имя

собственное (пример 50 в хантыйском языке). Итак, рассмотрим наименования, образованные с помощью именных основ и элемента-номинализатора, а также наименования, образованные с помощью глагольной основы и элемента-номинализатора.

2.4.2 Номинализованные конструкции с именными основами

Восточные диалекты хантыйского языка и южные диалекты селькупского языка обнаруживают наименования календарных месяцев, образованные с помощью именных основ, которые могут состоять из имен существительных, имен прилагательных, имен числительных, а также имен собственных. В зависимости от морфологического состава наименования были отнесены нами к определенным морфологическим типам, которые представлены в таблице 2.1.

Таблица 2.1 – Номинализованные конструкции с именными основами в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка

Морфологический тип	Хантыйские модели образования календарных наименований	Кол-во	Селькупские модели образования календарных наименований	Кол-во
1	N	1	-	-
2	N+iki	7	N+irret	5
3	N+N+iki	4	N+N+irret	3
4	N+N+N+iki	1	-	
5	Adj+iki	1	Adj+irret	9
6	-		Adj+Adj+irret	1
7	Adj+N+iki	4	Adj+N+irret / N+Adj+ irret	6/1
8	Adj+N+N+iki	1	-	
9	N[prop]+iki	1	N[prop]+iki	1
10	Num+iki	1	-	
11	Num+N+N	1	-	
	Всего	22	Всего	26

1. Наименование *paŷáltiw* (октябрь) ‘все застыло’ (тип N) представляет собой именную основу со значением ‘верхняя плоскость лыж’. Данное наименование в архивных записях не включает в себя компонент *iki* и этим обособлено от других календарных наименований.

2. Наименования наиболее многочисленного морфологического типа хантыйского языка строятся по модели *N+iki*, из одной основы существительного и обязательного элемента-номинализатора *iki*. Подобных наименований было обнаружено 7, из общего количества проанализированных наименований 33. В данную группу входят такие наименования календарных «месяцев», как, например, *kurk-iki* ‘месяц орла’, состоящее из основы *kuruk* ‘орел, коршун’ и обязательного элемента-номинализатора *iki* ‘месяц’; *urn-iki* ‘месяц ворон’ (*urni* ‘ворона’); *wesk-iki* ‘месяц уток’ (*wesk* ‘утка’); *pas-iki* ‘месяц, когда рукавицы носят’ (*pa* ‘рукавица’); *tälk-iki* (вах., вас.) ‘зимний месяц’ (*täläk* ‘зима’); *wär-iki* ‘месяц запора’ (*wär* ‘запор’); *koim-iki* ‘месяц, когда рыба икру мечет’ (*koim* ‘икромет’).

В селькупском языке морфологический тип *N+iret* обнаружил в своем составе 5 наименований. К данной группе были отнесены такие наименования, как *sebaka-iret* ‘месяц бурундука’ (*sebaka* ‘бурундук’); *sanga-iret* ‘глухариный месяц’ (*sanga* ‘глухарь’); *karba irret* ‘запорный месяц’ (*karba* ‘запор’); *chochke-irret* ‘лист спадает месяц’ (*chochke* ‘лист’); *nolgut-irret* ‘дождь, слякоть месяц’ (*nolgut* ‘дождь, слякоть’).

Как обсуждалось ранее, данный вид словообразования является самым продуктивным не только для календарных наименований «месяцев», но и для существительных в хантыйском языке в целом. Путем сложения именных основ образованы многие хантыйские существительные: *ajri-juу* (хант.) ‘весло’ = *ajri* ‘обласок’ + *juу* ‘дерево’; *qat-oyti* (хант.) ‘чердак’ = *qat* ‘дом’ + *oyti* ‘верх’; *tforos-qu* ‘купец’ = *tforos* (хант.) ‘торговец’ + *qu* ‘человек’; *wajay-pun* ‘пушнина’ = *wajay* ‘зверь’ + *pun* ‘мех’ и др.

3. Следующий морфологический тип, состоящий из основ существительных – *N+N+iki/N+N+irret*, обнаружил четыре примера в хантыйском и три примера в селькупском языке. Данный морфологический тип обнаруживает следующие наименования календарных «месяцев» в хантыйском языке: *lont-wäsk-iki* ‘месяц гуся, утки’ (*lo:nt* ‘гусь’, *wä:syk* ‘утка’, *iki* ‘месяц’); *tälek-jor-iki* ‘месяц середины зимы’ (*tälek* ‘зима’, *jor* ‘середина’, *iki* ‘месяц’); *pa:s-pän-iki* ‘месяц большого

пальца рукавицы' (*pas* 'рукавица', *pän* 'палец'); а также наименование *pam-jar-iki* 'месяц сенокоса' (*pam* 'сено', *jar* 'луг').

Селькупские календарные наименования, строящиеся по данному морфологическому типу, включают в себя следующие примеры: *taḡan-djondzi-irret* 'половина лета' (*taḡət* 'лето', *djondzi* 'середина чего-либо', *irret* 'месяц'); *nuran-mü-irret* 'месяц рыбьих мальков' (*njura* 'малек', *mü* 'икра/бисер', *irret* 'месяц'); *üt kandak iret* 'вода застывает' (*üt* 'вода', *kandak* 'мороз', *iret* 'месяц').

4. Последнее наименование, имеющее в своем составе только основы имен существительных, – наименование *kotoḡ-lont-wäsyk-iki* (**Tun** *N+N+N+iki*, обнаруженный только в хантыйском календаре) – 'месяц лебедя, гуся, утки'. Оно состоит из основ, обозначающих перелетных птиц: *kotoḡ* 'лебедь', *lont* 'гусь', *wä:syk* 'утка', *iki* 'месяц'.

5. Наиболее продуктивной моделью образования календарных наименований «месяцев» в селькупском языке является конструкция типа **Adj+irret** (9 наименований). Морфологический тип образования календарных наименований с основой прилагательного **Adj+iki** был также обнаружен в хантыйском языке, однако количество наименований сезонов, образованных по данному типу, оказалось разным в данных языках – 9 наименований в селькупском и только одно в хантыйском – *kätim-iki* 'последний месяц' (*kätim* 'последний').

Итак, к данному морфологическому типу относятся такие селькупские наименования календарных «месяцев», как: *arra-irret* 'осенний месяц' (*arra* 'осенний'); *kaj-irret* 'зимний месяц' (*kaj* 'зимний'); *kali-irret* 'последний месяц' (*kali* 'последний'); *limbil'-irret* 'орлиный месяц' (*limbil'* 'орлиный'); *amnaj* 'голодный месяц' (*amnaj* 'голодный'); *näjija-l'd'i* 'беличий месяц' (*näjija* 'белка', -*ldi* -IMPP); а также наименования *shepka-arét* 'бурундучий месяц' (*shepka-l* 'бурундук-ATTR') и *qwel-el arét* 'рыбий месяц' (*qwel-el* 'рыба-ATTR'). Наименование *tassundi* ('морозный') также образовано с помощью суффикса причастия *-ndi* и основы глагола *tassu-* 'морозить'.

Данный морфологический тип обнаруживает примеры не только в календарных наименованиях, он является продуктивной моделью словообразования селькупских существительных: *niwan-mat* (сельк.) ‘церковь’ = *niwan* ‘божий’ + *mat* ‘дом’, *ütil-mat* (сельк.) ‘мозоль’ = *üti-l* ‘водаADJ’ + *mat* ‘дом’, *tungätel-qur* (сельк.) ‘глупец’ = *tungätel* ‘глупый’ + *qur* ‘человек’ и др. Несмотря на то что данный морфологический тип обнаружил только одно календарное наименование в хантыйском языке, многие хантыйские существительные образованы по модели ADJ + N: *aj-qu* ‘мальчик’ = *aj* ‘маленький’ + *qu* ‘человек’; *aj-ni* ‘девочка’ = *aj* ‘маленький’ + *ni* ‘женщина’; *werəŋ-ot* ‘ребенок’ = *werəŋ* ‘маленький’ + *ot* ‘вещь’ и др.

6. Следующий морфологический тип, выявленный при анализе календарных наименований в селькупском языке, образован с помощью основ двух имен прилагательных – ***Adj+Adj+arét***. К данному типу относится наименование *warg-kandel-arét* ‘большого мороза месяц’. Данное наименование встречалось в группе, где *kandak* ‘мороз’ имело форму существительного, однако в данном случае с помощью атрибутивного суффикса *-l* данная лексема имеет форму прилагательного.

7. Еще одной продуктивной моделью образования календарных наименований «месяцев» в селькупском языке является морфологическая конструкция типа ***Adj+N+irret*** (6 наименований). В данную группу были отнесены следующие наименования: *kiba-kandak-irret* ‘месяц маленького мороза’ (*kiba* ‘маленький’, *kandak* ‘мороз’); *n'un'u-kandak-irret* ‘маленький мороз’ (*n'un'u* ‘маленький’, *kandak* ‘мороз’); *warg-kandak-irret* ‘месяц большого мороза’ (*warg* ‘большой’, *kandak* ‘мороз’); *pil'ejtudil-irret* ‘на одной ноге лыжина с шерстью (чтобы не скользила), на другой – голая лыжина (скользит) (*pil'ej* ‘односторонний’, *tudil* ‘голица’); *niwan-mukkol-irret* ‘божья спина’ (*niwan* ‘божий’, *mukkol* ‘спина’), обнаруженное в данных 6 информантов; *kuolaj-pü-irret* ‘рыба икру пускает’ (*kuolaj* ‘рыбий’, *pü* ‘икра’).

Интересным является тот факт, что в некоторых селькупских наименованиях была обнаружена морфологическая модель, не свойственная селькупскому

словообразованию. В наименовании *karban-kuoli-irret* ‘месяц рыбьих запов’ имя прилагательное *kuoli* ‘рыбий’ следует за существительным *karban* ‘рыболовный крючок’, что соответствует типу *N+Adj+irret*, в то время как типичной морфосинтаксической моделью для рассматриваемых языков является модель, при которой прилагательное предшествует существительному.

Многие исследователи обращают внимание на общность происхождения имени существительного и имени прилагательного и на первичность первого по отношению ко второму. Б.А. Серебренников указывает на первоначальное формальное неразличение имени существительного и имени прилагательного во многих языках, включая уральские [Беккер, 1995б по Серебренников, 1974: 209–235]. Это позволяет нам полагать, что в селькупском языке в наименовании *karban-kuoli-irret* оба компонента являются именными, в то время как атрибутивный показатель *-i* характеризует всю сложную именную основу (*karban-kuol*) + *-i*, нежели чем только последний элемент. Таким образом, данный пример может быть в равной степени отнесен к морфологическому типу *Adj+irret*.

В хантыйском языке морфологический тип образования наименований месяцев *Adj+N+iki* также продуктивен, имея в своем составе 4 наименования: *aj-wär-iki* ‘месяц маленьких запов’ (*ai* ‘маленький’, *wär* ‘запов’); *oll'o-wär-iki* ‘месяц больших запов’ (*oll'o* ‘большой’, *wär* ‘запов’); *wän-kotl-əw-iki* ‘месяц короткого дня’ (*wän* ‘короткий’, *kotl-əw* ‘день-АТТР’) – «самый короткий день будет, и тогда солнце выйдет и зайдет» [У-4: 63]. Данное наименование возможно также отнести к морфологическому типу *Adj+iki*, поскольку так же, как в случае с селькупским наименованием *karban-kuoli-irret*, хантыйское наименование *wän-kotl-əw-iki* образовано с помощью атрибутивного показателя *-əw*, который присоединяется ко всей сложной основе *wän-kotl* ‘короткий день’. Последнее наименование хантыйского языка, относящееся к морфологическому типу *Adj+N+iki*, – это *wäləy-juy-iki* ‘месяц голых деревьев’. Основы данного наименования: *wäləy* ‘голый’, *juy* ‘дерево’.

8. Последний морфологический тип, образованный с помощью основ имен прилагательного и существительного, был обнаружен только в хантыйских

календарных наименованиях и не встретился в наименованиях «месяцев» селькупского календаря – это *Adj+N+N+iki*. К данному типу относится наименование *n'ariy-juy-lúwt-iki* ‘месяц сырых листьев’, состоящее из нескольких именных основ: прилагательного *n'ariy* ‘сырой’ и имен существительных *juy* ‘дерево’ и *lúwt* ‘лист’. Данные три элемента составляют зависимое вершины – элемента-номинализатора *iki* ‘месяц’, образуя сложную именную основу наименования.

9. Морфологический тип, имеющий в своем составе имя собственное, – тип *N[PROP]+iki/irret*, представлен одним наименованием хант: *Mikol'-iki* (декабрь) ‘Микола-месяц’, сельк: *Mikola-aret* ‘Микола-месяц’. Значение основы данного наименования – имя собственное *Mikol' / Mikola* – иллюстрирует влияние культуры русского населения на культуру и традиционный календарь хантов и селькупов, хотя для обозначения того же сезона (соответствующего декабрю) ханты и селькупы также пользовались другими наименованиями.

Два морфологических типа в хантыйском языке были образованы с помощью числительных. В селькупском традиционном календаре подобных наименований не обнаружено.

10. Первый тип *Num+iki* состоит из одного наименования *kotmot-iki* ‘шестой месяц’. Основа данного наименования состоит из порядкового числительного *kutmət* ‘шестой’ и обязательного элемента-номинализатора *iki*.

11. Второй тип *Num+N+N* состоит из наименования *javat-putim-ketim* ‘семь котлов варим’ (*javat* ‘семь’, *put-im* ‘котел-АТТР’, *ketim* ‘последний’).

Итак, в результате проведенного анализа календарных наименований месяцев (11 в хантыйском языке и 10 в селькупском языке), образованных с помощью именных основ, нами было выявлено 11 морфологических типов. Наиболее продуктивным типом в восточных диалектах хантыйского языка явился тип *N+iki*, обнаружив 7 наименований «месяцев». Наиболее продуктивным типом в южных диалектах селькупского языка явился тип *Adj+irret*, содержащий 9 наименований. В целом способы образования наименований месяцев для двух языков, принадлежащих к одному морфологическому языковому типу –

агглютинативному, демонстрируют универсальность строения. Однако в хантыйском языке можно наблюдать большее разнообразие морфологической структуры наименований, а также составляющих их компонентов.

2.4.3 Номинализованные конструкции с глагольными основами

Кроме именных основ, восточные диалекты хантыйского языка и южные диалекты селькупского языка обнаруживают наименования календарных «месяцев», включающие в себя глагольные основы, которые могут состоять из финитных и нефинитных форм. В зависимости от морфологического состава наименования, содержащие глагольные основы, также были отнесены нами к определенным морфологическим типам, которые представлены в таблице 2.2.

Таблица 2.2 – Номинализованные конструкции с глагольными основами в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка

Морфологический тип	Хантыйские модели образования календарных наименований	Кол-во	Селькупские модели образования календарных наименований	Кол-во
1	-		V+irret	1
2	V[IMPP]+iki	1	-	
3	N+V[IMPP]+iki	4	N+V[IMPP]+irret	6
4	N+N+V[IMPP]+iki	3	-	
5	N+N+V[INF]+iki	2	N+N+V[INF]+irret	1
6	-		N+V[FIN]+irret	2
7	N+N+V[FIN]+iki	1	-	
	Всего	11	Всего	10

1. К первому морфологическому типу с глагольными основами мы отнесли тип *V+irret*, к которому принадлежит наименование *matirsa-irret* ‘в тайгу идти надо’, состоящее из основы глагола *охотиться*: *mate-* ‘охотиться’, суффикса переходности *-r*, деривационного аффикса *-sa* и номинализатора *irret*.

2. В хантыйском календаре обнаружено наименование, образованное с помощью нефинитной формы глагола, – тип *V[IMPP]+iki* – *jintə-iki* ‘вода разливается, воды много’. Данное наименование состоит из глагольной основы в

форме причастия *jin-tə* ‘пить воду-ІМРР’ и обязательного элемента-номинализатора *iki* ‘месяц’.

3. Наиболее продуктивным морфологическим типом, содержащим глагольные основы, является тип $N+V/[ІМРР]+iki$, обнаруживший 4 календарных наименования в хантыйском языке. Например, основа наименования *сентябрь* *n'ogot-kunthutə-iki* ‘месяц гона лосей’ номинализована с помощью элемента *iki* из сочетания имени *n'og-ot* ‘лось-PL’ и глагольного имени *kunthu-tə* ‘гнать-ІМРР’ в форме имперфектного причастия. К данному типу также относятся такие наименования, как *jaγ-kut'kult't-iki* ‘народ охотится’ (*jaγ* ‘народ’, *kut'kul-t'ə* ‘охотиться-ІМРР’); *tälek-kolatə-iki* ‘месяц окончания зимы’ с основами *tälek* ‘зима’ и *kola-tə* ‘заканчиваться-ІМРР’, обозначающими конец сезона; а также наименование *torəm-pattə-iki* ‘месяц холодной погоды’, состоящее из основ *torəm* ‘верховное божество хантов Торум, погода, небо’ и *pat-tə* ‘замерзать-ІМРР’.

В селькупском языке данный морфологический тип ($N+V/[ІМРР]+irret$) также является наиболее продуктивным и обнаруживает 6 наименований. Два наименования, обнаруженные в разных южных диалектах селькупского языка, связаны со сбором ягод:

кет. *tʃopiritaktindi-iret* ‘ягоды-сбора месяц’

<i>tʃopir</i>	<i>itakti-ndi</i>	<i>iret</i>
ягода	собирать-ІМРР	месяц

об. *tʃobor-wadespedel-arét* ‘ягоды-сбора месяц’

<i>tʃobor</i>	<i>wadespe-del</i>	<i>arét</i>
ягода	собирать-ІМРР	месяц

Наименование *n'udzipad'itindi* ‘сенокоса месяц’, зафиксированное в архивных материалах без номинализатора *irret*, состоит из основ *n'udz* ‘сено’, *ipad'iti-ndi* ‘косить-ІМРР’.

К данному типу также относятся наименования:

нарым. *tʃabla-al'tʃeʃpedel-arét* ‘месяц, когда падают листья’

<i>tʃab-la</i>	<i>al'tʃeʃpe-del</i>	<i>arét</i>
листья-PL	падать-ІМРР	месяц

нарым. *tʃobor-orweʃpedel-arét* ‘месяц, когда растет ягода’

<i>tʃobor</i>	<i>orweʃpe-del</i>	<i>arét</i>
ягода	расти-IMPP	месяц

нижнекет. *töpan-mizakunta* ‘ягода поспела’

<i>töpan</i>	<i>mizaku-nta</i>
ягода	поспеть, стать готовым -IMPP

4. Еще один морфологический тип, выделенный в наименованиях только хантыйского календаря, – $N+N+V[IMPP]+iki$, состоит из двух основ имен существительных и глагола в форме имперфектного причастия. Здесь были обнаружены следующие наименования: *juʃ-liwa-taʃəm-tə-iki* ‘месяц желтой листвы’

<i>juʃ</i>	<i>liwa</i>	<i>taʃəm-tə</i>	<i>iki</i>
дерево	лист	расцветать-IMPP	месяц.

Второе наименование данного типа – *ram-jar-joʃotə-iki* ‘сено косят’

<i>ram-jar</i>	<i>joʃotə</i>	<i>iki</i>
сено-луг	Косить-IMPP	месяц.

Еще одно наименование описываемого морфологического типа – *wont-wajax-tälkemte-iki* ‘месяц подготовки таежного зверя к зиме’

<i>wont</i>	<i>wajax</i>	<i>tälkem-te</i>	<i>iki</i>
тайга	зверь	стать зимним-IMPP	месяц.

5. Следующим типом образования наименований «месяцев», встречающимся в обоих рассматриваемых диалектах, является тип $N+N+V[INF]+iki / N+N+V[INF]+irret$. В хантыйском языке обнаружено два наименования, соответствующих этому типу. Одно из них – *juʃ-liwa-kaʃamata-iki* ‘месяц желтой листвы’. Данное наименование составное, образованное из основ имен существительных *juʃ* ‘лес’ и *liwa* ‘лист’, а также инфинитива глагола *kaʃamata-tä* ‘засохнуть-INF’. Второе наименование, образованное по данному морфологическому типу, – *jomänʃiʃ-ʃäyitə-iki* ‘месяц сбора ягод’. Данное наименование включает в себя сочетание следующих основ: имена *jom* ‘черемуха’

и *änfiy* ‘шиповник’, инфинитив глагола *ifäyi-tä* ‘собирать-INF’, и обозначает вид деятельности – сбор ягод в определенный сезон.

В селькупском календаре одно наименование образовано по данной морфологической модели – *nufam-ifab'-täkuŋ-irret* ‘трава шелестит и листья желтеют’.

<i>nuf-am</i>	<i>ifab'</i>	<i>täku-ŋ</i>	<i>irret</i>
трава-ACC	лист	зарывать-PRS.3SG	месяц

6. К морфологическому типу *N+V[FIN]+irret* относятся следующие наименования. Первое – *t'äbla-piŋgäli-irret* ‘месяц опадания листвы’ с основой *t'äb-la* ‘листья-PL’ и глагольной основой *piŋgäli* (*piŋgäligu* ‘сыпаться’). Второе наименование сезона в данной группе – *teprin-musakupte-irret* ‘месяц, когда ягода поспекает первой’. Данное наименование имеет в своей структуре сложную организацию, что не является типичным для календарных наименований рассматриваемых нами языков.

<i>tepri-n</i>	<i>musa-ku-pte</i>	<i>irret</i>
ягода-GEN	поспеть-ITER.IPFV-SUBz	месяц

В данном примере элемент-номинализатор *irret* присоединяется к посессивной конструкции с вершиной в виде глагольного имени ‘поспевание’ и модификатором-обладателем ‘ягода-GEN’. Хотя сама такая конструкция и нередка для селькупского языка, в календарных наименованиях она больше не встречается.

7. Еще один морфологический тип наименований хантыйского календаря образован с помощью финитной глагольной формы – тип *N+N+V[FIN]*. Он представлен наименованием *jom-enfiy-ponfaŋan-iki* ‘месяц поспеваания ягоды’.

<i>jom</i>	<i>enfiy</i>	<i>ponfa-ŋan iki</i>
черемуха	шиповник	поспеть-PST0.3SG
		месяц

Таким образом, нами было проанализировано **10** хантыйских и **11** селькупских календарных наименований, образованных с помощью глагольных основ и отнесенных к 7 различным морфологическим типам. Наименований,

образованных с помощью глагольных основ, меньше, чем образованных с помощью именных основ в обоих рассматриваемых языках. Наиболее продуктивным способом образования наименований календарных «месяцев» с помощью глагольных основ явился тип *N+V[импр]+iki / irret*, при котором слова состоят из основы имени существительного, а также глагольной основы в форме имперфектного причастия. Общее число проанализированных наименований календарных «месяцев», образованных путем словосложения с добавлением номинализатора, составляет около 62 % от общего числа единиц календарно-временной лексики в обоих языках (69 из 110).

Выводы по главе II

Данный раздел был посвящен морфологическому анализу календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка.

Был рассмотрен временной фрейм, в который вошли такие наименования, как *год, полгода, месяц, неделя*, названия *дней недели, день, ночь, сутки, полночь, полдень, утро и вечер*, а также наименования календарных «месяцев». Было установлено, что как в целом, так и в части календарной лексики словообразовательные модели хантыйского и селькупского языков схожи. Наиболее распространенным способом именного словообразования является словосложение, которое и присуще подавляющей части календарных наименований.

Вся календарно-временная лексика была отнесена к нескольким категориям существительных: непроизводная лексика (9 % от общего числа проанализированных наименований), куда вошли такие хантыйские существительные, как *al* ‘год’, *iki* ‘месяц’, *qotl* ‘день’; *aj, joʒan* ‘ночь’; *äləŋ* ‘утро’; *ät, itən* ‘вечер’.

К календарно-временной лексике, образованной суффиксальным способом, были отнесены такие селькупские существительные, как *pod, pot* ‘год’; *iret, irret, aret* ‘месяц’; *tfelt, tel* ‘день’; *pet, pit* ‘ночь’; *kart* ‘утро’; *üdyt, ütet, üdät* ‘вечер’. Доля существительных, образованных суффиксальным способом, составила 14 %.

Более продуктивным способом образования календарно-временной лексики оказалось словосложение (22 %), с помощью которого образованы следующие хантыйские и селькупские существительные: хант. *al-peləq* ‘полгода’, сельк. *pot-pile, pot-peleka* ‘полгода’; хант. *iki-jäwə* ‘неделя’, сельк. *nadel* ‘неделя’; хант. *wan-qotl* ‘суббота’, *torəm-qotl* ‘воскресенье’, сельк. *nu-tfelt* ‘воскресенье’, *üdzə-dəl* ‘рабочий день’; хант. *aj-jor, aj-peləq, joʒan-jor, joʒan-peləq* ‘полночь’; сельк. *pin-djnözhe, pin-dzamb* ‘полночь’; хант. *qotl-jor / qotl-peləq* ‘полдень’, сельк. *tfel-dzamb* ‘полдень’; хант. *ajʒən-qotlyən* ‘сутки’, сельк. *tfelt aj pin* ‘сутки’.

Календарные наименования «месяцев», доля которых составила 69 % от общего числа наименований, входящих в календарно-временную лексику, образованы путем сложения основ с добавлением номинализаторов *iki / irret*. Они были отнесены к различным морфологическим типам. Некоторые из данных морфологических типов, такие как *N+iki/irret*, *Adj+iki/irret*, *Adj+N+iki/irret*, *N+V[IMPP]+iki/irret*, *N+N+iki/irret*, *N+N+V[INF]+iki/irret* встретились в обоих рассматриваемых языках; типы *N* (1 наименование), *N+N+N+iki* (1 наименование), *N[prop]+iki* (1 наименование), *Adj+N+N+iki* (1 наименование), *Num+iki* (1 наименование), *Num+N+N* (1 наименование), *V[IMPP]+iki* (1 наименование), *N+N+V[FIN]+iki* (1 наименование), *N+N+V[IMPP]+iki* (3 наименования) были обнаружены только в хантыйском языке; типы *V+irret* (1 наименование), *N+V[FIN]+irret* (2 наименования), *Adj+Adj+irret* (1 наименование) характерны исключительно для селькупского языка.

**Глава III СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НАИМЕНОВАНИЙ КАЛЕНДАРНЫХ «МЕСЯЦЕВ»
ВОСТОЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА
И ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА**

§ 3.1 Ключевые особенности традиционной культуры хантов и селькупов

В данной работе нами поставлена цель рассмотрения календарно-временной лексики хантов и селькупов в культурном контексте. Необходимым условием для выполнения данной цели является рассмотрение особенностей культуры данных традиционных обществ. В данном разделе нашей работы речь пойдет об истории и культуре хантыйского и селькупского этносов, которые проживали в непосредственном соседстве на протяжении многих лет, в результате чего некоторые особенности хозяйственной деятельности и культуры обрели схожие черты, в то время как другие остались самобытными и неизменными.

Югры, остяки, ханты – названия, использовавшиеся в разное время для обозначения одного и того же этнического сообщества. Самым точным на данный момент является последнее, в котором заложено древнее самоназвание *yanti*, *yante* (северные); *yantay*, *qantəq*, *qantəy*, *qanti-jay* (восточные), южные ханты называли себя *yande*. Возможно, что данное самоназвание восходит к значению ‘народ’, ‘человек’ [Народы западной Сибири, 2005: 58]. В советское время оно стало официальным названием этноса, но в зарубежной научной литературе по сей день употребляется и прежнее – «остяк». Этимология данного этнонима имеет разные объяснения, по одному из которых данный термин возводится к самоназванию *as-jay* ‘обские люди’. [Кулемзин, Лукина, 1992: 6]. В XVII – XIX вв. это название применялось к разным народам Западной Сибири: помимо хантов, в отношении к селькупам и кетам. Среди самих хантов слово «остяк» имело незначительное распространение [Терешкин, 1967: 4].

Как было сказано выше, название «остяк» также применялось и в отношении к селькупам. В дореволюционной литературе они именовались «остяками-

самоедами». Это название, до сих пор используемое рядом зарубежных исследователей, отражает генетическую близость селькупов, с одной стороны к самодийцам (энцам, ненцам, нганасанам), с другой стороны, конечно, ареальную близость к хантам [ОчСЯ, 1980: 7].

В исследовательской традиции хантыйского языка и культуры принято подразделение хантыйского этноса на три большие группы – северную, южную и восточную. Эти группы демонстрируют значительные отличия в культуре и языке. Тем не менее, значительный общекультурный пласт объединяет все группы в единый этнос – *yante* (*qantəy-jay*), принадлежащий к обско-угорской ветви угро-самодийской этноязыковой общности [Лукина, 2009: 70].

Название *селькупы* было введено в отечественную научную литературу с 1930-х гг. Первоначально оно было принято только северной группой селькупов, а на территории Томской области среди южной группы оно привилось только в последние три десятилетия, но все же большая часть томских селькупов не воспринимает его в качестве самоназвания, полагая его книжным, научным или официальным. В отличие от него, термин «остяк» употребляется не только в быту и разговорной речи, но и в учетных документах, актовых записях и т.д. «Остяками» именовались селькупы Среднего и Томского Приобья в статистических источниках и историко-географической литературе XIX в. Северные селькупы в этих источниках и литературе обычно фигурировали под именем «остяки-самоеды». Селькупы, живущие в бассейне р. Тым, Васюгана, Парабели и по Оби ниже Нарыма, называют себя *fumil-qup* ‘земляной человек’, жители бассейна Средней и Верхней Кети – *sjussi-qum*, живущие по Оби выше Нарыма – *shösh-qum* ‘таежный человек’, обитатели низовьев р. Чулым – *tjuj-qum* [Народы западной Сибири, 2005: 305].

Этноним *селькупы* восходит к самоназванию северных селькупов *šöl'-qup*, *söl'-qup*, представляющее собой сложное слово, в котором одна часть *šöl'* означает ‘лесной’ или *söl'* ‘земляной’, другая – *qup* ‘человек’ [Тучков, 2002: 113].

Мы считаем, что многие аспекты жизнедеятельности, материальная культура и ведение хозяйства хантов и селькупов обнаруживают многочисленные сходства

ввиду их проживания в одном географическом ареале и постоянного контактного взаимодействия. Более того, наиболее важные аспекты жизнедеятельности обязательно отражались в традиционном календаре хантов и селькупов. Рассмотрим и сравним некоторые из данных аспектов.

Промысловое хозяйство. Проживание в схожих климатических и географических условиях повлияло на то, что и ханты, и селькупы в основном занимались речным рыболовством и охотой, а в условиях северной тундры также оленеводством. В зависимости от местных условий на первый план выступало либо рыболовство, либо охота или оленеводство, а остальными видами промыслового хозяйства занимались в меньшей степени. Например, у хантов, обитавших на притоках Оби (Казым, Сосва, Вах, Юган, Аган), основным занятием было рыболовство, а жители верховьев рек занимались обычно охотой. Северные ханты занимались в основном оленеводством, охота и рыболовство играли второстепенную роль [Тучков, 2002: 104]. Исходя из определенной разницы в соотношении рыболовства и охоты, у селькупов, например, существовало разделение на лесных жителей – *mazil-qup*, обитавших на обских протоках, и обских – *kolta-qup*. Хозяйство обских селькупов (*kolta-qup*) было ориентировано, главным образом, на добычу в р. Оби рыбы ценных пород. Система жизнеобеспечения лесных селькупов (*mazil-qup*) основывалась на охотничьем промысле [Тучков, 2002: 114].

Речное рыболовство как хантов, так и селькупов носило круглогодичный характер. Ханты с низовьев рек из своих селений выезжали на Обь для сезонной рыбной ловли. Перед началом ледостава они с семьями возвращались на свое зимнее местожительство, где продолжали заниматься охотой и зимней рыбалкой на мелких речках и озерах. Запасы добытой рыбы далеко превосходили личные потребности, поэтому часть добычи ханты продавали. Рыбный сезон у селькупов делился на «малый промысел» до спада воды и обнажения песков, и «большой промысел» после обнажения песков, когда практически все население переходило на «пески» и добывало рыбу сетями. На озерах ставили различные ловушки. Практиковался подледный лов рыбы. В определенных местах в устьях притоков

как селькупы, так и ханты ежегодно устраивали весенние запоры из кольев [Народы западной Сибири, 2005: 317].

Охотничий промысел как хантов, так и селькупов состоял из охоты на мясного и пушного зверя. Основную роль играл пушной промысел, который имел товарное значение. На первом месте стояла добыча белки и соболя. В некоторых районах добывали бобра. Охота носила сезонный характер. Начиналась она с конца сентября, когда выпадал первый снег, и продолжалась до половины декабря – первый сезон. Второй сезон начинался с середины января и длился до середины апреля [Народы западной Сибири, 2005: 82]. Со вскрытием рек ханты перебирались на места рыбного промысла.

Основными промысловыми животными селькупов были лось, белка, горноста́й, колонок, соболь. На лося охотились ради мяса. Иногда также охотились и на медведя. В Тазовской тундре значительное место в охоте занимал промысел песца. Современный охотничий промысел развит, главным образом, у северных селькупов. Среди южных селькупов профессиональных охотников-промысловиков уже практически нет [Народы западной Сибири, 2005: 82].

Объектами охотничьего промысла как хантов, так и селькупов также служила боровая и водоплавающая дичь. Боровую птицу добывали ловушками, преимущественно осенью. Добытую птицу заготавливали впрок. На водоплавающую птицу охотились весной, во время перелета, и летом, во время линьки.

Под влиянием русского населения у селькупов и хантов появились новые виды хозяйства; некоторые группы хантов стали выращивать картофель и овощи, южные селькупы стали разводить домашних животных: лошадей, коров, свиней, овец, домашнюю птицу [Тучков, 2002: 114]. По некоторым сведениям, навыки скотоводства (коневодства) были известны предкам южных селькупов еще в начале I тыс. н.э. [Народы западной Сибири, 2005: 84]. Животноводство у хантов было развито слабо. Некоторые семьи держали лошадей, овец, домашнюю птицу. Незначительным было количество коров. Лошадьми пользовались только зимой, а летом отпускали их на вольный выпас.

Земледелие существовало только у иртышских хантов. Из зерновых культур сеяли ячмень. Поля обрабатывали мотыгами, колосья срывали, вместо молотьбы – обжигали. Большое значение имело для хантов собирательство. В начале XX в. как селькупы, так и ханты стали заниматься огородничеством.

Как мы видим из описания основных видов промыслового хозяйства, ключевыми являлись охота и рыболовство. Именно они наиболее часто встречаются в наименованиях «месяцев» традиционного календаря хантов и селькупов, описание и анализ которых представлены в следующих разделах.

Средства передвижения. Еще одним ключевым аспектом традиционной культуры хантов и селькупов, также отраженной в наименованиях «месяцев», являются средства передвижения. Традиционными средствами передвижения у хантов и селькупов являлись оленье (на севере) и собачьи (на юге) нарты, а также лыжи (капусные и голицы) и лодки. Летом для передвижения по воде пользовались осиновыми лодками-долбленками – обласками, дощатыми лодками-неводниками, большими лодками с каютами, крытыми берестой. Есть сведения о бытовании до сер. XVIII в. в основном у южных селькупов и восточных хантов берестяных лодок, чей каркас изготавливался из тальниковых или черемуховых прутьев и сосновых пластин, на которые натягивалось два слоя бересты [Лукина, 1966: 114]. В настоящее время распространены моторные лодки, снегоходы, мотонарты [Лукина, 1985: 18–36].

Жилища. Некоторые виды жилищ у хантов и селькупов обнаруживают значительные сходства, но индивидуальные особенности также наблюдались. Как у хантов, так и у селькупов были распространены чумы. Ханты-оленоводы жили в чумах, технология построения которых (как вся оленеводческая технология в целом) была заимствована у ненцев. Зимний чум покрывается нюками – покрышками из оленьих шкур, летний – полотнищами бересты. Сейчас чум покрывается брезентом. Чум широко использовали на сезонных поселениях и при организации продолжительной сезонной рыбной ловли. В центре чума располагается костер-очаг, пол в летнем чуме был чаще земляной, в зимнем –

делался из досок. Постелью служили олени шкуры, которые располагались на веточных и травяных циновках [Кулемзин, Лукина, 1992: 34].

Если ханты- и селькупы-оленоводы живут в чумах, то большинство таежных хантов и селькупов живут в постоянных поселениях, состоящих из стационарных домов. В долговременных зимних стационарных поселениях, состоявших из пятидесяти и более «домов», традиционным жилищем были полуземлянки различной конструкции (хант. *miyqat*, сельк. *karamo*) — двухкамерная, углубленная в землю постройка, стены которой имеют каркасно-столбовую конструкцию с входом через крышу. Бревенчатая крыша дополнительно перекрывалась берестой и засыпалась землей. Отопительным сооружением служил очаг или чувал, основу которого составлял остов из жердей, обмазанных глиной [Народы западной Сибири 2005: 85, 332]. Как правило, селения располагались на некотором расстоянии друг от друга [Народы западной Сибири, 2005: 85].

Кроме того, как у хантов, так и у селькупов были распространены разнообразные сезонные жилища – каркасные, из жердей, крытые корой деревьев или берестой, которые имели форму получума или заслона-шалаша прямоугольной формы. В нем помещалась вся семья [Тучков, 2002: 107]. Около шалаша постоянно поддерживался огонь – костер, на котором варили пищу, вываривали рыбий жир. На зимнем промысле охотники жили в избушках, шалашах, навесах или в снежных ямах, крытых плахами, еловыми ветками или берестяными полотнищами. У селькупов были также распространены полуземлянки усеченно-пирамидальной формы, похожие на хантыйские, каркасные наземные жилища с вертикальными стенами, землянки и полуземлянки срубной конструкции с плоской либо двускатной крышей [Кулемзин, Лукина, 1992: 40].

В настоящее время часть промыслового населения хантов живет в традиционных селениях как постоянного, так и сезонного типа. А у селькупов широкое распространение получили русские срубные избы.

Традиционная одежда. Зимняя одежда у северных групп хантов и селькупов состояла из малицы (распашная шуба из оленьих шкур, заячьего меха, беличьих и

лисьих лапок, которая одевалась мехом внутрь) и парки (мехом наружу). Женские шубы других, более южных групп хантов и селькупов часто шились из заячьих и беличьих шкурок, беличьих лапок, оленьих ушей и обрезков оленьего меха. Под парку мужчины надевали рубахи, сшитые из покупной ткани, штаны из ровдуги, а женщины – домотканые платья. Летней мужской одеждой северных оленеводов служили старые малицы или суконные верхние одежды с капюшоном. У южных / восточных групп летней одеждой был короткий халат из грубого сукна. Иногда летняя одежда шилась из брезента в виде плаща. Шили одежду из разных материалов: меха, шкурок зверей, рыбьей кожи, замши (ровдуги), тканей – сукна, хлопчатобумажных, реже шелковых. Такие ткани, как сукно, шелк, бархат, некоторые хлопчатобумажные ткани покупали или выменивали у купцов. В старину ткали холст из крапивы и конопли и шили из него одежду. Это было свойственно хантам Средней Оби, Казыма, Васюгана, Югана, а особенно Иртыша, Демьянки, Конды, Салыма [Народы западной Сибири, 2005: 109]. Как и у хантов, у селькупов особо ценилась ровдуга и рыба кожа, однако уже к XIX в. такая одежда вышла из употребления [Народы западной Сибири, 2005: 341].

В отличие от традиционной одежды хантов, одежда селькупов была без каких-либо ярких вышивок и украшений. Еще в дореволюционное время она уже утратила свою самобытность и находилась под сильным влиянием русской привозной одежды [Прыткова, 1970: 82]. Кроме меха (оленя, зайца, белки, собаки), к основным материалам для изготовления традиционной одежды селькупов в прошлом относилась кожа.

Как основной вид промысловой одежды в XIX – начале XX вв. у южных и северных селькупов бытовала легкая короткая шуба, которая по-русски называлась *кырняжка* и шилась из меха оленя. Другую верхнюю промысловую одежду шили из сборного меха. Для нее характерны меховой подклад (ворсом внутрь) из камусов мелких пушных зверьков (соболь, белка, горностаи). Длина шубы для взрослых мужчин – ниже колен, у женщин – до щиколотки [Пелих, 1972: 41–42].

Полное и окончательное вытеснение хантыйской и селькупской традиционной одежды самодельного производства произошло за период с конца XIX до середины XX в. Вытеснение традиционной одежды происходило в два этапа: сначала одежду национального покроя начали шить из покупных материалов, а затем одежду стали покупать. В настоящее время покупная одежда является основной для большинства хантыйского и селькупского населения (за редким исключением отдельных районов, например хантов Югана), искусство изготовления сборного меха утрачено, забыты многие детали и покррой национальной одежды. Юганские ханты, до сих пор ведущие традиционный образ жизни, более привержены традициям в одежде. Они сохранили почти полностью женский костюм, мужскую промысловую и детскую одежду [Одежда, пища и посуда хантов. Режим доступа: <http://www.spdntv.ru/index.php?s=52>].

Религия. Несмотря на давнюю христианизацию и хантов и селькупов, до настоящего времени у них продолжают существовать тотемистические и анимистические представления об окружающем мире. Как у селькупов, так и у хантов предками родов и фратрий считались животные и птицы, реже растения и насекомые. Животное-тотем нельзя было убивать. Если его убивали, то с соблюдением различных церемоний. У многих родов хантов тотемами были белая зайчиха у фратрии «пор», медведь у фратрии «мось». По хантыйским мифам, медведь считался сыном верховного бога Торума – бога Верхнего Мира. Каждый род почитал своих родовых тотемов [Кулемзин, Лукина, 1992: 88]. Как в селькупской, так и в хантыйской традиции каждый род также имел свои жертвенные места-святилища с изображением покровителя рода, местных шаманов из представителей рода, свое родовое кладбище. В случае смерти человека на чужой земле сородичи обязаны были доставить его и похоронить на родовом кладбище [Пелих, 1972: 62].

Основной обязанностью шамана как у хантов, так и у селькупов было лечение. В случае болезни ханты и селькупы обращались к шаманам, духи которых вступали в борьбу со злыми духами болезней.

Из приведенного выше краткого описания особенностей традиционной культуры, промыслового хозяйства, типов традиционных жилищ, средств передвижения и одежды, а также религиозных представлений хантов и селькупов очевидны несколько положений. Во-первых, очевидны значительные сходства, отражающие, с одной стороны, идентичность контекста существования культур, с другой стороны – взаимовлияние в результате длительных контактов, а также параллельное одновременное контактное влияние со стороны третьих культур (как в случае параллельного заимствования оленеводческих технологий у ненцев, или административных аспектов у сибирских тюрок (татар), или позднего параллельного влияния русских технологий, религиозных и административных норм). Очевидно, что хантыйская и селькупская культуры очень близки и имеют большое количество нетривиальных соответствий. Во-вторых, очевидно, что традиционная организация жизни, экономика, ремесла, религия находятся в тесной взаимосвязи, а также в тесной связи и обусловленности местными природно-климатическими особенностями.

В следующем разделе данного исследования мы рассмотрим наименования календарных «месяцев», составляющих хантыйский и селькупский традиционные календари, проанализируем их семантику, а также выделим общие для обоих языков тематические группы. Предположительно календарные наименования, так же, как вышеперечисленные культурные компоненты, такие как жилища, средства передвижения, религия и т.д, во-первых, мотивированы местной экологической ситуацией и, во-вторых, обнаруживают сходные наименования.

§ 3.2 Календарь в традиционной культуре хантов и селькупов

При изучении культуры и быта традиционных охотников и рыболовов, а именно хантов и селькупов, становится понятно, что время и календари играют важную роль в их повседневной жизни, и в описаниях ключевых аспектов культуры, наряду с описанием таких важных составляющих, как быт, одежда, жилища, обнаруживаются и описания календарных циклов [Дульзон, 1953; Пелих, 1972; Castren, 1855; Кузьмина, 1977; Кулемзин и Лукина, 1977].

Во многом календарные системы народов, живущих в Западной Сибири, похожи на то, каким образом были устроены системы времяисчисления у многих других народов и цивилизаций. Из имеющихся описаний известно, что в хантыйской и селькупской культурах начало месяцев и смена сезонов и полугодий объявлялись обычно шаманами – людьми, наилучшим образом знавшими природу и ее особенности. Календари являлись достаточно относительными, так как были связаны с относительными изменениями в природе, которые, как известно, не могут происходить в одни и те же дни из года в год. Яркой особенностью традиционных календарей является то, что они были локальными и отражали только местную специфику. Поэтому календарные наименования могли различаться от деревни к деревне, а также могли меняться с течением времени [Harrison, 2007: 70].

Календарь хантов и селькупов построен на исчислении лунных циклов. Так, например, год в хантыйском календаре состоит из двух полугодий («года-лета» и «года-зимы») и четырех сезонов: *lõŋ* (вах.), *jõŋ* (вас.) ‘лето’; *sũŋəs* (вах., вас.) *sũŋəs* (аг., тр.-юг.), *sũwəs* (юг.) ‘осень’; *tələŋ* (вах., вас.), *tuləŋ* (аг., юг., тр.-ег.) ‘зима’; *toŋi* (вах., вас.), *təŋi* (тр.-ег.), *taŋi* (аг.) ‘весна’. Поскольку два из них – зима и лето – считаются основными и часто характеризуются как отдельные годы, ритуально отмечается два «новых года», а количество лет при подсчетах зачастую удваивалось. Ханты ритуал встречи лета посвящали владыке неба и тепла Торуму, осенний обряд «перехода на темную сторону» – хозяину преисподней Ильтамувен Ики [Народы западной Сибири, 2005: 111]. Астрономический год делился на двенадцать постоянных месяцев, а тринадцатый месяц добавлялся раз в несколько лет. Отсчет каждого месяца велся с новолуния, отмечавшегося жертвоприношениями.

Для определения круглого года используется словосочетание *tal'-lun* (зима-лето), хотя есть и особое понятие ‘года’ *al* (вас.) [У-5: 27]. Скорее всего, данное понятие было заимствовано из русской культуры, когда появилась необходимость соотнести свою хозяйственную деятельность с русским хозяйственным и административным циклом.

Селькупский 'год' *pod* (об.), *pot* (кет.) также делился на полугодия и сезоны: 'зима' *kat* (об.); 'весна' *öd* (об.), *öt* (тым.); 'лето' *tayit* (об.), *tayin* (кет.); 'осень' *arat* (об.), *aran* (кет.). Начало летней половины года определялось моментом прилета водоплавающих птиц, в частности уток. Его отмечают целым комплексом ритуальных действий, называемых праздником Порый Апсэ [Народы западной Сибири, 2005: 376]. За несколько дней до начала праздника происходила массовая охота на первых уток, в которой принимали участие все жители. Убитых птиц приносили к домам и развешивали на деревьях в ожидании торжества. В канун зимнего полугодия проводилось торжество Шурпенда Сюркында, символизировавшее «похороны лета» или «проводы уток». В данном случае также организовывались 3–7-дневные общинные сборы, сопровождавшиеся жертвоприношениями, ритуальными трапезами, шаманскими камланиями, плясками [Народы западной Сибири, 2005: 379].

Из приведенного выше описания становится понятно, что календари хантов и селькупов, с одной стороны, во многом схожи с календарями других народов – они делят годовой цикл на периоды, позволяющие людям ориентироваться во времени. С другой стороны, данные календари являются не универсальными, а локальными, так как отражают именно местные экологические или бытовые особенности. Календарь воспринимается носителями как единая упорядоченная система, фрейм, элементы которого мотивированы традиционной культурой и хозяйственной деятельностью. Рассмотрим наиболее длительные периоды, на которые делился хантыйский и селькупский год – год-лето и год-зиму, а также проведем семантический анализ календарно-временной лексики, а именно наименований календарных «месяцев», составляющих годовой календарный цикл в обеих культурах с выделением общих тематических групп.

3.2.1 Сопоставительный семантический анализ наименований календарных «месяцев», входящих в год-лето хантов и селькупов

3.2.1.1 Год-лето у восточных хантов

Начало года-лета хантов связано с наступлением весеннего равноденствия. В календаре хантов апрель называется *urn-iki* (вас.) ‘месяц ворон’. Наименование состоит из основы *urni* ‘ворона’, а также обязательного элемента *iki* ‘месяц’. Под основой в данных наименованиях мы будем понимать ядерную часть слова, с которой связано его вещественное лексическое, а также этимологическое значение и которая остается за вычетом из него словоизменительных морфем [Ярцева 1990. Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://www.tapemark.narod.ru/les/353c.html>]. Данное наименование не случайно, так как на седьмой день от новолуния ханты празднуют вороный праздник, символизирующий возвращение солнца и тепла. По примете, если первая прилетевшая ворона сядет на низкое дерево – весна будет скоротечной, если на высокое – затяжной [Народы западной Сибири, 2005: 88]. Именно поэтому данное наименование мы отнесли к тематической группе **природные особенности**.

Май ханты связывают с прилетом водоплавающей птицы, называя его *wesk-iki* (вас.) ‘месяц уток’ (*wä:syk* ‘утка’, *iki* ‘месяц’); *loŋ-wes-iki* (вас.) ‘месяц гуся, утки’ (*lo:nt* ‘гусь’, *wä:syk* ‘утка’, *iki* ‘месяц’); *kotoy-loŋ-wes-iki* (вас.) ‘месяц лебедя-гуся-утки’ (*kotoy* ‘лебедь’, *lo:nt* ‘гусь’, *wä:syk* ‘утка’, *iki* ‘месяц’). Согласно приметам, чем раньше прилетают лебеди, гуси и утки, тем быстрее начинается ледоход. Значение основ данных наименований хантыйского традиционного календаря – миграции, поведение птиц. Но они были отнесены к объединенной тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**, поскольку прилет птиц ознаменовывал не только начало активной охоты на водоплавающую дичь, но и смену хозяйственной деятельности с зимней на летнюю.

После вскрытия рек ханты переселяются в летние жилища ближе к реке, где начинается промысел рыбы сетями, идет заготовка и устройство запоров на реках

[У-7: 88]. Разлив реки в календаре хантов отмечен несколькими наименованиями. Май-июнь в хантыйском календаре – *koim-iki* (вас.) ‘месяц, когда рыба икру мечет’ (*koim* ‘икромет’, *iki* ‘месяц’). Значение лексической основы – жизненные циклы рыб, и данное природное явление служит сигналом к началу практической деятельности – началу рыболовного сезона, поэтому оно относится к тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность.**

Июню соответствует наименование *jinti-iki* (вас.) ‘большая вода’ (июнь), которое состоит из глагольной основы *jīn-tə* ‘пить воду-ІМРР’ и обязательного элемента-номинализатора *iki* ‘месяц’. Данное наименование было отнесено нами к тематической группе **природные особенности.**

С середины июня из морских вод в Обь устремляются косяки сырка, затем муксун, нельма, пыжьян, налим и осетр. Поэтому месяцы июнь и июль в календаре ханты представлены различными гидролого-рыболовными наименованиями: июнь: *wär-iki* (вас.) ‘месяц запора’ (*wär* ‘запор’, *iki* ‘месяц’); *ai-wär-iki* (вас.) ‘месяц маленького запора’ (*ai* ‘маленький’, *wär* ‘запор’, *iki* ‘месяц’); *oll'o wä:riki* (вас.) ‘месяц большого запора’ (*oll'o* ‘большой’, *wär* ‘запор’, *iki* ‘месяц’). В это время кроме многообразных запоров применялись также сети и неводы и другие средства лова. Каждый из способов предполагает знание природных условий, а главное – поведение воды, особенностей хода промысловых рыб и состояния дна водоема. Например, для сооружения запора необходимо так выбрать время и место, чтобы уже завершился подъем рыбы на нерест в верховья реки, но еще не начался ее скат в низовья; чтобы течение было достаточно умеренным для сохранности запора и достаточно сильным для предохранения воды от застоя и зацветания; чтобы огороженная часть водоема служила не только местом скопления, но и кормовой средой для рыбы [Народы западной Сибири, 2005: 90]. Поскольку все данные наименования действительно отражают особенности хозяйственной деятельности хантов в конкретный период года, мы отнесли их к тематической группе **хозяйственно-трудовая деятельность.**

Разнообразие летней деятельности породило обилие наименований одних и тех же месяцев. Например, июль на р. Пиме и Тромъегане называется *loŋwesiki* (вас.) ‘месяц гусей-уток’, так как в прежние времена в середине июля проводился загон линной птицы [Народы западной Сибири, 2005: 90]. В пос. Озерное в Новом Васюгане также встречаются наименования *ram-jar joŋotə iki* (вас.) ‘месяц покоса’ (*ram* ‘сено’, *jar* ‘луг’, *joŋo-tə* ‘косить-IMPP’, *iki* ‘месяц’) и *ram-jar iki* (вас.) ‘месяц сенокоса’ (*ram* ‘сено’, *jar* ‘луг’, *iki* ‘месяц’) [У-6: 338]. Данные наименования также были отнесены к тематической группе **хозяйственно-трудовая деятельность**.

Летний месяц июнь также отмечен наименованием *juŋ-liwa-tafəmtə-iki* ‘месяц листвы’ (*juŋ* ‘дерево’, *liwa* ‘лист’, *tafəmtə* ‘расцветать-IMPP’, *iki* ‘месяц’). Данное наименование входит в тематическую группу **природные особенности**, так как значение сочетания его основ относится к сезонным изменениям флоры.

Не менее богат календарными терминами и летний период, соотносящийся с месяцем август. Обнаруживается следующее наименование: *n'ariŋ-juŋ-luwt-iki* (вас.) ‘самый зеленый месяц / свежие зеленые листья растут’, состоящее из нескольких именных основ: прилагательного *n'ariŋ* ‘сырой’ и имен существительных *juŋ* ‘дерево’ и *luwt* ‘лист’. Данное наименование отражает природные особенности сезона, поэтому оно было отнесено нами к тематической группе **природные особенности**.

Еще два наименования в хантыйском календаре соответствуют августу григорианского календаря: *jom-enfiŋ-ponfəŋan-iki* (вас.) ‘месяц поспевания ягоды’ состоящее из основ *jom* ‘черемуха’, *enfiŋ* ‘шиповник’, *ponfə-ŋan* ‘поспеть-PST0.3SG’, *iki* ‘месяц’; а также *n'ogot-kunthutə-iki* (вас.) ‘лоси гуляют’, состоящее из основ *n'og-ot* ‘лось-PL’ и глагольного имени *kunthu-tə* ‘гнать-IMPP’. Данное наименование связано с началом приготовления взрослых самцов лося к брачному сезону, когда они первыми в стаде начинают счищать с рогов пушистую кожицу [Народы западной Сибири, 2005: 91]. Так как оба месяца отражают природные особенности сезона, которые означают начало определенных видов хозяйственной деятельности – сбора ягод и охоты на лосей,

они были отнесены к объединенной тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**.

Промежутком времени, соответствующим григорианскому сентябрю, завершается летнее полугодие хантов. Как и для весенне-летних наименований хантыйского календаря, осенне-зимним календарным терминам свойственна основополагающая связь с природными явлениями – *wäləy-juy-iki* (вас.) ‘месяц оголившихся деревьев’ (*wäləy* ‘голый’, *juy* ‘дерево’, *iki* ‘месяц’); *juy-liwa-kaŷamata-iki* (вас.) ‘листья желтеют’ (*juy* ‘лес’, *liwa* ‘лист’, *kaŷama-tä* ‘засохнуть-INF’). Значения основ этого типа мы отнесли к сезонным изменениям флоры, поэтому данные наименования вошли в тематическую группу **природные особенности**.

Конец сентября – начало октября в хантыйском календаре отмечены наименованием, относящимся к тематической группе **хозяйственно-трудовая деятельность** – *jom-änfiy-fäyitä-iki* (вас.) ‘месяц сбора ягод’. Это наименование включает в себя сочетание следующих основ: имена *jom* ‘черемуха’ и *änfiy* ‘шиповник’, инфинитив глагола *fäyi-tä* ‘собирать-INF’, и обозначает вид деятельности – сбор ягод в определенный сезон.

В данный период года внимание промысловиков поглощено начинающейся охотой на лося, боровую дичь, а также оканчивающимся рыболовством. Данные виды сезонной хозяйственной деятельности также нашли отражение в народном календаре хантов в наименовании *n'ogot-kunhutä-iki* (вас.) ‘месяц гона лосей’.

Итак, год-лето у хантов богат различными наименованиями месяцев ввиду разнообразия видов хозяйственной деятельности, а также меняющихся погодных условий в местах их проживания. Как было показано в данном разделе, наименования, входящие в состав хантыйского года-лета, состоят из основ, отражающих изменения в окружающей среде, а также чрезвычайно важные для хантов виды промыслов и хозяйственной деятельности.

3.2.1.2 Год-лето у южных селькупов

Подобно хантыйскому календарю, описанному выше, начало летнего года у селькупов обычно также приходилось на апрель или май григорианского календаря. При анализе наименований сезона, соответствующего григорианскому месяцу апрель, в селькупском календаре было отмечено наименование: *sebaka irret* (кет.) ‘месяц бурундука’ (*sebaka* ‘бурундук’, *irret* ‘месяц’). Выход бурундука из спячки – событие ежегодное и стабильное. Оно было условным знаком селькупам для смены видов деятельности, в частности для окончания охоты на белку, поэтому мы отнесли данное наименование в тематическую группу **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**. Шкурки бурундука также являлись составной частью сборного меха, который широко использовался селькупам. Кроме того, детская одежда восточных хантов, соседей селькупов, шилась из меха бурундука [Рындина, 1995: 56].

Еще одно наименование, соответствующее месяцу апрель, – *pil'ej-tudil-irret* (кет.) ‘половина на лыжах, половина на голицах’ (*pil'ej* ‘односторонний’, *tudil* ‘голица’, *irret* ‘месяц’). Известно, что лыжи используются селькупам в период зимней и весенней охоты. Иногда в весенний период как селькупы, так и ханты пользовались двумя видами лыж одновременно: голицей для облегчения скольжения и кисовыми лыжами для предотвращения скольжения на подъеме [Колесникова, 2000: 94]. Несмотря на то что основы данного наименования имеют отношение к материальной культуре селькупов (лыжи), оно было отнесено нами в тематическую группу **климатические условия**, поскольку способ их использования в данном случае напрямую связан с изменениями природных и климатических условий.

День, когда на Оби начинался ледоход, воспринимался селькупам как особый момент жизни. С утра все жители поселков выходили к реке и благодарили ее, несли Оби подарки. Весной, садясь впервые в долбленную лодку, смачивали водой из реки лоб себе и своим детям [Тучкова, 2011: 246]. Со вскрытием водоемов ото льда наступало оживление рыбного промысла –

стабильного источника пищеобеспечения как хантов, так и селькупов, хотя рыбу на Оби с ее притоками добывали почти круглогодично и в большом количестве. В данный сезон начинают ловить рыбу сетевыми снастями и плетеными ловушками.

Данный вид хозяйственной деятельности не мог не найти отражения в традиционном календаре селькупов, где, как и в хантыйском календаре, можно обнаружить большое количество наименований, связанных с рыболовной деятельностью. Например апрель-май: *karba irret* (кет.) – ‘запорный месяц’ (*karba* ‘запор’); май: *karban kuoli irret* (верхнекет.) ‘когда весной рыбу добывают в запорах’ (*karban* ‘рыболовный крючок’, *kuoli* ‘рыбий’, *irret* ‘месяц’). Данные наименования относятся к тематической группе **хозяйственно-трудовая деятельность**, поскольку основы, составляющие данные наименования, обозначают способ добычи рыбы. Наименование *qwel-el arét* (нарым.) – ‘рыбий месяц’ (*qwel-el* ‘рыба-АТТР’, *arét* ‘месяц’) – также соответствует месяцу май. Значение основы – жизненные циклы рыб, поэтому оно отнесено к тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**.

Месяцы июнь-июль также представлены разнообразными наименованиями, отражающими жизненный цикл рыб: *kuolaj-pü-irret* (верхнекет.) ‘рыба икру пускает’ (*kuolaj* ‘рыбий’, *pü* ‘икра’, *irret* ‘месяц’), *nuran-mü-irret* (верхнекет.) ‘месяц рыбьих мальков’ (*nuran* ‘малек’, *mü* ‘икра/бисер’, *irret* ‘месяц’), поэтому были отнесены к объединенной тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**, так как в данный период времени рыболовы активно начинали свой промысел.

Интересно, что месяц июнь в селькупском календаре – *atnaj* (кет.) ‘голодный месяц’ (*atnaj* ‘голодный’). Информанты объясняли это так: что «большая вода, и нигде нет рыбы» [С5: 350]. Поскольку данное наименование отражает отсутствие улова в начале летнего промысла, в связи с тем, что вода в реках очень высокая, мы отнесли данное наименование к объединенной тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**.

В разновидностях календарей селькупов, как у хантов, встречается большое разнообразие наименований летних месяцев. Наименования июля в кетском и нарымском диалектах связаны с периодом поспевания ягоды: *tʃobor-orwɛʃpedel-arét* (нарым.) ‘месяц, когда растёт ягода’ (*tʃobor* ‘ягода’, *orwɛʃpe-del* ‘расти-IMPP’, *arét* ‘месяц’), *teprin-musakupte-irret* ‘месяц, когда ягода поспевает первой’ (*tepri-n* ‘ягода-GEN’, *musa-ku-pte* ‘поспеть-ITER.IPFV-SUBz’, *irret* ‘месяц’). Первое наименование относится к тематической группе **природные особенности**, в то время как второе мы отнесли к тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**, поскольку поспевание ягоды связано с дальнейшим сбором.

Июль в кетском диалекте селькупского языка также связан с другим видом хозяйственной деятельности – с покосом сена: *nʹudʒ-ipadʹitindi* (кет.) ‘сенокосный’ (*nʹudʒ* ‘сено’, *ipadʹiti-ndi* ‘косить-IMPP’). Данное наименование мы также отнесли к тематической группе **хозяйственно-трудовая деятельность**.

К тематической группе **смена сезонов / месяцев** было отнесено наименование *taʒan-dʒondʒi-irret* ‘половина лета’, со значением основ *taʒət* ‘лето’, *dʒondʒi* ‘середина’, *irret* ‘месяц’. Предположительно данное наименование соответствует месяцам июль-август, поскольку именно эти месяцы приходятся на середину летнего полугодия селькупов; но, к сожалению, в существующих источниках подтверждения этому найти не удалось: данное наименование было зафиксировано без указания эквивалента месяца григорианского календаря.

Если обратить внимание на временной промежуток, соответствующий месяцу август, то также можно обнаружить множество вариантов его наименования в селькупском календаре, так же, как и в хантыйском. Это обусловлено тем, что сам период относится к межсезонью, когда основная рыбалка уже завершена, а зимняя охота еще не началась. В этот период деятельность селькупов разнообразна, и в отдельных регионах выделялись наиболее производительные формы или частые и характерные для данной местности природные явления. Поэтому, например, в пос. Усть-Озерное август называют *sanga-iret* (нижнекет.) – ‘глухариный месяц’ (*sanga* ‘глухарь’, *iret*

‘месяц’). Соответственно, в данной местности охота на глухаря выделялась как приоритетная. Данное наименование отнесено нами к объединенной тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**. Охоту на глухаря ставят в один ряд с другими осенними промыслами селькупов, такими как, например, сбор ягод – *töpanmizakunta-iret* (нижнекет.) ‘ягода поспела’ (*töpan* ‘ягода’, *mizaku-nta* ‘поспеть, стать готовым – IMPP’, *iret* ‘месяц’). Данное наименование было отнесено к тематической группе **природные особенности**.

Еще одним видом деятельности данного периода года был сбор ягоды, о чем свидетельствует наименование *tjabor wadespedel arét* (нарым.) ‘ягоды сбора месяц’ (*tjabor* ‘ягода’, *wadespe-del* ‘собирать-IMPP’, *arét* ‘месяц’), относящееся к группе **хозяйственно-трудовая деятельность**.

Наименования, примерно соответствующие месяцу сентябрь, в селькупском традиционном календаре во многом отражают природные условия, характерные для конкретной территории проживания:

- *nufam-fjab'-täkuŋ-irret* (верхнекет.) ‘трава шелестит и листья желтеют’ (*nuf-am* ‘трава-ACC’, *fjab'* ‘лист’, *täku-ŋ* ‘зарывать-PRS.3SG’, *irret* ‘месяц’);
- *nolgut-iret* (кет.) ‘дожди идут’ (*nolgut* ‘дождь, слякоть’, *iret* ‘месяц’);
- *chochke-irret* (кет.) ‘лист спадает месяц’ (*chochke* ‘лист’, *irret* ‘месяц’);
- *tjabla-al'tjespedel-arét* (нарым.) ‘месяц, когда падают листья’ (*tjab-la* ‘лист-PL’, *al'tjespe-del* ‘падать-IMPP’, *arét* ‘месяц’).

Подобно наименованиям в хантыйском традиционном календаре, значения основ вышеперечисленных наименований, соответствующих сентябрю, мы отнесли к сезонным изменениям флоры и природным явлениям, поэтому данные наименования вошли в тематическую группу **природные особенности**.

Подобно хантыйскому языку, в селькупском было зафиксировано также наименование осеннего месяца сентябрь, связанное со сбором ягоды: *tjopir-itaktindî-iret* (кет.) ‘ягоды-сбора месяц’ (*tjopir* ‘ягода’, *itakti-ndî* ‘собирать-IMPP’, *iret* ‘месяц’). Сбор ягод в определенный сезон отражает важный вид хозяйственной деятельности селькупов в определенной местности, поэтому

данное наименование было отнесено к тематической группе *хозяйственно-трудовая деятельность*.

К летнему полугодию селькупского традиционного календаря также относится наименование *arra-irret* (кет.) – ‘осенний месяц’ (*arra* ‘осенний’, *irret* ‘месяц’), входящее в группу *смена сезонов / месяцев*.

Летнее полугодие в селькупском традиционном календаре представлено разнообразными наименованиями, отражающими, подобно хантыйским наименованиям, местные природные и климатические условия, а также наиболее важные в данный период года хозяйственные занятия, такие как охота, рыболовство, сбор ягод, покос сена.

3.2.2 Сопоставительный семантический анализ наименований календарных «месяцев», входящих в год-зиму хантов и селькупов

3.2.2.1 Год-зима у восточных хантов

Зимнее полугодие для хантов начиналось в октябре. В календарях обнаруживаются наименования сезонов, соответствующих осенним месяцам октябрю и ноябрю григорианского календаря. Октябрь у хантов: *välig-jugə-iki* (вас.) – ‘лист кончился’, который по данным некоторых информантов также являлся обозначением осенних месяцев сентябрь-октябрь и анализ которого приводился в подразд. 3.2.1.1. Листопад является очень ярким фенологическим явлением, которое таежному жителю невозможно не отметить, и поэтому представляется естественным соотнесение периода листопада с каким-либо видом работ, завершением летнего периода хозяйственной деятельности и началом зимнего.

Другое заметное фенологическое явление – замерзание воды в реках, стабилизация холодной погоды. В регионах проживания восточных хантов с наступлением холодов рыболовство сменяется на подледное, начинается подготовка к охоте на пушного зверя. Данное явление природы может быть легко отмечено и вполне стабильно повторяется из года в год. Оно вошло в

традиционный хантыйский календарь и соответствует периоду времени григорианских месяцев октябрь и ноябрь. У хантов это время обозначалось такими наименованиями, как *paǰaltiw-iki* (вас.) ‘река застывает’ и *torəm-pattə-iki* (вас.) ‘месяц холодной погоды’. Первое наименование *paǰaltiw-iki* представляет собой именную основу со значением ‘верхняя плоскость лыж, полоза’. Оно отнесено к группе **климатические особенности**.

Наименование *torəm-pattə-iki* состоит из основ *torəm* ‘верховное божество хантов Торум, погода, небо’, *pat-tə* ‘замерзать-ІМРР’, а также обязательного элемента *iki* ‘месяц’ и отнесено нами к тематической группе **культурно-религиозные представления**.

Такие календарные наименования, несомненно, отражая природные явления, имеют свои истоки в характерных хозяйственных занятиях соответствующих сообществ, являются своего рода сигналом для подготовки к новому (зимнему) охотничьему сезону. У хантов сезон охоты на пушного зверя начинается в октябре-ноябре. В это время с помощью охотничьих собак выслеживают и бьют белку и соболя из лука или ружья на близлежащих угодьях. Данный важный вид хозяйственной деятельности не мог не попасть в традиционный календарь, поэтому здесь мы обнаруживаем такое наименование, как *jaǰ-kut'kult'ə-iki* (вас.) ‘народ промысляет, охотиться’ (*jaǰ* ‘народ’, *kut'kul-t'ə* ‘охотится-ІМРР’, *iki* ‘месяц’), которое относится к тематической группе **хозяйственно-трудовая деятельность**.

Еще одно наименование, соответствующее григорианскому месяцу ноябрь, – *wont-wajax-tälkemte-iki* – ‘месяц подготовки таежного зверя к зиме’ (*wont* ‘тайга’, *wajax* ‘зверь’, *tälkem-te* ‘стать зимним-ІМРР’, *iki* ‘месяц’) относится к объединенной тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**.

В календарной лексике хантыйского языка обнаруживаются также наименования, обусловленные религиозными воззрениями, которые, соответственно, относятся к тематической группе **культурно-религиозные представления**. В наименовании *Mikol'iki* ‘Микола-месяц’ в хантыйском языке

имя собственное *Микола* безусловно является заимствованным из русского языка именем Николай и в данном случае обозначает христианского святого Николая-чудотворца. Церковный праздник, посвященный святому Николаю, отмечается 19 декабря, и в указанных нами традиционных календарях сибирских народов данным названием отмечается отрезок времени, совпадающий с григорианским декабрем. То, что для номинации данного отрезка времени было выбрано именно это название, можно объяснить, конечно, влиянием культуры русского населения на духовную культуру хантов.

Еще одно наименование данного периода времени было зафиксировано нами при анализе существующих источников по календарной системе хантов: *pa:s-pän-iki* (вас.) ‘месяц большого пальца рукавицы’ (*pas* ‘рукавица’, *pän* ‘палец’, *iki* ‘месяц’). Вероятно, в данном наименовании носители языка отразили тот факт, что в рукавице большой палец находится отдельно и мерзнет, и это можно считать верным признаком сильных морозов. Другой интерпретацией происхождения данного наименования «месяца» может быть знание того, что «в это время дни настолько короткие, что даже самый проворный успеет сшить только большой палец рукавицы» [У-4: 40], поэтому данное наименование было отнесено к объединенной группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**.

Наименования января в хантыйском календаре были зафиксированы следующие: *pas-iki* (вас.) (*pas* ‘руковица’, *iki* ‘месяц’) – ‘месяц, когда рукавицы носят’, которое мы отнесли к тематической группе **климатические особенности**; *javat-putim-ketim* – ‘семь котлов варим’ (*javat* ‘семь’, *put-im* ‘котел-АТТР’, *ketim* – ‘последний’ относится к тематической группе **хозяйственно-трудовая деятельность** хантов; а также *wän-kotlow-iki* (вас.) – (*wän* ‘короткий’, *kotl* ‘день’) ‘самый короткий день будет и тогда солнце выйдет и зайдет’ [У-4: 63]. Последнее ассоциируется с сезонными изменениями в природе – сильными морозами в данное время года и с длиной светового дня, поэтому мы отнесли данное наименование к тематической группе **природные особенности**.

Период зимних месяцев хантыйского календаря отмечен наименованиями, включающими основу *tälek* ‘зима’. Декабрь представлен наименованием *tälek-iki* (вас.) ‘зимний месяц’ (*täläk* ‘зима’); январь в хантыйском календаре – *tälek-jor-iki* (вас.) ‘месяц середины зимы’ (*tälek* ‘зима’, *jor* ‘середина’, *iki* ‘месяц’); а февраль – *tälek-kolatə-iki* (вас.) ‘месяц окончания зимы’ с основами *tälek* ‘зима’, *kola-tə* ‘заканчиваться-IMPP’, *iki* ‘месяц’, обозначающими конец сезона. Окончание зимнего полугодия в хантыйском календаре также отмечено наименованием *kätim-iki* (вас.) – ‘последний месяц’ (*kätim* ‘последний’, *iki* ‘месяц’). Все данные наименования входят в тематическую группу **смена сезонов / месяцев**.

В хантыйских наименованиях февраля и марта обычно упоминается орел: *kurki:ki* (вас.) ‘месяц орла’ (*kuruk* ‘орел, коршун’) [У-1: 64]. В хантыйской мифологии орел являлся не только символом восходящего солнца, но и женихом женщины-Солнца. Прилет орла на места летования всегда очень точен и совпадает с началом весны. Данное наименование относится к тематической группе **природные особенности** и завершает зимний период календаря. Однако в хантыйском календаре было обнаружено еще одно наименование, относящееся к концу зимнего периода, – *kotmot-iki* (вас.), состоящее из порядкового числительного *kutmət* ‘шестой’ и относящееся к группе **смена сезонов / месяцев**.

Характерной особенностью зимнего полугодия в хантыйском календаре является наличие множества наименований, отражающих климатические изменения, а именно установление холодной погоды. Действительно, суровая зима определяла характер деятельности хантов на ближайшие несколько месяцев, поэтому не могла не найти отражения в их традиционном календаре.

3.2.2.2 Год-зима у южных селькупов

Зимнее полугодие для селькупов, так же, как и для хантов, начиналось в октябре григорианского календаря. Промежуток времени, примерно соответствующий месяцу октябрь григорианского календаря, в селькупском календаре имеет название *t'ábla-piŋgəli-irret* ‘лист падает’ (*t'áb-la* ‘листья-PL’ и

piŋgali (*piŋgaliŋu* ‘сыпаться’) и относится к тематической группе **природные особенности**, так как основы составного наименования обозначают сезонные изменения флоры. Данное фенологическое явление для селькупов являлось сигналом к завершению летнего периода хозяйственной деятельности и началу зимнего.

Для южных селькупов, так же, как и для восточных хантов с наступлением холодов рыболовство сменяется на подледное, начинается подготовка к охоте на пушного зверя. Данное явление природы вошло в традиционный календарь селькупов и обозначено наименованием *üt-kandak-iret* (кет.) – ‘лед застывает’ (*üt* ‘вода’, *kandak* ‘мороз’, *iret* ‘месяц’). Значения сочетаний основ данного наименования относятся к природным явлениям, а именно к изменениям в температуре, поэтому оно было определено нами в тематическую группу **климатические условия**.

Следующие наименования зимних селькупских «месяцев» были отмечены в традиционном календаре и соответствовали ноябрю и декабрю григорианского календаря: *tassundi* (кет.) ‘морозный’ (*tassu-ndi* ‘морозить-ИМРР’); *kiba-kandak-irret* (верхнекет.) ‘месяц маленького мороза’ (*kiba* ‘маленький’, *kandak* ‘мороз’, *irret* ‘месяц’); *n'un'u-kandak-irret* (кет.) ‘маленький мороз’ (*n'un'u* ‘маленький’, *kandak* ‘мороз’, *irret* ‘месяц’); *wärg-kandak-irret* (верхнекет.) ‘месяц большого мороза’ (*wärg* ‘большой’, *kandak* ‘мороз’, *irret* ‘месяц’). Значения основ данных четырех наименований относятся к **климатическим условиям**, а именно обозначают сезонные изменения в температуре.

Ноябрь в селькупском календаре также отмечен наименованием *kaj-irret* ‘зимний месяц’ (*kaj* ‘зима’), которое было отнесено нами к тематической группе **смена сезонов / месяцев**.

Как у хантов, так и у селькупов сезон охоты на пушного зверя начинается в октябре-ноябре григорианского календаря. На зимних промыслах у селькупов также особое внимание уделялось пушным зверям (соболу, белке, горностаю), мех которых с глубокой древности служил основной статьей торговли и уплаты ясака как при татарских ханах, так и при московских князьях. В XVIII веке

первенство в пушнодобыче перешло к промыслу белки. Численность и перемещение белки зависят от урожая кедрового ореха. Охотник выслеживал белку по следам на снегу; к вечеру, остановившись на ночлег, снимал с убитых за день белок шкурки и ужинал вареным или запеченным на костре беличьим мясом, которым кормил и собак [Селькупы, 2011: 80]. Сезон охоты на белку для селькупов длился 5 месяцев (с октября по май), и так как данный вид промысла приобрел главенствующее значение в таежной промысловой жизни селькупов, в их календаре мы встречаем такое наименование, как *näjijal'd'i-iret* (кет.) – ‘беличий месяц’ (*näjija-ldi* ‘белковать-ИМРР’, *iret* ‘месяц’), которое относится к тематической группе **природные особенности / хозяйственно-трудовая деятельность**.

Религиозные воззрения селькупов также нашли отражение в традиционном календаре. Селькупское наименование *Mikola-äret* (нарым.) соответствует хантыйскому наименованию *Mikol'-iki* ‘месяц Миколы’ и также является свидетельством культурного влияния и соответствующего лексического заимствования из русского языка и относится к тематической группе **культурно-религиозные представления**.

Еще одно наименование, относящееся к тематической группе **культурно-религиозные представления**, – *niwan-mukkol-irret* (кет.) ‘божья спина’ (*niwan* ‘божий’, *mukkol* ‘спина’, *irret* ‘месяц’). Неудивительно, что именно зимние месяцы в календаре селькупов и хантов связаны с религиозными воззрениями. Выжить в те годы в суровых зимних условиях без твердой веры в божью помощь было просто невозможно, поэтому они жили с верой в то, что находятся за спиной у Бога, под божьей защитой.

Декабрю в традиционном селькупском календаре соответствует наименование *wärg-kandak-irret* (верхнекет.) – ‘месяц большого мороза’; его анализ был представлен выше. Данное наименование является отражением природно-климатических особенностей. Морозы в Сибири, характеризующие этот период, не могут быть не отмечены жителями региона. Другое название декабря, относящееся к тематической группе **смена сезонов / месяцев**, – *kali-irret*

(кет.) – ‘последний месяц’ (*kali* ‘последний’, *irret* ‘месяц’). Данное наименование, предположительно, было введено в традиционный календарь селькупов в более поздний период, под влиянием русской культуры, поскольку месяц декабрь не являлся окончанием зимнего полугодия для селькупов, а отмечал завершение астрономического года по григорианскому календарю.

Январь-февраль в селькупском календаре отмечен следующими наименованиями: *matirsa-irret* ‘в тайгу идти надо’ (*mate-* ‘охотиться’, *-r* суффикс переходности, *-sa* деривационный аффикс, *irret* ‘месяц’). Значение основы – вид деятельности, поэтому наименование относится к семантической группе ***хозяйственно-трудовая деятельность***.

Период холодов, который ориентировочно приходится на ноябрь – февраль григоринского календаря, для селькупов был важен прежде всего тем, что это был период охоты. Этот сезон распадается на две части – «малую охоту» и «большую охоту». Такое разделение возникло в силу природных условий. Как было сказано ранее, в ноябре-декабре селькупы охотятся на белку. С наступлением сильных морозов белка сидит в гнезде, а охотники возвращаются в поселки. В это же время промысел становится неудобным из-за небольшой продолжительности светового дня, поэтому охотники вынуждены оставаться в поселении. Но в конце января – начале февраля селькупы вновь выходят на промысел, о чем свидетельствует наименование *matirsa-irret*.

Интересно, что в селькупском календаре, так же, как и в хантыйском, обнаруживается следующее наименование: *limbil-aret* (верхнекет.) ‘орлиный месяц’ (*limbil'* ‘орлиный’). Образ орла, вошедший в наименование периода календарного года, очевидно, также имеет религиозные корни. Орел являлся главной птицей, праотцом всех птиц, небесной, божественной птицей, связанной со священным шаманским деревом и солнцем. Орел также считался предком одного из селькупских родов – рода Орла [Прокофьев, 1930: 370]. Данное наименование, как и для хантыйского традиционного календаря, было отнесено к тематической группе ***природные особенности***.

Селькупские месяцы зимнего полугодия, как и хантыйские, обнаруживают наименования, связанные с изменениями в климате, с наступлением холодов, а также отражают главный вид хозяйственной деятельности этого периода – охоту.

Проанализировав семантику наименований календарных «месяцев» хантыйского и селькупского календарей, можно сделать вывод о том, что традиционные календари данных народов утилитарны потому, что адекватно передают основные вехи и признаки хозяйственного цикла. Множество вариантов названий отдельных «месяцев» указывает на то, что календарь служил не унификации времени, а его детализации для конкретных условий. Календарь отражает не только особенности хозяйственного цикла, но и некоторые религиозные воззрения данных народов, различные изменения в природе обуславливали смену сезонов, и хозяйственная жизнь этих народов теснейшим образом связана с ними. Именно поэтому календарно-временная лексика является ценным источником информации о том, чем жили сибирские охотники и рыболовы и что являлось для них наиболее важным.

Таким образом, такое универсальное в современном научном понимании явление, как время, воспринималось и определялось разными культурами и в разные периоды истории по-разному. Восприятие времени древних дописьменных обществ отличается от современного восприятия. Понимание, обозначение и использование времени имело и имеет как общие, универсальные черты, так и индивидуальные культурные особенности. Время в традиционных культурах определяется хозяйственными и социальными особенностями каждой культуры в текущий исторический момент развития. Понимание и обозначение времени разнообразно среди культур и даже внутри одной культуры и зависит от таких факторов, как местная природа, быт, религиозные традиции. Понимание и обозначение времени и его «использование» часто регулируются определенными представителями культуры – авторитетными лицами в сообществе: жрецами, учеными, шаманами.

Итак, нами было проанализировано **33** хантыйских и **36** селькупских наименований календарных «месяцев». Календарные наименования в хантыйском

и селькупском языках были отнесены к 6 разным тематическим группам. Результат семантического анализа всех наименований представлен в таблице 3.1.

Таблица 3.1 – Тематические группы календарных наименований «месяцев» в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка

№	Наименование группы	Хантыйский язык	Селькупский язык
1	Природные особенности / Хозяйственно-трудовая деятельность	8	9
2	Природные особенности	8	8
3	Хозяйственно-трудовая деятельность	8	6
4	Смена сезонов / месяцев	5	4
5	Климатические условия	2	7
6	Культурно-религиозные представления	2	2
	Всего	33	36

Больших различий в семантике хантыйских и селькупских основ наименований выявлено не было. Все наименования были отнесены к одной из шести вышеперечисленных тематических групп. Наиболее многочисленными по составу группами в хантыйском языке оказались группы *Природные особенности* (8 наименований), *Хозяйственно-трудовая деятельность* (8 наименований) и *Природные особенности / Хозяйственно-трудовая деятельность* (8 наименований). В селькупском языке наиболее многочисленными также являются группы *Природные особенности* (8 наименований) и *Природные особенности / Хозяйственно-трудовая деятельность* (9 наименований). Данные семантического анализа наименований подтвердили наличие тесной взаимосвязи природных явлений и особенностей с

хозяйственной деятельностью традиционных культур, и их отражение в календарных наименованиях.

Наименьшее количество наименований в хантыйском и селькупском языках (по два наименования) было отнесено к группе *Культурно-религиозные представления*. Но тот факт, что верования хантов и селькупов все-таки закреплены в традиционном календаре, говорит о важности и значимости религии в традиционной культуре. Кроме того, необходимо помнить о том, что традиционная культура хантов и селькупов тесно связана с пониманием природы, а религиозная и культовая деятельность неотделима от хозяйственно-трудовой [Фильченко, 2010]. Также два наименования в хантыйском языке были отнесены к семантической группе *Климатические условия*. К данной семантической группе в селькупском языке было отнесено 7 наименований, что говорит о несомненной важности климатических изменений для деятельности селькупов.

При семантическом анализе календарных наименований в хантыйском и селькупском языках были выявлены схожие по тематике группы и, более того, не было выявлено больших различий в количестве наименований в группах в обоих языках. Это позволяет сделать вывод о том, что в хантыйском и селькупском традиционных календарях наименования имеют очень схожую семантическую мотивацию, что объясняется, в первую очередь, соседством данных культур в одном территориальном, климатическом и социально-экономическом контекстах, а также тесными культурными контактами, продолжающимися на протяжении многих столетий.

Выводы по главе III

Третья глава настоящего исследования была посвящена описанию и сравнительному анализу языка и культуры восточных хантов и южных селькупов, так как данное исследование носит междисциплинарный характер и выполняется на стыке лингвистики и этнографии. Это позволило выявить тесную связь языка и культуры народа, проанализировать языковую картину мира народа сквозь призму языковых явлений, судить о накопленном материальном и духовном опыте народа, в нашем случае – на основе календарно-временной лексики.

Сравнительный этнографический анализ проводился по таким аспектам жизнедеятельности данных народов, как промысловое хозяйство, средства передвижения, жилища, традиционная одежда и религия. Данные разделы были выбраны нами, поскольку именно данная семантика отражена в наименованиях «месяцев» хантыйского и селькупского календарей. В результате сравнительного анализа были выявлены обширные соответствия во всех рассмотренных разделах, которые объясняются как контактным взаимодействием двух народов, так и проживанием на территории Западной Сибири в идентичных природных и климатических условиях, которые нашли отражение в календарно-временной лексике этих языков.

Сравнительный анализ, в котором наименования месяцев были соотнесены с актуальными хозяйственными занятиями хантов и селькупов, а также с природными и климатическими условиями их проживания, показал, что календари действительно передают основные вехи и признаки хозяйственного цикла. Календарный фрейм в хантыйском и селькупском языках аккумулирует в себе информацию о жизни хантов и селькупов, хозяйстве, материальной и религиозной культуре, а также о культурных контактах с другими этносами.

При анализе мотивированности календарных наименований было выявлено 6 тематических групп: *Хозяйственно-трудовая деятельность, Природные особенности, Смена сезонов / месяцев, Климатические условия, Культурно-религиозные представления, Природные особенности / Хозяйственно-*

трудовая деятельность. Наиболее многочисленной по составу семантической группой в обоих языках явилась объединенная группа *Природные особенности / Хозяйственно-трудовая деятельность*, что подтвердило положение о тесной взаимосвязи природных явлений и особенностей с хозяйственной деятельностью представителей традиционных культур, об их отражении в календарных наименованиях.

Заключение

В результате исследования был собран материал по календарно-временной лексике, входящей во фреймовую систему «временная лексика». В общей сложности было проанализировано 33 хантыйских и 36 селькупских наименований «месяцев», а также существительные *год, полгода, месяц, неделя, названия дней недели, день, ночь, сутки, полночь, полдень, утро и вечер*.

Данное исследование календарных наименований позволяет сделать следующие выводы в соответствии с поставленными целью и задачами.

1. Календарно-временная лексика восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка, представленная в данном диссертационном исследовании, представляет собой фреймовую систему, компоненты которой взаимосвязаны общим контекстом употребления и в сознании носителей хранятся и воспроизводятся только совместно с другими компонентами, составляющими данную систему. Элементы данной системы являются отражением познаний хантов и селькупов об окружающей природе, а также накопленного традиционного опыта, связанного с наиболее важными событиями хозяйственной деятельности, такими как охота и рыболовство.

2. Идентичный экологический и культурный контекст существования хантыйского и селькупского языков, являющихся отдаленно родственными, находит отражение в сходствах языковых систем, в частности лексической, к которой относится календарно-временная лексика. Фреймовые системы в хантыйском и селькупском языках, включающие в себя понятия, использующиеся для обозначения временных отрезков (месяцы, дни недели, сутки и т.д.), оказались схожими как за счет своей универсальной природы, так и за счет длительного проживания данных народов на одной территории и в ситуации длительного культурного контакта.

3. Календарно-временная лексика сибирских коренных народов представляет собой непрямые и производные существительные. К непрямому существительному относятся только хантыйские существительные: *al* 'год', *iki*

‘месяц’, *qotl* ‘день’; *aj, joʒan* ‘ночь’; *äləŋ* ‘утро’; *ät, itən* ‘вечер’. Производные календарно-временные лексемы образованы суффиксальным способом, способом словосложения, к которому также относятся случаи сложения основ с использованием номинализатора. К календарно-временной лексике, образованной суффиксальным способом, относятся только селькупские существительные: *pod, pot* ‘год’; *iret, irret, aret* ‘месяц’; *tfelt, tel* ‘день’; *pet, pit* ‘ночь’; *kart* ‘утро’; *üdyt, ütət, üdət* ‘вечер’.

4. Словосложение является наиболее продуктивным способом образования календарно-временной лексики в обоих языках. С помощью словосложения образованы следующие хантыйские и селькупские существительные: хант. *al-peləq* ‘полгода’, сельк. *pot-pile, pot-peleka* ‘полгода’; хант. *iki-jäwə* ‘неделя’, сельк. *nadel* ‘неделя’; хант. *wan-qotl* ‘суббота’, *torəm-qotl* ‘воскресенье’, сельк. *nutfelt* ‘воскресенье’, *üdzə-dəl* ‘рабочий день’; хант. *aj-jor, ajpeləq, joʒan-jor, joʒan-peləq* ‘полночь’, сельк. *pin-djnözhe, pin-dzamb* ‘полночь’, хант. *qotl-jor / qotl-peləq* ‘полдень’, сельк. *tfel-dzamb* ‘полдень’; хант. *ajʒan-qotlyən* ‘сутки’, сельк. *tfelt aj pin* ‘сутки’.

Наименования календарных «месяцев» в обоих рассматриваемых языках образованы идентичным способом – с помощью сложения именных или глагольных основ, с добавлением номинализатора. При анализе морфологической структуры календарных наименований «месяцев» нами было выявлено разное количество морфологических типов – 15 в хантыйском языке и 9 в селькупском. Наиболее распространенным морфологическим типом для хантыйского языка является **N+iki** (7 наименований из 33), для селькупского языка – **Adj+irret** (9 наименований из 36). Но данные количественные различия не являются значительными, в то время как словообразовательные модели наименований в хантыйском и селькупском языках в типологическом плане полностью соответствуют их агглютинативному строю и типологии порядка слов.

5. Всем представителям семантического поля календарных наименований в обоих языках свойственна определенная семантическая мотивированность. Лексические конструкции, составляющие наименования календарных «месяцев»,

обозначают *время года / сезон, миграции / действия птиц, виды деятельности, природные явления, жизненный цикл рыб, жизненный цикл животных, сезонные изменения флоры, смену месяцев, религиозные представления и предметы материальной культуры*. Самыми многочисленными тематическими группами, выявленными при анализе обоих языков, явилась группа ***Природные особенности / Хозяйственно-трудовая деятельность***, что подтверждает взаимосвязь природных особенностей с видами хозяйственной деятельности. Виды хозяйственных занятий хантов и селькупов, в свою очередь, обнаружили многочисленные сходства ввиду проживания их носителей в схожих климатических, природных и социально-экономических условиях.

Дальнейшее изучение данного вопроса представляет собой большой интерес с типологической точки зрения при расширении исследования языкового ареала и рассмотрении большего количества отдаленно родственных или генетически неродственных языков, чьи носители проживают в схожих природно-климатических условиях – в Обско-Енисейском ареале.

Литература

1. Алиткина Л.А. Имя прилагательное в селькупском языке [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Л.А. Алиткина. – Томск, 1979. – 193 с.
2. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки [Текст] / А. Алквист ; пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 342 с.
3. Аннотированные фольклорные тексты Обско-Енисейского языкового ареала [Текст] / А.Ю. Фильченко [и др.]. – Томск: Ветер, 2010. – 336 с.
4. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М., 1966. – 305 с.
5. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М., 1967. – 256 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – С. 3–69.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
8. Байдак А.В. Глагольное управление в селькупском языке [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / А.В. Байдак. – Томск, 2001. – 135 с.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
10. Белявский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю [Текст] / Ф.М. Белявский. – М. : Типография Лазаревского Института Восточных языков, 1833. – 259 с.
11. Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. I. [Текст] / Э.Г. Беккер [и др.]. – Томск, 1995а. – 292 с.
12. Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. II. [Текст] / Э.Г. Беккер [и др.] – Томск, 1995б. – 283 с.
13. Беккер Э.Г. Селькупские топонимы Западной Сибири [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Э.Г. Беккер. – Томск, 1965. – 272 с.
14. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность [Текст] / Э. Бикерман. – М. : Наука, 1975. – 333 с.

15. Болсуновская Л.М. Способы глагольного действия в диалектах селькупского языка [Текст]: дис. ...канд. филолог. наук / Л.М. Болсуновская. – Новосибирск, 1998. – 171 с.

16. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл [Текст] / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.

17. Булгакова И.В. Лексика, отражающая материальную культуру селькупов [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / И.В. Булгакова. – Томск, 2003. – 22 с.

18. Быконя В.В. Селькупско-русский диалектный словарь [Текст] / В.В. Быконя. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2005. – 347 с.

19. Быконя В.В. Структурно-морфологическая система числительных и история ее формирования в диалектах селькупского языка [Текст]: дис. ... д-ра филолог. наук / В.В. Быконя. – Томск, 1996. – 341 с.

20. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика [Текст]: учеб. пособие для вузов / Л.М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.

21. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. англ. [Текст] / А. Вежбицкая ; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.

22. Вежбицкая А. Семантические примитивы [Текст] / А. Вежбицкая // Семиотика. – М., 1983. – С. 223–251.

23. Виноградов В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка [Текст] / В.В. Виноградов // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 5–23.

24. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии [Текст] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1953а. – Т. 12, Вып. 3. – С. 185–210.

25. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953б. – № 5. – С. 3–30.

26. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст]. – М.: Высшая школа, 1980. – 640 с.

27. Воеводина Н.М. Аналитические глагольные конструкции в селькупском языке [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Н.М. Воеводина. – Томск, 1974. – 191 с.

28. Володина Т.В. Библиографический указатель по фольклору хантов (1880–1999) [Текст] / Т.В. Володина. – Томск, 2000. – 127 с.

29. Володин А.П. Эргативная конструкция в ительменском языке [Текст] / А.П. Володин // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. – Л., 1967. – С. 240–246.

30. Воробьева В.В. Дейктические слова восточных и северных диалектов хантыйского языка: сопоставительный аспект [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / В.В. Воробьева. – Томск, 2002. – 168 с.

31. Гемуев И.Н. О погребальной обрядности селькупов [Текст] / И.Н. Гемуев, Г.И. Пелих // Acta Ethnographica Hungarica. – 1993. – С. 287–308.

32. Гемуев И.Н. Патронимия: стабильная форма или структура перехода? [Текст] / И.Н. Гемуев // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 125–132.

33. Гемуев И.Н. Эволюция семьи и возникновение соседской общины у северных селькупов [Текст] / И.Н. Гемуев // Традиции и инновации в быту и культуре народов Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 44–57.

34. Глушков С.В. Длительность гласных и согласных в диалектах селькупского языка [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / С.В. Глушков. – Томск, 2002. – 188 с.

35. Глушков С.В. Селькупский язык / С.В. Глушков [и др.] // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка: моногр. [Текст] – Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2011. – С. 34–49.

36. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров [Текст] / А.В. Головнев. – Екатеринбург, 1995. – 600 с.

37. Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой [Текст]: Исследования экспедиции, снаряженной ИРГО в 1847, 1848 и 1850 годах / Э. Гофман. – СПб., 1856. – Т. II. – С. 197.
38. Григоровский Н.П. Азбука сюссогой гулани [Текст] : сост. Н.П. Григоровский для инородцев Нарымского края. – Казань, 1879. – С. 49.
39. Григоровский Н.П. Описание васюганской тундры [Текст] / Н.П. Григоровский // ЗСО ИРГО. – Омск, 1884. – Т. 6. – С. 1–68.
40. Григоровский Н.П. Очерки нарымского края [Текст] / Н.П. Григоровский // Зап. ЗСО ИРГО. – Омск, 1882. – Т. 4. – С. 1–60.
41. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / В. фон. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 307–323.
42. Диденко А.В. Категория императива в угорских языках [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / А.В. Диденко. – Томск, 2006. – 171 с.
43. Дубровская Н.В. Особенности семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Н.В. Дубровская. – Томск, 2011. – 244 с.
44. Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики [Текст] / А.П. Дульзон // Уч. зап. ТГПИ. – Томск, 1950. – Т. 6. – С. 175–187.
45. Дульзон А.П. Названия месяцев года у селькупов Кети как исторический источник [Текст] / А.П. Дульзон // Программа и тез. докл. 18 науч. конф. – Томск, 1953. – С. 59–61.
46. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики [Текст] / А.П. Дульзон. – М. : Изд-во Вост. лит-ры, 1960. – 17 с.
47. Дунин-Горкавич А.А. Библиография Тобольского Севера [Текст] // Наш край. – 1924. – № 3. – С. 36–46.
48. Елисеева В.В. Лексикология английского языка [Текст] / В.В. Елисеева. – СПб., 2003. – 80 с.

49. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике / сост., ред. и вступит. ст. В.А. Звегинцева. – М., 1960. – Вып. I. – С. 264–389.

50. Жеребило Т.В. Лингвосемантическая парадигма в соотношении с лингвостилистикой [Текст] / Т.В. Жеребило // *Lingua-universum*. – 2006. – № 3. – С. 17–21.

51. Животиков П.К. Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобский диалект) [Текст] / П.К. Животиков. – Ханты-Мансийск, 1942. – 120 с.

52. Звегинцев В.А. О научном наследии В. фон Гумбольдта [Текст] / В.А. Звегинцев // Гумбольдт В. фон. Избранные тр. по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 356–362.

53. Зеремская Ю.А. Термины родства и свойства в селькупском языке [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Ю.А. Зеремская. – Томск, 2008. – 145 с.

54. Идельсон Н.И. История календаря [Текст] / Н.И. Идельсон // Этюды по небесной механике. – М. : Наука, 1976. – С. 308–411.

55. Ириков С.И. Хозяйство и материальная культура селькупов [Текст] / С.И. Ириков, Л.В. Хомич, Г.Е. Аюпова // Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры. – СПб., 2002. – С. 39–104.

56. Казакевич О.А. Использование ЭВМ для исследования бесписьменных и младописьменных языков (на материале селькупского языка: учеб.-метод. пособие) [Текст] / О.А. Казакевич. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 132 с.

57. Казакевич О.А. Язык верхнетолькинских селькупов: современное состояние и перспективы сохранения (на материале фольклорных текстов северных селькупов) [Текст] / О.А. Казакевич // Самодийцы. – Тобольск – Омск: ОмГУ, 2001. – С. 270–273.

58. Каксин А.Д. Категории наклонения-времени в северных диалектах хантыйского языка [Текст] / А.Д. Каксин. – Томск, 2001. – 210 с.

59. Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Западной Сибири [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Л.И. Калинина. – Томск, 1961. – 114 с.

60. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 356 с.
61. Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1848) [Текст] / М.А. Кастрен. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
62. Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике [Текст] / А.А. Ким. – Томск: Изд-во науч.-техн. лит., 1997. – 219 с.
63. Ким А.А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / А.А. Ким. – Томск, 1999. – 356 с.
64. Клименко Л.П. Взаимодействие лексики с другими уровнями языкового строя в истории русского языка [Текст] / Л.П. Клименко // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Взаимодействие лексики и грамматики. – Горький: Изд-во Горьковского ун-та, 1984. – С. 3–18.
65. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика [Текст] : учеб. пособие / И.М. Кобозева. – М. : Эдичориал УРСС, 2000. – 352 с.
66. Колесник Н.В. Фреймовая семантика Ч. Филлмора [Текст] // Язык, сознание, коммуникация [Текст] : сб. статей / Н.В. Колесник ; отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2002. – Вып. 22. – 136 с.
67. Колесникова С.Ю. К вопросу о путях формирования поля календарных названий в селькупском языке (на примере «Орлиного месяца» календаря Северных селькупов) [Текст] / С.Ю. Колесникова // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. – Томск, 1996. – С. 213–216.
68. Колесникова С.Ю. Календари в культуре народов мира [Текст] / С.Ю. Колесникова. – Томск: Печатная мануфактура, 2004а. – 200 с.
69. Колесникова С.Ю. Календарная система в традиционной культуре селькупов [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / С.Ю. Колесникова. – Томск, 2000. – 179 с.

70. Колесникова С.Ю. Отражение понимания времени селькупами в календарной лексике [Текст] / С.Ю. Колесникова // Языки народов Сибири. – Томск, 1995. – С. 167–171.

71. Колесникова С.Ю. Универсальная модель календаря в традиционной культуре народов мира [Текст]: автореф. дис. ... д-ра культурологии / С.Ю. Колесникова. – Кемерово, 2004б. – 33 с.

72. Кошкарева Н.Б. К вопросу об инфинитиве в хантыйском языке [Текст] / Н.Б. Кошкарева // Морфология глагола и структура предложения : сб. науч. тр. ; отв. ред. Е.К. Скрибник. – Новосибирск, 1990. – С. 79–92.

73. Кубрякова Е.С. Словообразование [Текст] / Е.С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : СЭ, 1990. – С. 467–469.

74. Кузнецов П.М. Средства выражения признака предмета в диалектах хантыйского языка [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / П.М. Кузнецов. – Томск, 2004. – 184 с.

75. Кузнецова Н.Г. Грамматические категории южноселькупского глагола [Текст] / Н.Г. Кузнецова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1995. – 285 с.

76. Кузьмина А.И. К вопросу о словообразовании в селькупском языке (о превращении некоторых полнозначных слов селькупского языка в суффиксы) [Текст] / А.И. Кузьмина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1973. – Вып. II. – С. 137–149.

77. Кузьмина А.М. К этимологиям названий месяцев, сторон света, звезд, созвездий в селькупском языке [Текст] / А.М. Кузьмина // Языки и топонимия. – Томск, 1977. – Вып. 4. – С. 71–86.

78. Кулемзин В.М. Васюгано-ваховские ханты 19-20 вв. [Текст] / В.М. Кулемзин, Н.М. Лукина. – Томск: Изд-во Томск гос. ун-та, 1977. – 225 с.

79. Кулемзин В.М. Знакомьтесь: ханты [Текст] / В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина. – Новосибирск : Наука, 1992. – 136 с.

80. Кулемзин В.М. Мифология хантов. Т. III [Текст] / В.М. Кулемзин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2000. – 304 с.

81. Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов [Текст] / В.М. Кулемзин. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 191 с.
82. Купер Ш.Ц. Некоторые особенности консонантизма в сюсюкумских говорах селькупского языка [Текст] / Ш.Ц. Купер // Вопросы енисейского и самодийского языкознания. – Томск, 1983. – С. 90–94.
83. Купер Ш. Селькупский разговорник (нарымский диалект) / Ш. Купер, Я. Пустаи // *Specimina Sibirica. Sombathely.* – 1993. – Т. 7. – 79 p.
84. Куриков В.М. Природопользование и охрана северных территорий в условиях рынка [Текст] / В.М. Куриков. – Томск, 1998. – 29 с.
85. Куриков В.М. Российский Север: Проблемы, вопросы, решения. Краткий социально-экономический очерк [Текст] / В.М. Куриков. – СПб., 1996. – 104 с.
86. Куриков В.М. Социально-экономические проблемы сохранения и развития малочисленных народов Севера [Текст] / В.М. Куриков. – СПб., 1999. – 88 с.
87. Лабов У. Структура денотативных значений [Текст] / У. Лабов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. 14. – С. 133–176.
88. Лапина М.А. Этика и этикет хантов [Текст] / М.А. Лапина. – Томск, 1998. – 114 с.
89. Лейбниц Г. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии [Текст] / Г. Лейбниц // Собр. соч. В 4-х т. – М., 1983. – Т. 2. – С. 70–108, 363–545.
90. Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа) / сост. и авт. введ. ст. Н.В. Лукина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 239 с.
91. Лукина Н.В. Средства передвижения нарымских селькупов [Текст] // Уч. зап. Томск. ун-та, 1966. – № 60. – С. 108–119.
92. Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа) [Текст] / Н.В. Лукина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 365 с.
93. Лукина Н.В. Этнография народов Томской области [Текст]: учеб. пособие / Н.В. Лукина [и др.]. – Томск: Изд-во Томск. гос. политехн. ун-та, 2009. – 175 с.

94. Лыскова Н.А. Синтаксис имени существительного в обско-угорских языках (семантический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук / Н.А. Лыскова. – Йошкар-Ола, 1997. – 25 с.

95. Максимова Н.П. Категория числа у имен существительных вещественной семантики [Текст] / Н.П. Максимова // Лексика и грамматика языков Сибири. – Барнаул, 1985. – С. 31–41.

96. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект) [Текст] / М.К. Могутаев. – Томск: Томск. гос. пед. ун-т, 1996. – 352 с.

97. Моисеев А.А. Из истории понятий и терминов словообразования («Производящая основа») [Текст] / А.А. Моисеев // Вопросы общего языкознания. – Л., 1965. – С. 81–87.

98. Молданов Т.А. Боги земли казымской [Текст] / Т.А. Молданов, Т.А. Молданова. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000. – 114 с.

99. Молодин В.И. История и культура хантов [Текст] / В.И. Молодин, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1995. – 161 с.

100. Мордвинов А.А. Иностранцы, обитающие в Туруханском крае [Текст] / А.А. Мордвинов // Вест. РГО. – 1860. – Т. 28, № 1–2. – С. 25–64.

101. Морев Ю.А. Звуковой строй среднеобского (ласкинского) говора селькупского языка [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Ю.А. Морев. – Томск, 1973. – 260 с.

102. Мырина Д.Ф. Категория падежа в диалектах хантыйского языка: сопоставительный аспект [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Д.Ф. Мырина. – Томск, 2006. – 168 с.

103. Надь З. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX–XXI веках [Текст] / З. Надь ; отв. ред. Н.В. Лукина. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2011. – 293 с.

104. Народы Сибири (этнографические очерки) [Текст] / под. ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова // Народы мира. – М., Л., 1956. – 1042 с.

105. Народы западной Сибири (Ханты, манси, селькупы, энцы, ненцы, нганасаны, кеты) [Текст] / И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. – М.: Наука, 2005. – 805 с.

106. Немысова Е.А. Хантыйская литература в школах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов [Текст]: учеб. хрестоматия / Е.А. Немысова. – Ханты-Мансийск, 1996. – Ч. 1. – 171 с.

107. Никольский Н.П. Обзор литературы по этнографии, истории, фольклору и языку ханты и манси [Текст] // С.Э. – М., 1939. – Вып. 2. – С. 182–208.

108. Нухов С.Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное [Текст] / С.Ж. Нухов. – Уфа: Изд-во БашГПИ, 1997. – 178 с.

109. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1988. – 748 с.

110. Онина С.В. Оленеводческая лексика в хантыйском языке [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / С.В. Онина. – Йошкар-Ола, 2002. – 170 с.

111. Островских П.Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. [Текст] / П.Е. Островских // СС. – Л., 1931. – № 7–8. – С. 161–181.

112. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект [Текст] / А.И. Кузнецова [и др.]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 196 с.

113. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. [Текст] / А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 408 с.

114. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса / Е.В. Падучева // Материалы к трансформационной грамматике русского языка [Текст]. – М.: Наука, 1974. – 291 с.

115. Парнюк Л.В. Суточный и годовой циклы в хантыйском языке [Текст] // Вест. ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки (филология). – Томск, 2005. – Вып. 4 (48). – С. 103–107.

116. Пауль Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М., 1960. – 500 с.

117. Пелих Г.И. К вопросу о родо-племенном строе Нарымских селькупов [Текст] / Г.И. Пелих. – Томск: ТГУ, 1963. – Т. 165. – С. 178–195.

118. Пелих Г.И. Кольцевая связь у селькупов нарымского края [Текст] // Сибирский этнографический сборник. Тр. института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – М.: ИЯ АН СССР, 1962. – Т. IXXVIII. – С. 176–196.

119. Пелих Г.И. Происхождение селькупов [Текст] / Г.И. Пелих. – Томск, 1972. – 423 с.

120. Пелих Г.И. Селькупы XVII века: очерки социально-экономической истории [Текст] / Г.И. Пелих. – Новосибирск, 1981. – 176 с.

121. Плотников А.Ф. Нарымский край (5-й стан Томского уезда Томской губернии): Историко-статистический очерк [Текст] / А.Ф. Плотников. – СПб., 1901. – 366 с.

122. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику [Текст] / В.А. Плунгян. – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.

123. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков [Текст] / М.М. Покровский. – М., 1985. – Т. VIII. – 124 с.

124. Полевые записи языков народов Сибири (Фонды лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета). Селькупский язык [Текст]. – Томск, 1952–1985. – Т. С1–С66.

125. Полевые записи языков народов Сибири (Фонды лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета). Хантыйский язык [Текст]. – Томск, 1956–1998. – Т. У1–У7.

126. Полякова Н.В. Особенности вербализации концепта «пространства» в селькупском языке в сопоставлении с русским [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Н.В. Полякова. – Томск, 2004. – 19 с.

127. Потанина О.С. Конструкции с номинализаторами в восточных диалектах хантыйского языка [Текст] / О.С. Потанина // Пространство и время в языках разной типологии: сб. науч. тр. / ред. А.Ю. Фильченко. – Томск: Ветер, 2008. – С. 72–79.

128. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. – М., 1958. – Т. 1–2. – 536 с.
129. Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
130. Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края [Текст] / Г.Н. Прокофьев // Этнография. – М., Л., 1928. – № 2. – С. 96–103.
131. Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика [Текст] / Г.Н. Прокофьев. – Л., 1935. – 136 с.
132. Прокофьев Г.Н. Церемония оживления бубна у остяков-самоедов [Текст] / Г.Н. Прокофьев // Изв. Ленинградского гос. ун-та. – 1930. – Т. 2. – С. 365–373.
133. Прокофьева Е.Д. Селькупский язык [Текст] / Е.Д. Прокофьева // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки / под. общ. ред. акад. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1966. – С. 396–415.
134. Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда [Текст] / Н.Ф. Прыткова // Историко-этнографический атлас Сибири. – М., Л.: АН СССР, 1961. – С. 227–328.
135. Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы [Текст] / Н.Ф. Прыткова // Одежда народов Сибири. – Л., 1970. – С. 1–99.
136. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2008. – 416 с.
137. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семиотика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.
138. Рындина О.М. Декоративные традиции селькупов в свете общесамодийских черт (на материалах по одежде) [Текст] / О.М. Рындина // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1993. – Вып. 20. – С. 60–65.
139. Рындина О.М. О параллелях в восточно-хантыйском и селькупском орнаментах [Текст] / О.М. Рындина // Проблемы этнографии, социологии и культуры. – Омск, 1988. – С. 119–121.
140. Рындина О.М. Орнамент [Текст] / О.М. Рындина // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск, 1995. – Т. 3. – 640 с.

141. Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / З.С. Рябчикова. – СПб., 2007. – 239 с.

142. Сатеева Э.В. Основообразующие суффиксы имени существительного в селькупском языке [Текст]: дис. ... канд. филолог. наук / Э.В. Сатеева. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-т, 2006. – 167 с.

143. Сахарова О.В. Флористическая лексика селькупского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / О.В. Сахарова. – Йошкар-Ола, 2010. – 25 с.

144. Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов Обско-Енисейского языкового ареала [Текст] / А.Ю. Фильченко, О.С. Потанина, Е.А. Крюкова, Н.П. Максимова. – Томск: Вайар, 2012. – Т. 2. – 250 с.

145. Скрибник Е.К. Система причастных определительных конструкций в обско-угорских языках [Текст] / Е.К. Скрибник, Е.В. Ковган // Языки Сибири: грамматические исследования. – Новосибирск, 1991. – С. 84–108.

146. Смирнов И.Н. Остяки и вогулы (югра): историко-этнографический очерк [Текст] / И.Н. Смирнов // Вест. и библиотека самообразования. – СПб., 1904. – № 2. – С. 61–68; № 3. – С. 99–104; № 4. – С. 136–149.

147. Соловар В.Н. Средства выражения отрицания в хантыйском языке [Текст] / В.Н. Соловар // Морфология глагола и структура предложения: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.К. Скрибник. – Новосибирск, 1990. – С. 93–99.

148. Степанова М.Д. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / М.Д. Степанова. – М., 1979. – 536 с.

149. Сязи А.М. Декоративно-прикладное искусство хантов Нижней Оби [Текст] / А.М. Сязи. – Тюмень, 1995. – 176 с.

150. Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья / А.М. Сязи. – Томск, 2000. – 248 с.

151. Терешкин Н.И. Ваховский диалект хантыйского языка (фонетика и морфология) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Н.И. Терешкин. – Л., 1967. – 20 с.

152. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов [Текст] / Н.И. Терешкин. – Л.: Наука, 1981. – 544 с.

153. Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект [Текст] / Н.И. Терешкин. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 204 с.
154. Терешкин Н.И. Хантыйский язык [Текст] / Н.И. Терешкин // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. – М., 1966. – С. 319–342.
155. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935. – Т. 1; М., 1938. – Т. 2; М., 1939. – Т. 3; М., 1940. – Т. 4.
156. Турский Д. Остяки [Текст] / Д. Турский. – М., 1898. – 59 с.
157. Тучков А.Г. История и культура народов Сибири [Текст]: учеб. пособие / А.Г. Тучков. – Томск: Томск. межвузовский центр дистанционного образования, 2002. – 190 с.
158. Тучкова Н.А. О селькупях парабельского района [Текст] / Н.А. Тучкова // Земля Парабельская. – Томск, 1996. – С. 76–93.
159. Тучкова Н.А. О селькупях реки Кети [Текст] / Н.А. Тучкова // Земля Верхнекетская. – Томск, 1997. – С. 188–209.
160. Тучкова Н.А. Структура названий южноселькупских поселений [Текст] / Н.А. Тучкова // Проблемы документации исчезающих языков и культур: ММК. – Томск, 1998. – Ч. I. – С. 212–217.
161. Тучкова Н.А. Шешкупы реки Оби [Текст] / Н.А. Тучкова // Земля Колпашевская. – Томск, 2000. – С. 30–34.
162. Тучкова Н.А. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка: монография [Текст] / Н.А. Тучкова [и др.]. – Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2011. – 318 с.
163. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.
164. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А.А. Уфимцева. – М., 1968. – 272 с.
165. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст] / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. члена-корр. АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. Б.А. Ларина. – Изд. 2, стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. I–IV.

166. Филин Ф.П. О лексико-грамматических группах слов [Текст] / Ф.П. Филин // Введение в языкознание: хрестоматия / под ред. А.Е. Супруна. – Минск, 1977.

167. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XII. – С. 74–122.

168. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII. – С. 52–90.

169. Фильченко А.Ю. Аспекты грамматики восточно-хантыйских диалектов [Текст] / А.Ю. Фильченко. – Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2010. – 557 с.

170. Фомина М.И. Современный русский язык / М.И. Фомина // Лексикология. – М.: Высш. шк., 2001. – 415 с.

171. Фрумкина Р.М. Об отношении между методом и объектом изучения в современной семантике [Текст] / Р.М. Фрумкина // Семиотика и информатика. – М., 1979. – Вып. 11. – С. 149–174.

172. Хайду П. Уральские языки и народы [Текст] / П. Хайду. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.

173. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика [Текст]: Лекции и статьи / Е.А. Хелимский. – М.: Языки русской культуры, 2000а. – 640 с.

174. Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев [Текст] / Е.А. Хелимский // Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. – М., 2000б – С. 13–25.

175. Хелимский Е.А. Селькупский язык [Текст] / Е.А. Хелимский // Языки мира. Уральские языки. – М., 1993. – С. 356–370.

176. Хонти Л. Ваховский диалект хантыйского языка [Текст] / Л. Хонти // Народы северо-западной Сибири. – Томск, 1995. – С. 3–22.

177. Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира [Текст] / В.В. Цыбульский. – М.: Просвещение, 1982. – 128 с.

178. Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта [Текст] / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. XII. – С. 35–73.

179. Чепреги М. Проблемы категоризации финитных глаголов в хантыйском языке [Текст] / М. Чепреги // *Linguistica Uralica*. – 1995. – Т. XXXI, № 4. – С. 272–276.
180. Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири [Текст] / М.И. Черемисина. – Новосибирск, 1992. – 92 с.
181. Шиянова А.А. Парные слова хантыйского языка [Текст]. дис. ... канд. филолог. наук / А.А. Шиянова. – Ханты-Мансийск, 2013. – 180 с.
182. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Текст] / Л.В. Щерба // *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. – Л., 1958. – Т. 1. – С. 54–90.
183. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур. – М., 1974. – 256 с.
184. Язык и когнитивная деятельность [Текст] / под ред. Р.М. Фрумкиной. – М.: Наука, 1989. – 142 с.
185. Aikhenvald A.Y. Typological distinction in word formation / A.Y. Aikhenvald // *Shopen T. Language Typology and Syntactic Description. Vol. III. Grammatical Categories and the Lexicon*. – Cambridge University Press, 2007. – P. 1–66.
186. Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo [Text] / J. Alatalo. – Helsinki, 2004. – 465 s.
187. All in a Day's Week [Text] / R.L. Miriam, Hans. Petruck, C. Boas // *Proceedings of CIL17* / Eds. Eva Hajičová, A. Kotěšovcová, and Jiri. Mirovský. – Prague: Matfyzpress, 2003.
188. Akmajian A. An Introduction to Language and communication [Text] / A. Akmajian, R.A. Demers, R.M. Harnish. – 2nd ed. – Cambridge (Mass.); L., 1988. – 547 p.
189. Alquist A. Eine Kurze Nachricht uber das Wogulische [Text] / A. Alquist // *Bulletin de la classe historiques, philologiques et politiques de l'Academie. Imperiale des sciences de St-Peterburg*. – St-Peterburg, 1859. – Bd. XVI, № 1–2. – S. 25–30.
190. Budenz J. Maguar-ugor, összehasonlító szótár [Text] / J. Budenz. – Budapest, 1873–1881.

191. Castren M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 [Text] / M.A. Castren. – St.-Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1856. – 527 s.
192. Castren A.M. Worterverzeichnisse aus den Samoyedischen Sprachen [Text] / A.M. Castren. – SPb., 1855. – 527 s.
193. Chomsky N. Reflections on language [Text] / N. Chomsky. – New York: Pantheon, 1975. – 266 p.
194. Cognitive linguistics: basic readings [Text] / ed. by D. Geeraerts. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – 496 p.
195. Collinder B. An Etymological Dictionary of the Uralic languages [Text] / B. Collinder. – Stockholm, 1955. – 211 p.
196. Comrie B. Language universals and Linguistic Typology [Text]. – 2^{ed} ed. (Syntax and Morphology). – Cambridge: Blackwell publishers, 1989. – 264 p.
197. Comrie B. Lexical nominalizations [Text] / B. Comrie, S. Thompson ; ed. T. Shopen // Language typology and syntactic description. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Vol. 3. – P. 349–398.
198. Donner K. A Samoyed Epic [Text] / K. Donner // Journal de la Société Finno-Ugrienne. – Helsinki, 1913–1918. – Vol. 30. – № 26.
199. Donner K. Über die anlautenden labialen Spiraten und Verschlusslaute im Samoiedischen [Text] / K. Donner. – Helsingfors, 1920. – 195 p.
200. Donner K. Ethnological Notes about the Yenisey-ostyak (in the Turukhansk region) [Text] / K. Donner. – Helsinki, 1933. – 104 p.
201. Dulson A. Über die raumliche Gliederung des Solkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen [Text] / A. Dulson // Sowjetische finnisch-ugrische Sprachwissenschaft – Tallin, 1971. – Vol. VII, № 1. – P. 35–43.
202. Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt [Text] / I. Erdélyi. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1969. – 316 s.
203. Erdmann K. Die Bedeutung des Wortes [Text] / K. Erdmann. – Leipzig, 1925. – 226 s.

204. Filchenko A. Landscape Perception and Sacred Places amongst the Vasyugan Khanty [Text] / A. Filchenko // Landscape Perception in the Siberian North / ed. Peter Jordan. – Left Coast Press. – P. 179–199.
205. Fillmore Ch.J. An alternative to checklist theories of meaning [Text] / Ch.J. Fillmore // Proceedings of annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. – Berkeley, 1975. – Vol. 1. – P. 123–131.
206. Fillmore Ch.J. Frame Semantics [Text] / Ch.J. Fillmore // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
207. Firth J.R. The technique of semantics [Text] / J.R. Firth // Papers in linguistics 1934–1951. – Oxford: Oxford University Press, 1957. – P. 3–33.
208. Frawley Willian J. International Encyclopedia of Linguistics (second edition) [Text] / Willian J. Frawley. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – Vol. I–IV.
209. Geeraerts D. Cognitive Grammar and the History of Lexical Semantics [Text] / D. Geeraerts. – Rudzka-Ostyn, 1988. – P. 647–677.
210. Geeraerts D. Cognitive Linguistics: Basic Readings [Text] / D. Geeraerts. – Walter de Gruyter, 2006. – 485 p.
211. Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics [Text] / D. Geeraerts. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 362 p.
212. Givón T. Tense-aspect-modality: The Creole prototype and beyond [Text] / T. Givón // Tense – aspect: Between semantics and pragmatics: Containing the contributions to a symposium on tense and aspect, held at UCLA, May 1979 / ed. by P.J. Hopper. – Amsterdam; Philadelphia, 1982. – P. 115–163.
213. Goodenough W. Componential analysis and the study of meaning [Text] / W. Goodenough // Language. – 1956. – Vol. 32. – № 1. – P. 195–216.
214. Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Uralic and Altaic Series 51 [Text] / J. Gulya. – The Hague-Bloomington, 1966. – 209 p.
215. Hajdú P. Das sölkupische Translativsuffix *-wlä* [Text] // Finnisch-Ugrische Forschungen. – Helsinki, 1973. – S. 20–28.

216. Harrison D. When Languages Die. The Extinction of the World's Languages and the Erosion of Human Knowledge [Text] / D. Harrison. – Oxford University Press, 2007. – 304 p.

217. Haspelmath M. Understanding Morphology [Text] / M. Haspelmath. – London: Oxford University Press, 2002. – 290 p.

218. Jackendoff R. Semantics and Cognition [Text] / R. Jackendoff. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1983. – 283 p.

219. Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien [Text] / J. Janhunen // Castrenianumin toimitteita. – Helsinki, 1977. – 185 s.

220. Janurik T. A szölkup nyelvjárások osztályozásához [Text] / T. Janurik // Nyelvtudományi Közlemények 80. – Budapest, 1978. – S. 77–104.

221. Jerrold J. Katz. The philosophy of language [Text] / J. Jerrold. – New York – London, 1966. – P. 151–175.

222. Karjalainen K.F. Literatur uber das ostyakische und die Ostyaken [Text] / K.F. Karjalainen // FUF. – Helsinki, 1906. – Bd. VI. – P. 19–32.

223. Katz J.J. The Philosophy of language [Text] / J.J. Katz. – New York – London, 1966. – 326 p.

224. Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. (Theoretical Linguistic Series) [Text] / M. Koptjevskaja-Tamm. – London – New York: Routledge, 1993. – 330 p.

225. Kroeber A. Classificatory systems of relationship [Text] / A. Kroeber // The nature of culture. – Chicago, 1952. – P. 77–84.

226. Kroesch S. Analogy as a factor in semantic change [Text] / S. Kroesch // Language. – 1926. – P. 35–45.

227. Lakoff G. Hedges. A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts [Text] / G. Hedges Lakoff // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1972. – Vol. 8. – P. 183–228.

228. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor [Text] / G. Lakoff ; ed. A. Ortony // Metaphor and Thought. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.

229. Lakoff G. Linguistic gestalts [Text] / G. Lakoff // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1977. – Vol. 13. – P. 236–287.
220. Lakoff G. Metaphors we live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; L., 1980. – Vol. XIII. – 242 p.
231. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1 [Text]: Theoretical Prerequisites / R. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 573 p.
232. Lounsbury F. A semantic analysis of the Pawnee kinship usage [Text] / F. Lounsbury // Language. – 1956. – Vol. 32, № 1. – P. 158–194.
233. Lyons J. Linguistic Semantics: An Introductory [Text] / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1955. – 378 p.
234. Mikola T. Studien zur Geschichte der samojedischer Sprachen. Aus dem Nachlass herausgegeben von Beáta Wagner-Nagy (Studia uralo-altaica 45) [Text] / T. Mikola. – Szeged, 2004. – 175 s.
235. Nilsson M.P. Primitive time-reckoning [Text] / M.P. Nilsson // Man. – 1973. – Vol. 8. – P. 285–299.
236. Paasonen H. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jugan, zusammengestellt von K. Donner [Text] / H. Paasonen. – Helsingfors, 1926. – 314 p.
237. Papay J. Sammlung ostjakischer Volksdichtungen [Text] / J. Papay. – Budapest-Leipzig, 1905. – 234 s.
238. Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Band I (Uralische und finnisch-ugrische Schicht) [Text] / K. Redei. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – 593 s.
239. Reframing FrameNet Data [Text] / M.R.L. Petruck [et al.] // Proceedings of the 11th EURALEX International Congress. – France, 2004. – P. 405–416.
240. Rosch E. Human categorization [Text] // E. Rosch ; ed. N. Warren // Studies in crosscultural psychology. – New York: Academic press, 1977. – Vol. 1. – P. 1–49.
241. Ross J.R. The category squish: Endstation Hauptwort [Text] / J.R. Ross // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1972. Vol. 8. – P. 316–328.

242. Ross J.R. There, there, (there, (there, (there ...))) [Text] / J.R. Ross // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1974. Vol. 10. – P. 569–587.

243. Sapir E. Grading. A study in semantics [Text] / E. Sapir // Philosophy of science. – 1944. – P. 93–116.

244. Sirelius U.T. Die Handarbeit der Ostjaken und Wogulen [Text] / U.T. Sirelius // J. S.F. Ougrinne. – Helsingfors, 1904. – Vol. 22.

245. Sirelius U.T. Uber die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Volkern [Text] / U.T. Sirelius. – Helsingfors, 1906. – 500 p.

246. Shopen T. Language Typology and Syntactic Description. Vol. III. Grammatical Categories and the Lexicon / T. Shopen. – Cambridge University Press, 2007. – 426 p.

247. Ostjakologische Arbeiten. Band IV [Text]. Beitrage zur Sprachwissenschaft und ethnographie. – Berlin, 1980. – 498 p.

248. The Structure of a Semantic Theory / Katz, Jerrold J. Jerry A. Fodor, Jerry A. [Text] // Language. – 1963. – Vol. 39, № 2. – P. 170–210.

249. Trier T. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. 2 Auf [Text] / T. Trier. – Heidelberg, 1973. – 347 s.

250. Ullmann S. The principles of semantics / S. Ullmann. – Glasgow, 1969.

251. Whorf B.L. Language, thought and reality [Text] // Selected writings / B.L. Whorf ; ed. J.B. Carroll. – New-York: Wiley, 1956. – P. 207–219.

252. Wierzbicka A. Semantic primitives [Text] / A. Wierzbicka. – Frankfurt am Main: Athenaem, 1972. – 235 p.

Список электронных источников

253. Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

254. Год [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%B4>.

255. Гуревич А.Я. Средневековый хронотоп [Электронный ресурс]. – М.: Искусство, 1984. – Режим доступа: <http://justlife.narod.ru/gurevich/gurevich03.htm>.

256. Календарь [Электронный ресурс] / Э. Бикерман [и др.] // Кругосвет. Энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KALENDAR.html?page=0,0>.

257. Коваленко Е. Загадки календаря Майя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fund-intent.ru/pubst/st0012p.shtml>.

258. Одежда, пища и посуда хантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spdvn.ru/index.php?s=52>.

259. Рубан Ю.И. Что такое календарь? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/days/istoriya_kalendarya.shtml.

260. Руссо М. День и ночь, зима и лето. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ezhe.ru/ib/issue1186.html>.

261. Селькупы-Россия [Электронный ресурс] // Россия Великая. – Режим доступа: <http://russia.rin.ru/guides/4718.html>.

262. Сементинов А. Лунарные мифы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://calendarevents.ru/blog/Sementinov-Aleksandr/Page-219.html>.

263. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – Режим доступа: <http://www.intruderalarms.sebastopol.ua/interpretators/slovar-spravochnik-lingvisticheskikh-terminov-d.e.-rozental-m.a.-telenkova-m.-1976>.

264. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>.

265. Хантыйский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Хантыйский_язык.

266. Энциклопедия кругосвет 1997-2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SEMA.html?page=0,0.

267. Ярцева 1990 [Электронный ресурс] // Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1998. – Режим доступа: <http://www.tapemark.narod.ru/les/>.

268. Cambridge Online Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british>.

269. Petruck, Miriam R.L. All in a Day's Week [Electronic resource] / M.R.L. Petruck, H.C. Boas. In E. Hajičová, A. Kotěšovcová & Jiří Mirovský (eds.), Proceedings of CIL 17. CD-ROM. – Prague: Matfyzpress, 2003.

Приложение 1. Список сокращений

аг.	– аганский диалект хантыйского языка
вас.	– васюганский диалект хантыйского языка
вах.	– ваховский диалект хантыйского языка
верхнекет.	– верхнекетский диалект селькупского языка
нарым.	– нарымский диалект селькупского языка
нижнекет.	– нижнекетский диалект селькупского языка
кет.	– кетский диалект селькупского языка
об.	– обской диалект селькупского языка
ОчСЯ	– очерки по селькупскому языку
сал.	– салымский диалект хантыйского языка
сельк.	– селькупский язык
ТГПУ	– Томский государственный педагогический университет
хант.	– хантыйский язык
юг.	– юганский диалект хантыйского языка
ACC	– аккумулятив
ADJ	– прилагательное
ADJz	– адъективизатор
ADV	– наречие
ALL	– аллатив
COM	– комитатив
CVB	– деепричастие
DET	– определитель
DIM	– диминутив
DU	– двойственное число
DUR	– дуратив
EP	– эпентетическая гласная
FUT	– будущее время
GEN	– генитив

HAB	– хабитатив
IMPP	– причастие несовершенного вида
INCH	– инхоатив
INF	– инфинитив
INGR	– ингрессив
ILL	– иллатив
ITER	– итератив
IPFV	– имперфективизатор
LAT	– латив
LOC	– локатив
MLTPL	– мультипликатив
N	– существительное
N[PROP]	– имя собственное
NEG	– отрицание
NOM	– номинатив
Num	– числительное
ORDIN	– порядковое числительное
PL	– множественное число
POSS	– поссессив
PP	– причастие совершенного вида
PRD	– показатель предикатива
PRL	– пролатив
PRS	– настоящее время
PST	– прошедшее время
PST1	– прошедшее время хантыйского языка с суффиксом <i>-yal</i>
PSTN	– результативное или нарративное прошедшее время в селькупском языке
PSTR	– послелог
PST0	– бессуфиксальное прошедшее время хантыйского языка
SUBz	– субстантивизатор

V[FIN]	– финитная форма глагола
V[INF]	– инфинитив глагола
1PL	– окончание первого лица множественного числа глагола
1SG	– окончание первого лица единственного числа глагола
3PL	– окончание третьего лица множественного числа глагола
3SG	– окончание третьего лица единственного числа глагола
3Sg.ob.	– третье лицо, единственное число, объектное спряжение
3Sg.sub.	– третье лицо, единственное число, субъектное спряжение

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

	Хант.	Перевод (ру)	Дословный перевод	Способ образования	Комментарий к деривации
I. (вас.)	já:vat pútím ké:tým	январь	семь котлов варим	Num+N+N	já:vat 'семь', pút-im 'котелPOSS', ké:tím 'последний'
	kúrkí:ki	февраль	месяц орлов	N+iki	kuruk 'орел', iki 'месяц'
	urniki	март	месяц ворон	N+iki	urn 'ворона', iki 'месяц'
	lonväski:ki	апрель	гуси-утки прилетают	N+N+iki	lo:nt 'гусь', vä:syk 'утка', iki 'месяц'
	koimiki	май	рыба икру пускает	N+iki	koim 'икромет', iki 'месяц'
	aiväriki	июнь	месяц маленького запора	Adj+N+iki	ai 'маленький', vär 'запор', iki 'месяц'
	oll'o vä:riki	июль	месяц большого запора	Adj+N+iki	oll'o 'большой', vär 'запор', iki 'месяц'
	n'áryyjuytúvtiki	август	месяц сырых листьев	Adj+N+N+iki	lúvet 'листья', n'áryy 'сырой', iki 'месяц'
	n'ógotkynthytæiki	сентябрь	месяц гона лосей	N+V[IMPP]+iki	n'ógot 'лоси', kynthytæ 'гон', iki 'месяц'
	vätygjugæiki	октябрь	(лист кончился), лес голый остался	Adj+N+iki	vätyg 'голый', jugæ 'дерево', iki 'месяц'
	jaxkutj'kyt'tiki	ноябрь	народ промышляет	N+V[IMPP]+iki	jax 'народ', kutj'kyt'ä 'охотиться', iki 'месяц'
	pa:späniki	декабрь	рукавица-палец	N+N+iki	pa 'рукавица', räp 'палец', iki 'месяц'
II. (вас.)	já:vat pútím ké:tým	январь	семь котлов варим	Num+N+N	já:vat 'семь', pútím 'котел', ké:t 'промежуток времени'
	kúrkí:ki	февраль	месяц орлов	N+iki	kuru 'орел', iki 'месяц'
	urniki	март	месяц ворон	N+iki	urn 'ворона', iki 'месяц'
	lonväski:ki	апрель	гуси-утки (прилетают)	N+N+iki	lo:nt 'гусь', vä:syk 'утка', iki 'месяц'
	koimiki	май	нерест (рыба икру пускает)	N+iki	koim 'икромет', iki 'месяц'
	väriki	июнь	месяц запора	N+iki	vär 'запор', iki 'месяц'
	aiväriki	июль	месяц маленького запора	Adj+N+iki	ai 'маленький', vär 'запор', iki 'месяц'
	n'áryyjuytúvtiki	август	месяц сырых листьев	Adj+N+N+iki	n'áryy 'сырой', juu 'дерево', lúvt 'лист', iki-месяц
	väl'yy-juyiki	сентябрь	голые деревья (листья опадают)	Adj+N+iki	välyg 'голый', jugæ 'дерево', iki 'месяц'
	paŷältiv	октябрь	все застыло	N	paŷältiw 'верхняя плоскость лыж'
	jaxkutj'kyt'tiki	ноябрь	народ промышляет	N+V[IMPP]+iki	jax 'народ', kutj'kyt'ä 'охотиться', iki 'месяц'
	Míkol'-iki	декабрь	Микола месяц	N[PROP]+iki	Míkol' 'Микола', iki 'месяц'
III. (вас.)	tälkiki	декабрь	зимний месяц	N+iki	tälek 'зима', iki 'месяц'
	tälek jor iki	январь	месяц середины зимы	N+N+iki	tälek 'зима', jor 'середина', iki 'месяц'
	tälek kolatä iki	февраль	месяц окончания зимы	N+V[IMPP]+iki	tälek 'зима', kolatä 'заканчиваться', iki 'месяц'
	uruŋiki, körök iki	март-апр.	месяц грачей, месяц коршуна	N+iki	urn 'ворона', körök 'орел', iki 'месяц'
	kotoy-loy-wes-iki	апрель-май	месяц лебедя, гуся, утки	N+N+N+iki	loŋ 'гусь', wes 'утка', kotoy 'лебедь', iki 'месяц'
	koim iki, kojta iki	до конца ма	месяц нереста	N+iki	koim 'икромет', iki 'месяц'
	juu liwa tacæmtæ iki	июнь	месяц листвы	N+N+V[IMPP]+iki	juu 'лес/дерево', liwa 'лист', tacæmtæ-расцветатыIMPP', iki 'месяц'
	ramjar iki	июль-август	месяц сенокоса	N+N+iki	ram-сено, jar-луг
	jomenčik pončauân iki	авг.-сент.	месяц поспевания ягоды	N+N+V[FIN]+iki	jom 'черемуха', епсик- 'шиповник', 'pončauân-поспетьPP', iki 'месяц'
	jux liwa kaŷamata iki	до 20 сент.	месяц желтой листвы	N+N+V[INF]+iki	jux-лес, liwa-лист,kaŷamata-засохнуть
	jomäncix säyitä iki	октябрь	месяц сбора ягод	N+N+V[INF]+iki	jom 'черемуха', äncix 'шиповник', säyitä 'собирать', iki 'месяц'
	wont wajax tälkemte iki	ноябрь	месяц подготовки таежного зверя к зиме	N+N+V[IMPP]+iki	wont-тайга, wajax-зверь, tälkemte-стать зимним
	toræm pattæ iki	до сер.дек.	месяц холодной погоды	N+V[IMPP]+iki	toræm 'Торум', pattæ 'замерзатыIMPP', iki 'месяц'
IV. (вас.)	ай'вæрики	июнь	месяц маленького запора	Adj+N+iki	ai 'маленький', vär 'запор', iki 'месяц'
	лонвæзкики	июль	месяц гусей	N+N+iki	lo:nt 'гусь', vä:syk 'утка', iki 'месяц'
	елле vä:riki	август	малый запор	Adj+N+iki	oll'o 'большой', vär 'запор', iki 'месяц'

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

	коркики	сентябрь	месяц куропаток	N+iki	kuruk 'орел', iki 'месяц'
	урныки	октябрь	месяц ворон	N+iki	urn 'ворона', iki 'месяц'
	поялтыв	ноябрь	все застыло	N	paʷəltiw 'верхняя плоскость лыж'
	велигюгики	декабрь	месяц, когда ни одного листа не будет	Adj+N+iki	välyg 'голый', jugə 'дерево', iki 'месяц'
	пасики	январь	месяц, когда рукавицы носят	N+iki	pa 'рукавица', iki 'месяц'
	пасики	февраль	месяц, когда рукавицы носят	N+iki	pa 'рукавица', iki 'месяц'
	котмотики	март	шестой месяц	Num+iki	kutmət 'шестой', iki 'месяц'
	вæскики	апрель	месяц уток	N+iki	vä:syk 'утка', iki 'месяц'
	коркики	май	месяц куропаток	N+iki	kuruk 'орел', iki 'месяц'
V. (вас.)	вæнкотловики	январь	короткие день	Adj+N+iki	vän 'короткий', котл 'день', iki 'месяц'
	куркики	февраль	месяц орла	N+iki	kuruk 'орел', iki 'месяц'
	урники	март	месяц вороны	N+iki	urn 'ворона', iki 'месяц'
	лонвæскики	апрель	месяц гуся-утки	N+N+iki	lo:nt 'гусь', vä:syk 'утка', iki 'месяц'
	коймики	май	рыба нертится	N+iki	koim 'икромет', iki 'месяц'
	јынтыики	июнь	вода разливается	V [IMPP]+iki	jän't'ä 'пить воду', iki 'месяц'
	еллевæрики	июль	месяц большого запора	Adj+N+iki	oll'o 'большой', vār 'запор', iki 'месяц'
	æйвæрики	август	месяц маленького запора	Adj+N+iki	ai 'маленький', vār 'запор', iki 'месяц'
	нярыхюхпывики	сентябрь	свежие, зеленые листья растут	Adj+N+N+iki	n'áryu 'сырой', juʷ 'дерево', lúvt 'лист', iki 'месяц'
	велигюгики	октябрь	деревья голыми остаются	Adj+N+iki	välyg 'голый', jugə 'дерево', iki 'месяц'
	паялтыв	ноябрь	река застывает	N	paʷəltiw 'верхняя плоскость лыж'
	яватпутымкетым	январь	семь котлов варим	Num+N+N	já:vat 'семь', rútim 'котел', ké:t 'промежуток времени'
VI. (вас.)	коиимики	май	рыба нертится	N+iki	koim 'икромет', iki 'месяц'
	интыики	июнь	вода разливается, воды много	V [IMPP]+iki	jän't'ä 'пить воду', iki 'месяц'
	вæрики	июль	запоры ставят	N+iki	vār 'запор', iki 'месяц'
	няривухлювтики	август	свежие, зеленые листья растут	Adj+N+N+iki	n'áryu 'сырой', juʷ 'дерево', lúvt 'лист', iki-месяц
	памјар јоуотики	сентябрь	сено косят	N+N+V[IMPP]+iki	paṃ 'сено', jaṃ 'луг', joʷita 'косить', iki 'месяц'
	велигюглюйтики	октябрь	палки одни остаются, листья падают	Adj+N+iki	välyg 'голый', jugə 'дерево', iki 'месяц'
	паялтыв	ноябрь	лед застывает	N	paʷəltiw 'верхняя плоскость лыж'
	яхкучкыльтики	декабрь	люди начинают промышлять	N+V[IMPP]+iki	jaḥ 'народ', kutj'kyt'ä 'охотиться', iki 'месяц'
	вæнкотловики	январь	самый короткий день	Adj+N+iki	vän 'короткий', котл 'день', iki 'месяц'
	кæтымики	февраль	последний месяц	Adj+iki	ke'təm 'последний', iki 'месяц'
	куркики	март	орел прилетает	N+iki	kuruk 'орел', iki 'месяц'
	урмики/лонвæскики	апрель	вороны/утки и гуси прилетают	N+iki, N+N+iki	urn 'ворона', iki 'месяц', loŋ 'гусь', wesyk 'утка', iki 'месяц'
VII. (сал.)	tət jašə tiləs (сал.)	январь	месяц середины зимы	N+N+tiləs	tət 'зима', jašə 'середина', tiləs 'месяц'
	sarə kūrək tiləs (сал.)	февраль	месяц первых орлов	Adj+N+tiləs	sarə 'передний', kūrək 'орел', tiləs 'месяц'
	urŋi tiləs (сал.)	март	месяц ворон	N+tiləs	urŋi 'ворона', tiləs 'месяц'
	tunt tiləs (сал.)	апрель	месяц гусей	N+tiləs	tunt (сал.) 'гусь', tiləs 'месяц'
	kujəm suʷ tiləs (сал.)	май	месяц отметавшего икру осетра	N+N+tiləs	kojəm 'икромет', suʷ 'осетр', tiləs 'месяц'
	jəŋk təj tiləs (сал.)	июнь	месяц высшего уровня воды в реках	N+N+tiləs	jəŋk 'вода', təj 'вершина', tiləs 'месяц'
	war tiləs (сал.)	июль	месяц запорного лова рыбы	N+tiləs	war 'запор', tiləs 'месяц'
	mōksəŋ tiləs (сал.)	август	месяц муксуна	N+tiləs	mōksəŋ 'муксун', tiləs 'месяц'

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

	wälək juŋ tiləs (сал.)	сентябрь	месяц оголившихся деревьев	Adj+N+tiləs	wälək 'голый', juŋ 'дерево', tiləs 'месяц'
VIII (тр.-юг.)	tołəŋ jačə t̥təs (тр.-юг.)	январь	месяц середины зимы	N+N+t̥təs	tołəŋ 'зима', jačə 'середина', t̥təs 'месяц'
	raŋrəŋ k̥rək t̥təs (тр.-юг.)	февраль	месяц ложных орлов	Adj+N+t̥təs	raŋrəŋ 'обманчивый', k̥rək 'орел', t̥təs 'месяц'
	čäŋə kurək t̥təs (тр.-юг.)	март	месяц верных орлов	Adj+N+t̥təs	čäŋə 'правдивый', kurək 'орел', t̥təs 'месяц'
	font wasəŋ t̥təs (тр.-юг.)	апрель	месяц гусей и уток	N+N+t̥təs	font 'лебедь', wasəŋ 'утка', t̥təs 'месяц'
	kojəm t̥təs (тр.-юг.)	май	месяц нерестения	N+t̥təs	kojəm 'икромет', t̥təs 'месяц'
	jəŋk t̥j t̥təs (тр.-юг.)	июнь	месяц высшего уровня воды в реках	N+N+t̥təs	jəŋk 'вода', t̥j 'вершина', t̥təs 'месяц'
	war t̥təs (тр.-юг.)	июль	месяц заporного лова рыбы	N+t̥təs	war 'запор', t̥təs 'месяц'
	möksəŋ t̥təs (тр.-юг.)	август	месяц муксуна	N+t̥təs	möksəŋ 'муксун', t̥təs 'месяц'
	särək t̥təs (тр.-юг.)	-	месяц сырка	N+t̥təs	särək 'сырок', t̥təs 'месяц'
	səŋ t̥təs (тр.-юг.)	-	месяц налима	N+t̥təs	səŋ 'налим', t̥təs 'месяц'
	əŋət j̥r koŋ (тр.-юг.)	октябрь	месяц больших жертвоприношений	Adj+N+Adj	əŋət 'большой', j̥r 'жертва', koŋ 'долгий'
	aŋ j̥r koŋ (тр.-юг.)	ноябрь	месяц малых жертвоприношений	Adj+N+Adj	aŋ 'маленький', j̥r 'жертва', koŋ 'долгий'
	Селькупский	Перевод (рус.)	Дословный перевод	Способ образования	Комментарий к деривации
I. (кет.)	n̥p mokól irret	январь	божий спина месяца	Adj+N+irret	n̥p(тым.) 'Божий', mokól 'спина', irret 'месяц'
	mátirsa irret	февраль	в тайгу ходящий народ	V+irret	матегу 'охотиться', p-transitive suffix, ca-derivational affix, irret
	karban kuoli irét	март	когда весной рыбу добывают	N+Adj+irret	карбан-рыболовный крючок/запор, kuoli-рыбий, irret-месяц
	səbbykka irret	апрель	бурундук выходит	N+irret	səbbykka 'бурундук', irret 'месяц'
	kuolai p̥ŋ irret	май	рыба икру пускает	Adj+N+irret	куалай 'рыбий', p̥ŋ 'бисер'
	tanandjonŋi irret	июнь	половина лета	N+N+irret	тахэт 'лето', денжон 'середина', irret 'месяц'
	arpa irret	июль	осенний месяц	Adj+irret	ара 'осенний', irret 'месяц'
	-	август	-	-	-
	-	сентябрь	-	-	-
	-	октябрь	-	-	-
	kai irret	ноябрь	зимний месяц	Adj+irret	kai 'зимний', irret 'месяц'
	kali irret	декабрь	последний месяц	Adj+irret	kali 'последний', irret 'месяц'
II. (верхнекет.)	karban kuoli irét	май	когда весной рыбу добывают	N+Adj+irret	карбан 'рыболовный крючок/запор', kuoli 'рыбий', irret 'месяц'
	kuolai p̥ŋ irret	июнь	рыба нежится, икру пускает	Adj+N+irret	куалай 'рыбий', p̥ŋ 'бисер'
	n̥ran m̥ŋ' irret	июль	мальков месяц	N+N+irret	нюра 'малек', m̥ŋ' 'икра/бисер', irret 'месяц'
	taŋandjon dŋi irret	август	половина лета	N+N+irret	тахэт 'лето', джон 'середина', irret 'месяц'
	n̥čam č'āb' tākūŋ irret	сентябрь	трава шелестит и листья желтеют	N+N+V[INF]+irret	n̥č-ам 'трава-ACC', č'āb' 'лист', tākūŋ-н'зарывать-PRS', irret
	t'ābla p̥ŋŋly irret	октябрь	лист падает	N+V[FIN]+irret	t'āb-ла 'листьяPL', p̥ŋŋлгу 'сыпаться', irret 'месяц'
	ky'ba kändak irret	ноябрь	маленький мороз	Adj+N+irret	ky'ba 'маленький', kändak 'мороз', irret 'месяц'
	vərg kändak irret	декабрь	большой мороз	Adj+N+irret	vərg 'большой', kändak 'мороз', irret 'месяц'
	lymbil' irret	январь	орлиный месяц	Adj+irret	лымбил' 'орлиный', irret 'месяц'
	n̥an mukkol irret	февраль	божий спина месяца	Adj+N+irret	n̥an 'божий', mukkol 'спина', irret 'месяц'
	mār'ti' rse irret	март	в тайгу идти надо	V+irret	матегу 'охотиться', p-transitive suffix, ca-derivational affix, irret
	sebakkaŋ irret	апрель	бурундук выходит	N+irret	себаккаŋ-бурундук, irret-месяц
III. (кет.)	norakan m̥ŋ' irret	-	маленькая рыба растёт	N+N+irret	нюра 'малек', m̥ŋ' 'икра/бисер', irret 'месяц'
	kuólan p̥ŋ irret	-	рыба нерщится	Adj+N+irret	куóлан 'рыбий', p̥ŋ 'бисер', irret 'месяц'

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

	ly'мбъле	-	зимний месяц	Adj+iret	ly'мбъле 'орлиный'
	матирсе ирет	-	в тайгу идти надо	V+irret	матегу 'охотиться', p-transitive suffix, ca-derivational affix, иррет
	тауанджон джи ирет	-	половина лета, летний месяц	N+N+iret	тахэт-лето, джонжи-середина, иррет-месяц
	кыбáкандактэ	-	осенью первый раз мороз бывает	Adj+N+iret	кыбá 'маленький', кандактэ 'мороз'
	вубруа кандактэ	-	большой мороз	Adj+N+iret	вубруа 'большой', кандактэ 'мороз'
	пил'эй думил ирет	апрель	половина на лыжах, половина на голицах	Adj+N+iret	пил'эй 'односторонний', тудыл 'голица'
	с'ебака ирет	-	бурундук выходит	N+iret	с'ебака 'бурундук', иррет 'месяц'
	н'юн'ю кандак	-	маленький мороз (заморозки)	Adj+N+iret	н'юн'ю 'маленький', кандак 'мороз'
	нўван мókol	янв. или де	божья спина (зимний месяц)	Adj+N+iret	нўван 'божий', мókol 'спина'
	кáрбан куоли ирет		мордой рыбачат	N+Adj+iret	кáрбан 'рыболовный крючок/запор', куоли 'рыбий', иррет 'месяц'
IV. (нижнекет.)	тёпанмизакунта	август	месяц ягоду собирать	N+V[IMPP]+iret	тёпан 'ягода', мизаку 'поспеть', нта-суффикс причастия, ирет 'месяц'
	санга ирэт	сентябрь	глухари садятся на песок	N+iret	санга-глухарь, ирет 'месяц'
	нолгут ирэт	сент.-окт.	дожди идут	N+iret	нолгут 'дождь, слякоть, ирет 'месяц'
	ючикандак ирэт	ноябрь	застывает лед	N+N+iret	ючи 'вода', кандак 'мороз', ирэт 'месяц'
	нуванмокке ирэт	декабрь	большая суета	Adj+N+iret	нуван 'божий', мокке 'спина', ирэт 'месяц'
	варг кандак ирэт	январь	все трещит, самый большой мороз	Adj+N+ iret	вэрг 'большой', кандак 'мороз', ирэт 'месяц'
	люмбикэ ирэт	февраль	на орлиный шаг пребывает день	Adj+ iret	люмбике 'орлиный', иррет 'месяц'
	себка ирэт	март-апрел	бурундука бить	N+iret	себка 'бурундук', ирэт 'месяц'
	карба кула ирэт	апрель-май	запоры рыбные ставят	N+Adj+iret	карба 'запор', кула 'рыбий', ирэт 'месяц'
	куэлайпю ирэт	май	рыба идет	Adj+N+iret	куэлай 'рыбий', пю 'бисер', ирэт 'месяц'
V. (кет.)	нунмокол	январь	божья спина	Adj+N+iret	нун 'божий', мокол 'спина', ирет 'месяц'
	лымбик'е	февраль	коршуновый	Adj+ iret	лымбик'е 'орлиный', ирет 'месяц'
	сэбыка	март	бурундучий	N+iret	сэбыка 'бурундук', ирет 'месяц'
	карба ирэт	апрель	запорный	N+iret	карба 'запор', ирет 'месяц'
	квълънпуй ирэт	май	когда рыба икру мечет, рыбоикровый мес	Adj+N+iret	квълън 'рыбий', пуй 'бисер', ирэт 'месяц'
	амна́й	июнь	голодный (Большая вода и нигде нет рыбы)	Adj	амна́й 'голод/голодный'
	н'уджипáд'итынди	июль	сенокосный	N+V[IMPP]	н'удж 'сено', пáджьэттэгу 'косить', нди-суффикс причастия
	с'ънги ир'ет	август	глухариный месяц	N+iret	с'ънги 'глухарь', ир'ет 'месяц'
	тшóпыр'итáктинды ир	сентябрь	ягодно-сборочный месяц	N+V[IMPP]+iret	тшóпыр 'ягода', такэлгу 'собирать', нды-суффикс причастия, ир
	н'æијал'д'и	октябрь	беличий месяц	Adj	н'æија(suf-л'д'и)-белка, табе'т-белка
	тáссунди	ноябрь	морозный месяц	Adj	тáссунди 'морозный'
	пил'эйтудыл	декабрь	на одной ноге лыжа с шерстью чтобы не с	Adj+N+iret	пил'эй 'односторонний', тудыл 'голица', ирет 'месяц'
			на другой - голая лыжина - она скользит		
VI.(кет.)	ўт кандак	октябрь	лед застывает	N+N+iret	ут 'вода', кандак 'мороз', ирет 'месяц'
	варг кандак	ноябрь	замерзло все	Adj+N+iret	варг 'большой', кандак 'мороз', ирет 'месяц'
	нуван мокке	декабрь	божья спина	Adj+N+iret	нуван 'божий', мокке 'спина', ирет 'месяц'
	лимбике	январь	орлиный	Adj+iret	лымбик'е 'орлиный', ирет 'месяц'
	маттерса ирет	февраль	в тайгу идти надо	V+irret	матегу 'охотиться', p-transitive suffix, ca-derivational affix, иррет
	себака ирет	март	бурундук	N+iret	сепака 'бурундук', иррет 'месяц'
	карба кубле ирет	апрель	запоры рыбные ставят	N+Adj+iret	карба 'запор', кула 'рыбий', ирэт 'месяц'
	куóлан пў ирет	май	рыба икру пускает	Adj+N+iret	куóлан 'рыбий', пў 'бисер', ирет 'месяц'

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

	нӯран мӯ' иррет	июнь	мальков месяц	N+N+irret	нюра 'малек', мӯ' 'икра/бисер', иррет 'месяц'
	тепрын муса купте ир	июль	ягода поспеваает первой	N+V[FIN]+irret	тепры-н 'ягода GEN', муса-'поспеть-3SG.sub', ку- ITER.IPFV, пт
	чочке иррет	авг.-сент.	лист спадает	N+irret	чочке 'лист', иррет 'месяц'
	нольгет	сент.-окт.	сляколь, грязь бывает	N+irret	нольгет 'дождь, слякоть', иррет 'месяц'
VII (нарым.)	варг кандэл арэт	январь	большой морозный месяц	Adj+Adj+aret	варг 'большой', кандэл 'морозный', арэт 'месяц'
	лымбэл арэт	февраль	орлиный месяц	Adj+aret	лымбэл 'орлиный', арэт 'месяц'
	шэпкал арэт	март	бурундучий месяц	Adj+aret	шэпкал 'бурундучий', арэт 'месяц'
	шэпкал арэт	апрель	бурундучий месяц	Adj+aret	шэпкал 'бурундучий', арэт 'месяц'
	квэлэл арэт	май	рыбий месяц	Adj+aret	квэлэл 'рыбий', арэт 'месяц'
	чобор орвэшпэдэл ар	июнь	месяц, когда ягода растет	N+V[IMPP]+aret	чобор 'ягода', орвэшпэгу 'расти', арэт 'месяц'
	чобор орвэшпэдэл ар	июль	месяц, когда ягода растет	N+V[IMPP]+aret	чобор 'ягода', орвэшпэгу 'расти', арэт 'месяц'
	чобор вадэшпэдэл ар	август	ягодно сборочный месяц	N+V[IMPP]+aret	чобор 'ягода', вадэшпэгуPP-'собирать', арэт 'месяц'
	чабла альчешпэдэл а	сентябрь	месяц опадания листьев	N+V[IMPP]+aret	чабла 'листья', альчешпэгуPP 'падать', арэт 'месяц'
	чабла альчешпэдэл а	октябрь	месяц опадания листьев	N+V[IMPP]+aret	чабла 'листья', альчешпэгуPP 'падать', арэт 'месяц'
	варг кандэл арэт	ноябрь	большой морозный месяц	Adj+Adj+aret	варг 'большой', кандэл 'морозный', арэт 'месяц'
	<i>Mikola äret</i>	декабрь	Микола месяц	N[PROP]+aret	Mikola 'Микола', aret 'месяц'

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

Комментарий значения основы	Что отражает	Место, год	Информант	Источник
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
миграции/действия птиц	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
миграции/действия птиц	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
миграции/действия птиц	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
жизненные циклы рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
вид деятельности /жизнен цикл ры	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
вид деятельности /жизнен цикл ры	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
предметы материальной культуры	Климатические условия	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
миграции/действия птиц	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
миграции/действия птиц	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
миграции/действия птиц	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
жизненные циклы рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
вид деятельности /жизнен цикл ры	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
вид деятельности /жизнен цикл ры	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
религиозн.(христианск.) свящ.	Культурно-религиозные представл	1956-1957	-	Том УІ, Л.И.Калинина
время года / сезон	Смена сезонов/месяцев	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
время года / сезон (середина)	Смена сезонов/месяцев	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
время года / сезон (конец)	Смена сезонов/месяцев	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
миграции/действия птиц	Природные особенности	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
миграции/действия птиц	Природные особенности/Хоз/-труд.	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
вид деятельности /жизнен цикл ры	Природные особенности/Хоз/-труд.	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
вид деятельности/сезон. измен. ф	Хозяйственно-трудовая деятельность	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
сезонные изменения флоры	Природные особенности/Хоз/-труд.	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
вид деятельности	Природные особенности/Хоз/-труд.	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
религиозн.(язычес.)	Культурно-религиозные представл	1992, Новый Васюган, Озерное	В.М.Саиспаева	А.А. Ким
вид деятельности /жизнен цикл ры	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956, Васюган и Юган	Н.Н.Синарбина	Том УІV, Л.И.Калинина
миграции/действия птиц	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956, Васюган и Юган	Н.Н.Синарбина	Том УІV, Л.И.Калинина
вид деятельности /жизнен цикл ры	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956, Васюган и Юган	Н.Н.Синарбина	Том УІV, Л.И.Калинина

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

сезонные изменения флоры	Природные особенности			Терешкин 1981: 468
время года / сезон (середина)	Смена сезонов/месяцев			Терешкин 1981: 468
миграции/действия птиц	Природные особенности			Терешкин 1981: 468
миграции/действия птиц	Природные особенности			Терешкин 1981: 468
миграции/действия птиц	Природные особенности			Терешкин 1981: 468
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.деят.			Терешкин 1981: 468
природные явления	Природные особенности			Терешкин 1981: 468
вид деятельности /жизнен цикл ры	Хозяйственно-трудовая деятельность			Терешкин 1981: 468
вид деятельности /жизнен цикл ры	Природные особенности/Хоз/-труд.деят.			Терешкин 1981: 468
вид деятельности /жизнен цикл ры	Природные особенности/Хоз/-труд.деят.			Терешкин 1981: 468
вид деятельности /жизнен цикл ры	Природные особенности/Хоз/-труд.деят.			Терешкин 1981: 468
религиозные представления	Культурно-религиозные представления			Терешкин 1981: 468
религиозные представления	Культурно-религиозные представления			Терешкин 1981: 468
Комментарий значения основы	Что отражает	Место, год	Информант	Источник
религиозные представления	Культурно-религиозные представл	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельност	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельност	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
время года / сезон	Смена сезонов/месяцев	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
время года / сезон	Смена сезонов/месяцев	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
-	-	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
-	-	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
-	-	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
время года / сезон	Смена сезонов/месяцев	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
время года / сезон	Смена сезонов/месяцев	1952, р. Кеть, п. Максимкин Яр	И.Я.Ермолин	Том С1, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельност	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
время года / сезон	Смена сезонов/месяцев	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
сезонные изменения флоры	Природные особенности	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
миграции/действия птиц	Природные особенности	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
религиозные представления	Культурно-религиозные представл	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельност	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952, р. Кеть, пос Лукьяново	Д.Р.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том С1, А.П. Дульзон

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

миграции/действия птиц	Природные особенности	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
время года / сезон	Смена сезонов/месяцев	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
предмет материальной культуры	Климатические условия	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
религиозные представления	Культурно-религиозные представления	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1952г., пос. Усть-Озерное	Д.С.Карбин	Том CI, А.П. Дульзон
природн.явл.	Природные особенности/Хоз/-труд.	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
миграции/действия птиц	Природные особенности/Хоз/-труд.	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
природн.явл.(температура, вода)	Природные особенности	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
религиозные представления	Культурно-религиозные представления	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
миграции/действия птиц	Природные особенности	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
жизнен цикл рыб	Природные особенности	Лето 1963, низовья р. Кети		Г.И. Пелих
религиозные представления	Культурно-религиозные представления	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
миграции/действия птиц	Природные особенности	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
вид деятельности	Природные особенности/Хоз/-труд.	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
миграции/действия птиц	Природные особенности/Хоз/-труд.	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
предмет материальной культуры	Климатические условия	1962, пос. Усть-Озерное		Г.К. Вернер (Том CV)
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон
религиозные представления	Культурно-религиозные представления	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон
миграции/действия птиц	Природные особенности	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том CIII, А.П. Дульзон

Приложение 2. Наименования календарных "месяцев" в восточных диалектах хантыйского языка и южных диалектах селькупского языка.

жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том СIII, А.П. Дульзон
природн.явл.	Природные особенности	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том СIII, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Природные особенности	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том СIII, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Природные особенности	1956, пос. Маковское	С.М.Белозеров	Том СIII, А.П. Дульзон
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
миграции/действия птиц	Природные особенности	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
жизненные циклы животных	Природные особенности/Хоз/-труд.	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
жизнен цикл рыб	Природные особенности/Хоз/-труд.	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
природн.явл.	Природные особенности	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
природн.явл.	Природные особенности	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
вид деятельности	Хозяйственно-трудовая деятельность	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
природн.явл.	Природные особенности	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
природн.явл.	Природные особенности	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
природн.явл.(температура, вода)	Климатические условия	2013, Парабель	И.А.Коробейникова	
религиозн.(христианск.) свящ.	Культурно-религиозные представления			

Приложение 3: Морфологические типы образования календарно-временной лексики восточных диалектов хантыйского языка и южных диалектов селькупского языка

Номинализованные конструкции		Непроизводная лексика	
Морф. тип	Хантыйские наименования месяцев	Селькупские наименования месяцев	Хантыйский язык
			Селькупский язык
Номинализованные конструкции с именными основами			al 'год'
N	paŷáltiw 'все застыло'	-	iki 'месяц, луна'
			qotl 'день'
N+iki/irret	kurk-iki	sebaka-iret 'месяц бурундука'	ej, joŷen 'ночь'
	urn-iki 'месяц ворона'	sanga-iret 'глухаринный месяц'	äləŋ 'утро'
	pasiki 'месяц, когда рукавицы носят'	karba irret 'запорный месяц'	ät, itən 'вечер'
	tälk-iki 'зимний месяц'	chochke-irret 'лист спадает месяц'	
	wär-iki 'месяц запора'	polgut-irret 'дождь, слякоть месяц'	
	koim-iki 'месяц, когда рыба икру мечет'	-	
	wesk-iki 'месяц уток'	-	
			Суффиксальный способ образования лексики
			Хантыйский язык
			Селькупский язык
			pod, pot 'год'
			iret, irret, aret 'месяц'
N+N+iki/N+N+irret	lont-wäsk-iki 'месяц гуся, утки'	taŷan-djondzi-irret 'половина лета'	tfelt, tel 'день'
	tälək-jor-iki 'месяц середины зимы'	nuran-mü-irret 'месяц рыбьих мальков'	pet, pit 'ночь'
	pa:s-pän-iki 'месяц большого пальца рукавицы'	üt kandak iret 'вода застывает'	kart 'утро'
	paŷ-jar-iki 'месяц сенокоса'	-	üdyt, ütət, üdət 'вечер'
			Способ словосложения
			Хантыйский язык
			Селькупский язык
N+N+N+iki	kotoŷ-lont-wäsyk-iki 'месяц лебедя, гуся, утки'	-	al-peleŷ 'полгода'
			pot-pile, pot-peleka 'полгода'
Adj+iki/irret	kätim-iki 'последний месяц'	arra-irret 'осенний месяц'	iki-jäwə 'неделя'
	-	kaj-irret 'зимний месяц'	wan-qotl 'суббота'
	-	kali-irret 'последний месяц'	torəm-qotl 'воскресенье'
	-	limbil'-irret 'орлиный месяц'	-
	-	amnaj 'голодный месяц'	ej-jor, ej-peleŷ, joŷen-jor, joŷen-pin-djnözhe, pin-dzamb 'полночь'
	-	näjjal'd'i 'беличий месяц'	qotl-jor / qotl-peleŷ 'полдень'
	-	shepkal-arét 'бурундучий месяц'	tfel-dzamb 'полдень'
	-	qwel-el arét 'рыбий месяц'	tfelt aj pin 'сутки'
	-	tassundi 'морозный'	
Adj+Adj+arét	-	warg-kandel-arét 'большого мороза месяц'	
Adj+N+iki/irret	aj-wär-iki 'месяц маленьких заповров'	kiba-kandak-irret 'месяц маленького мороза'	
	oll'o-wär-iki 'месяц больших заповров'	n'un'u-kandak-irret 'маленький мороз'	
	wän-kotl-əw-iki 'месяц короткого дня'	warg-kandak-irret 'месяц большого мороза'	
	wäləŷ-juŷ-iki 'месяц голых деревьев'	pi'ej-tudil-irret 'лыжина с шерстью и голая лыжина'	
	-	nuwan-mukkol-irret 'божья спина'	
	-	kuolaj-pü-irret 'рыба икру пускает'	
N+Adj+irret	-	karban-kuoli-irret 'месяц рыбьих заповров'	
Adj+N+N+iki	n'ariŷ-juŷ-lúwt-iki 'месяц сырых листьев'	-	
N[PROP]+iki	Mikol'-iki 'Микола месяц'	Mikola-aret 'Микола месяц'	

Num+iki	kotmot-iki 'шестой месяц'	-		
Num+N+N	javat-putim-ketim 'семь котлов варим'	-		
Номинализованные конструкции с глагольными основами				
V+irret	-	matirsa-irret 'в тайгу идти надо'		
V[IMPP]+iki	jintə-iki 'вода разливается, воды много'	-		
N+V[IMPP]+iki/irret	n'ogot-kunthutə-iki 'месяц гона лосей'	tʃopir-itaktindi-iret 'ягоды-сбора месяц'		
	jaγ-kut'kult't-iki 'народ охотиться'	tʃobor-wadeʃpedel-arét 'ягоды-сбора месяц'		
	täle-kolatə-iki 'месяц окончания зимы'	n'udʒipad'itindi 'сенокоса месяц'		
	torəm-pattə-iki 'месяц холодной погоды'	tʃabla-al'tʃeʃpedel-arét 'месяц, когда падают листья'		
	-	tʃobor-orweʃpedel-arét 'месяц, когда растет ягода'		
	-	töpanmizakunta 'ягода поспела'		
N+N+V[IMPP]+iki	juγ-liwa-tatʃəmtə-iki 'месяц желтой листвы'	-		
	ram-jar-joyotə-iki 'сено косят'	-		
	wont-wajah-tälkemte-iki 'месяц подготовки зверя'	-		
N+N+V[INF]+iki/irret	juγ-liwa-kaγamata-iki 'месяц желтой листвы'	nutʃam-tʃab'-täkuγ-irret 'трава шелестит, листья желтеют'		
	jomäntʃiy-tʃäyi-tä-iki 'месяц сбора ягод'	-		
N+V[FIN]+irret	-	t'ábla-piŋgəli-irret 'месяц опадания листвы'		
	-	teprin-musakupte-irret 'месяц когда ягода поспевает первой'		
N+N+V[FIN]+iki	jom-entʃiy-pontʃaγan-iki 'месяц поспевания ягоды'	-		